

Crème de la Crème

Э. М. Форстер

ФАРОС И ФАРИЛЛОН

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 Вел

E. M. Forster
Pharos and Pharillon

Благодарим за консультации
и помощь в работе В.В. Зельченко,
А.Ю. Братухина и О. Малову

Редактор: Дмитрий Волчек
Верстка и обложка: Дарья Протченкова
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

©Kolonna Publications, 2012

ISBN 978-5-98144-160-8

Содержание

Артем Федорчук. Э. М. Форстер и Александрия 7

Введение, перев. О. Серебряной 15

ФАРОС

Фарос, перев. О. Серебряной 19

Возвращение из Сивы, перев. О. Серебряной 31

Эпифания, перев. О. Серебряной 35

Короткое путешествие Филона, перев. О. Серебряной 39

Климент Александрийский, перев. О. Серебряной 45

Св. Афанасий, перев. О. Серебряной 51

Тимофей Кот и Тимофей Белый Колпак, перев. О. Серебряной 61

Бог покидает Антония, перев. Г. Шмакова 67

ФАРИЛЛОН

Элиза в Египте, перев. Т. Ровинской 71

Хлопок – взгляд со стороны, перев. О. Серебряной 87

Притон, перев. О. Серебряной 93

Между солнцем и луной, перев. О. Серебряной 97

Пустынное место, перев. О. Серебряной 101

Поэзия К. П. Кавафиса, перев. А. Федорчука 107

Заключение, перев. О. Серебряной 115

Приложение I

Эдвард Морган Форстер –
Константинос Кавафис, письма 1917 – 1932,
публикация и перевод А. Федорчука 117

Приложение II

Письмо Э.М. Форстера
Мохаммаду Эль Адлю 27 декабря 1929 года,
публикация и перевод А. Федорчука 163

О. Серебряная и А. Федорчук. Комментарии 175

Британский писатель Эдвард Морган Форстер (1879 – 1970) был одним из создателей «александрийского мифа» XX века. В первую очередь, именно его усилиями египетский город, живущий торговлей «хлопком, луком и яйцами», в котором, казалось бы, не осталось ничего от города Александра, Клеопатры и Антиноя, превратился в одну из важных тем европейской литературы. Именно Форстер, как и его друг и современник, великий греческий поэт Константинос Кавафис (1863 – 1933), разглядел в скучной Рю Розетт, безуспешно пытающейся подражать парижским бульварам, Канопскую дорогу города Александра Великого, а в обитателях современного городского дна – персонажей александрийской поэзии.

К началу Первой мировой войны тридцатипятилетний писатель, выпускник Кембриджа, участник литературной группы Блумсбери, автор нескольких романов, завоевавших широкую популярность у британской публики («Куда боятся ступить ангелы», «Самое долгое путешествие», «Комната с видом», «Говардс Энд»), переживает серьезный душевный кризис. После первой поездки в Индию (состоявшейся в 1912-1913 годах) он навсегда заинтересовался ориентальными мотивами и начал писать книгу об этой стране, но вскоре

бросил (впоследствии Форстер к ней вернется и в 1924 году, после второй поездки в Индию, издаст самый знаменитый из своих романов, «Поездка в Индию»). Пытаясь преодолеть внутренний разлад, Форстер создает роман «Морис», где впервые открыто звучат гомоэротические мотивы (согласно воле писателя, книга вышла в свет лишь после его смерти, в 1971 году). «Морис» был закончен незадолго до войны.

8 Через некоторое время после начала войны Форстер отправляется в Александрию, где служит в Британском Красном Кресте.

«Я прибыл туда осенью 1915 года в несколько героическом настроении, – писал Форстер в 1960 году. – Существовала угроза турецкого вторжения, и я, хоть и был гражданским лицом, мог оказаться на линии фронта. Угроза миновала, и мое настроение изменилось. Форпост стал подозрительно напоминать тыловое убежище, в котором я застрял более чем на три года, посещая госпитали, собирая информацию и составляя отчеты... Я носил обмундирование, похожее на офицерское, но в промежутках между службой был свободен; так я начал постигать магию, древность и сложность города и решил написать о нем...»

Литературным итогом этих лет стало вхождение Александрии в европейскую литературу, в которой на протяжении XX века ей было суждено оставить заметный след (достаточно вспомнить «Александрийский квартет» Лоренса Даррелла). История Города, Александрия древняя и современная, реальная и мифологическая стали предметом ряда эссе Форстера, которые он на протяжении нескольких лет печатал в различных периодических изданиях, а в 1923 году собрал в книгу «Фарос и Фариллон», впервые предлагаемую вниманию русскоязычного читателя.

Помимо этого сборника, выпущенного в свет в Лондоне, несколько раньше, в 1922 году, Форстер публикует в Александрии книгу «Александрия: история и путеводитель», которая и по сей день остается лучшей в своем жанре, несмотря на то, что, на первый взгляд, от космополитического города Форстера, Кавафиса и Даррелла после революции 1952 года и прочих эксцессов минувшего столетия, сделавших его население практически однородным, осталось, пожалуй, ненамного больше, чем оставалось от города Александра ко времени первой мировой войны...

«Меня вдохновляли мои друзья, – вспоминал Форстер, – среди которых были англичане, греки, американцы, французы, итальянцы, норвежцы, сирийцы, египтяне, ибо я постепенно включался в левантийскую жизнь. Видения настигали меня, когда я перемещался по городу на трамвае или пешком или купался в ласковом море. Например, я умножал на четыре высоту форта Кайт-Бей и видел Фарос, который когда-то стоял на этом самом месте. На пересечении двух главных улиц я воздвигал могилу Александра Великого. В своем воображении я следовал за Александром в Сиву, где его приветствовали как Сына Солнца...»

Судьба «Путеводителя» была непростой: тираж первого издания был почти полностью уничтожен в результате пожара на складе издательства. Позднее Форстер дополнил книгу и выпустил еще два издания.

Что касается самого писателя, то для него огромное значение имели две встречи, состоявшиеся практически одновременно, весной 1916 года. Первой из них стало знакомство с Константиносом Кавафисом, человеком, без которого мировая поэзия XX века – от Одена до Бродского – была бы иной, и стихи которого, не произойди этой

встречи, могли бы остаться неизвестными миру. Форстер стал первым западным литератором, оценившим по достоинству поэзию «последнего александрийца», и приложил огромные усилия, чтобы она получила известность. Первую английскую публикацию стихотворений Кавафиса Форстер осуществил в 1919 году в «Атенеуме» (вместе со своим эссе, посвященным его поэзии, которое позднее вошло в сборник «Фарос и Фариллон»).

10

Как показывают письма Форстера и Кавафиса (публикуемые в качестве приложения к нашей книге), на протяжении последующего десятилетия Форстер прилагал огромные усилия для того, чтобы английский сборник греческого поэта увидел свет. К сожалению, при жизни Кавафиса этого не произошло. Отчасти это объяснялось желанием поэта, чтобы книга его стихов впервые появилась именно на родном языке, отчасти – неторопливостью переводчика Йоргиса Валасопулоса (как показывает неопубликованная переписка Форстера с Валасопулосом, лишь к середине сороковых годов последнему удалось перевести большую часть стихотворений Кавафиса); однако, по всей видимости, основная причина состояла в том, что поэт, с его сверхкритическим отношением к собственным произведениям, так и не смог решиться на публикацию книги. Впрочем, из самой переписки читатель может составить представление обо всех перипетиях, связанных с публикацией стихотворений Кавафиса в Англии. В конце концов, английская книга Кавафиса (с предисловием Форстера) увидела свет лишь в 1951 году.

В письмах Форстера и Кавафиса фигурируют, в числе прочих, такие разнообразные персонажи, как Томас Стернз Элиот и Арнольд Тойнби, Вирджиния Вулф и Томас Эдвард Лоуренс, Роберт Грейвз и Жан де Менаш. Многие из них по иници-

ативе Форстера, так или иначе, приложили руку к переводу, редактуре и изданию стихотворений Кавафиса, а некоторым повезло познакомиться с престарелым поэтом в Александрии в последние годы его жизни.

Переписка также опровергает устойчивый миф, который кочует из одной биографии Форстера в другую и сводится к тому, что Кавафис якобы платил ему полнейшим равнодушием, не ценил хлопот Форстера по изданию его стихов и даже не читал книг англичанина. Кавафис, действительно, был человеком весьма замкнутым, но тем заметнее его трепетное отношение к Форстеру, явствующее из писем поэта. Что же касается самого Форстера, то много позже, в 1957 году, он напишет о своих стараниях популяризировать поэзию Кавафиса: «Это, пожалуй, одна из самых лучших вещей, что я сделал в своей жизни».

Общение с Кавафисом, возможно, повлияло и на то, что именно в Александрии тридцативосьмилетний Форстер, наконец, отбросил свое викторианское воспитание и, как он сам сформулировал это в письмах, «покончил с благопристойностью». История взаимоотношений писателя с трамвайным кондуктором Мохаммадом эль Адлем (1899 – 1922), которую Форстер пытается воссоздать в «письме» Мохаммаду, написанном уже после смерти последнего («письмо» также публикуется в качестве приложения к нашей книге), вполне могла бы стать сюжетом одного из стихотворений Кавафиса...

Можно предположить, что одним из последствий пребывания в Александрии и встречи с Мохаммадом стало то, что на протяжении второй половины своей долгой жизни, после «Поездки в Индию», Форстер больше не писал романов, видимо, сочтя их темы для себя исчерпанными. Он вы-

пускал многочисленную и разнообразную публицистику (принесшую ему славу одного из лучших эссеистов Англии) и биографические сочинения, а также писал «непечатные» для того времени рассказы, опубликованные лишь после его смерти.

Артем Федорчук

Ἐρμῆ ψυχοπομπῶ'

Когда в Египте еще не возникла цивилизация и даже не сформировалась еще дельта Нила, вся страна к югу, вплоть до современного Каира, была покрыта морем. По берегам этого моря лежала известняковая пустыня. Береговая линия была в основном гладкой, но в северо-западном углу из основной массы выдавался примечательный выступ. Шириной меньше мили, в длину он простирался на тридцать. Начинаясь недалеко от Бакики, Александрия стоит в середине этого выступа, концом его является мыс Абукир. По обе стороны этой полоски земли некогда было глубокое соленое море.

Шли века, и Нил, пробивший себе выход выше Каира, нес сюда грязи Верхнего Египта, избавляясь от них там, где течение ослабевало. В северо-западном углу, где их задерживал этот выступ, началось заиливание. Создалось укрытие не только от внешнего моря, но и от преобладающего ветра. Образовалась пойма; сформировалось большое мелководное озеро Мариут, и воды Нила, так и не пробив известняковый барьер, скруглили мыс Абукир и соединились с морем через «канопское» устье, как называли его древние историки².

К северу от этого выступа и почти параллельно ему идет вторая известняковая гряда. Она гораздо

короче и совсем не такая высокая – в основном она даже не поднимается над водой, оставаясь, таким образом, грядой рифов, однако если бы ее там не было, не было бы и гаваней (а соответственно и Александрии), потому что силу волн сдерживает именно она. Начинаясь у Агами, она грядой скал проходит через вход в современную гавань. Потом она снова показывается над водой в виде мыса Рас эль-Тин, исчезает опять, образуя вторую гряду скал, закрывающих вход в Восточную гавань, затем в последний раз показывается на свет в виде мыса Силсилех, после чего соединяется с большим выступом.

На этой сцене и разворачивались нижеописанные события и идеи: известняковая гряда с пойменной землей по одну сторону и гаванями по другую, выходящая из пустыни и ведущая к Нилу; сцена для Египта уникальная – александрийцы, впрочем, египтянами никогда по-настоящему не были. Чтобы появился этот город, здесь собрались африканцы, греки и евреи; здесь тысячелетие спустя арабы оставили легкий, но прочный отпечаток Востока; здесь, после многовекового упадка вырос еще один город – который стоит там и по сей день, – где я работал или делал вид, что работаю, во время недавней войны³. Фарос – грандиозный эпический маяк – возвышался над первым городом; под заголовком «Фарос» я собрал кое-какие античные события; заглавием для событий современных, равно как и для личных впечатлений, я выбрал Фариллон – безвестный наследник Фароса, который держался какое-то время на низком уступе Силсилеха, а потом сошел, никем не замеченный, в Средиземное море.

ΦΑΡΟΣ

I

Карьера Менелая складывалась из череды мелких неудач. Когда он потерял Елену, а потом, снова обретя ее, возвращался из Трои, поднялся северо-западный ветер, заставивший его искать спасения на пустынном острове. Остров был сплошь известняковый, располагался недалеко от африканского побережья, у дельты Нила, хотя и не там, где Нил впадал в море; от Средиземного моря остров прикрывала внешняя гряда рифов. Здесь Менелай задержался на двадцать дней – в полной безопасности, однако в положении крайне неловком, поскольку прибежище это царица сочла для себя неподобающим. Елена уже бывала в Египте десять лет назад, в сопровождении Париса, который умел организовать путешествие с куда большим искусством, и потому ей ничего не оставалось, как заметить, что на этом острове нечего смотреть, нечего есть и что пляжи до отказа заполнены тюленями. Надо что-то делать, решил Менелай. Он обыскал небо и море и, заметив, наконец, старика, обратился к нему с такими быстроекрытыми словами:

– Что за остров такой?

– Фараонов, – ответил старик.

– Фарос?

– Да, фараонов, парути.

(«Парути» – другое название царя египтян, встречается в иероглифах).

– Протея?

– Да.

20 И как только Менелай все перепутал, ветер переменился, он вернулся в Грецию, где рассказал про остров под названием Фарос, властителя которого звали Протеем и пляжи на котором были до отказа заполнены нимфами. С этим превратным толкованием остров и вошел в нашу географию.

Одна из оконечностей Фароса имела форму молотка, и задолго до того, как там высадился Менелай, какая-то неведомая держава – не то критяне, не то жители Атлантиды – устроили гавань на его западной оконечности. Перед светлокудрым царем, как и перед нами, сооружения эти могли предстать лишь в виде охряных пятен и линий под вечным танцем волн, ибо остров всегда уходил под воду, и к причалам, молам и двойным волнорезам этого доисторического порта может сейчас прикоснуться только ныряльщик. Их существование было уже забыто, когда солнце истории поднялось – чтобы никогда уже не закатиться – над другой его оконечностью, восточной. Сюда прибыл Александр Великий. Этот эллинофил предложил построить на Фаросе греческий город. Но островной хребет оказался для его амбиций слишком узкой площадкой, и новый город, Александрию, построили в итоге на противоположном берегу. Фарос, привязанный к Александрии длинной дамбой, стал частью замысла более грандиозного, и еще раз Александр вспомнил о нем лишь однажды: вместе с другими местами святости и услады остров пришел ему на ум после смерти Гефестио-

на, и в память о своем друге он приказал возвести там святилище – чтобы и там аукнулось горе, сотрясшее Экбатану и Вавилон⁴.

Тем временем евреи были настороже. Им тоже нравились места улады. При всей глубокой преданности Иегове, они всегда почитали за долг при первой же возможности покинуть Его город, и как только Александрия начала расти и шириться, они заполнили ее рынки своим вежливым гомоном. Здесь они нашли себе столько занятий, что в Иерусалим решили не возвращаться, и встретили столько греков, что разучились говорить на иврите. Делом их стали спекуляции – теологические и торговые, они давали в долг царю Птолемею Второму⁵, отчего тот проникся (сообщают они нам) таким восторгом по отношению к их религии, что приказал им перевести для их же пользы свое Писание. Он сам выбрал переводчиков и отвел им для трудов остров Фарос, где было не так шумно, как на материке. Там он рассадил семьдесят раввинов по семидесяти кельям, откуда они поразительно быстро вышли с семьюдесятью идентичными переводами Библии. Совпадало абсолютно все. Даже там, где они ошиблись, они ошиблись семьдесят раз, и греческая литература наконец-то обогатилась Боговдохновенной книгой. Это последующие поколения, сунувшись в иеговическую ученость, заключили, что Септуагинта создавалась в течение долгого времени, и что перевод был завершен не раньше 100 г. н. э. Евреи Александрии подобных сомнений не знали. Каждый год в память о чуде они устраивали на Фаросе праздник и строили маленькие хижинки вдоль пляжей, у которых Елена содрогалась некогда при виде тюленей. Остров стал вторым Синаем, и сотрясшие его скромные раскаты привели в волнение философский мир⁶. Перевод, пусть даже и

боговдохновенный, никогда не устрасит так, как оригинал; а неизвестный автор «Книги Премудрости Соломона»⁷ показывает в своих сладостных, хоть и сомнительной подлинности, стихах, что и оригиналу вовсе не обязательно быть тревожным, если этот оригинал сочинили в Александрии:

22

Будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностью;

преисполнимся дорогим вином и благовониями, и да не пройдет мимо нас весенний цвет жизни;

увенчаемся цветами роз прежде, нежели они увяли;

никто из нас не лишай себя участия в нашем наслаждении; везде оставим следы веселья, ибо это наша доля и наш жребий⁸.

Правда, собравшись с мыслями, автор напоминает дальше, что вышеприведенные замечания были не элегией об Александре и Гефестионе, а приговором безбожникам, и потому читаться должны были саркастически:

Так они умствовали, и ошиблись; ибо злоба их ослепила их,

и они не познали тайн Божиих, не ожидали воздаяния за святость и не считали достойными награды душ непорочных.

Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего⁹.

Но поздно. Слишком поздно для национальных и религиозных усилий любого рода. Хоть Фаросу и не суждено было стать греческим, еврейским он тоже не стал. Им завладела сила менее пристрастная. На пятьсот футов над всеми святилищами и кельями уже вознесла свой престол Наука.

II

Маяк был необходим. Побережье Египта в западной своей части одновременно плоское и скалистое, и кораблям нужен был, с одной стороны, ориентир, чтобы понять, где находится Александрия, а с другой – проводник сквозь рифы, закрывающие ее гавани. Само собой разумеется, стоять он должен был на Фаросе, потому что остров располагался прямо перед городом, причем на восточной его оконечности, потому что она закрывала более важную из двух гаваней – Царскую. Не ясно, правда, снизошло ли божественное безумие и на строителей, намеренно ли они окрыляли инженерию поэзией и собирались ли подарить миру еще одно чудо. Но как бы то ни было, им это удалось, и искусства объединились с наукой, чтобы превознести их общий триумф. Как Парфенон отождествляли с Афинами, как будут отождествлять с Римом собор Св. Петра, так в воображении современников Фарос стал Александрией, а Александрия – Фаросом. Никогда еще в истории архитектуры светское сооружение не удостоивалось такого почитания и не обретало собственную духовную жизнь. Оно указывало путь воображению – не только кораблям, – и когда его огонь уже угас, воспоминания о нем еще долго сияли в сознании людей. Быть может, он был просто очень большим; реконструкции приводят в уныние, и минарет, его нынешний наследник, тоже не блещет красотой. Нечто очень большое, с чем люди, в конце концов, свыклись – Статуя Свободы? Эйфелева башня? Вполне может быть, поэтические экстазы такой возможности не исключают.

Маяк строили из местного известняка, мрамора и красновато-пурпурного гранита из Асуана. Он стоял в окруженном колоннадой дворе, зани-

мавшем всю оконечность острова. Этажей было четыре. Нижний, более двухсот футов высотой, имел квадратную форму и массу оконных отверстий. Здесь располагались комнаты (по оценкам, около трехсот), где жили механики и зрители, и сюда же выходил спиралевидный подъем, а возможно и двойная спираль. В центральной скважине могли располагаться гидравлические механизмы, с помощью которых наверх поднимали топливо – иначе нам придется рисовать в своем воображении процессию ослов, денно и ночью бредущих вверх по спирали с вязанками дров на спинах. Этот этаж завершался карнизом и статуями Тритонов; здесь же была сделанная огромными свинцовыми буквами греческая надпись с именем архитектора: «Сострат из Книда¹⁰, сын Дексифана, – богам-спасителям: ради мореходов» – надпись, имевшая, при всей своей простоте, двойное значение. Богами-спасителями были Диоскуры, однако придворный мог отнести это наименование к Птолемею Сотеру¹¹ и его жене, культ которых как раз продвигал тогда их сын. Строительство маяка (279 г. до н. э.) было связано с тонко продуманной династической пропагандой, о которой говорили, что она «не хуже Олимпийских игр»; по случаю его возведения по улицам Александрии прошла гигантская процессия, превзошедшая самые смелые фантазии и пределы разумных расходов. В этой процессии не было ничего, намекавшего на Диоскуров: ни слонов с верблюдами, ни плясок дикарей, ни аллегорических женщин на повозке, ни открывающихся яиц; и надпись на первом этаже маяка была тонким отголоском такой политики.

Второй этаж имел форму восьмиугольника, и его сплошь заполняли ведущие наверх винтовые лестницы. Третий этаж был круглым. И дальше

шел фонарь. Фонарь остается загадкой, потому что на этой небольшой площадке располагались, похоже, и костер, и сложные научные инструменты. Посетители говорят, к примеру, о расположенном наверху таинственном «зеркале» – еще более чудесном, чем само здание. Почему это зеркало не трескалось и что оно вообще собой представляло? Отшлифованную металлическую пластину, которая отражала свет ночного костра или усиливала солнечный свет днем? Некоторые авторы пишут, что зеркало было сделано из идеально отшлифованного стекла или прозрачного камня и уверяют, что усевшись под ним, видели плывущие в море корабли, недоступные невооруженному глазу. Телескоп? Можно ли представить, что александрийская школа математики и механики открыла секрет линз, и что этот секрет был позабыт и утрачен, как только пал Фарос? Вполне возможно: открытия Аристарха¹² тоже были забыты, а возвратившего их к жизни Галилея подвергли преследованиям. Несомненно, что маяк был оснащен всеми известными на тот момент научными изобретениями, что он был зримым выражением исследований, проводившихся в расположенном через пролив Музее, и что архитектор этого сооружения мог обратиться за консультацией не только к Аристарху, но и к Эратосфену¹³, Аполлонию Пергскому¹⁴ и Эвклиду.

Статуя Посейдона, стоявшая на маяке на высоте пятисот футов над землей, настраивала на благочестивый лад и придавала побережью Африки греческий вид. Сообщается и о других произведениях искусства: у одной статуи, например, палец прослеживал суточное движение солнца по небу, вторая в разное время дня издавала разные, но одинаково мелодичные звуки, третья начина-

ла тревожно кричать, стоило только вражеской флотилии выйти из какого-нибудь чужеземного порта. Последняя, должно быть, была частью еще более примечательного сооружения – легенды о Фаросе, масштабы которой у нас еще будет возможность оценить. Маяк был основой александрийской оборонительной системы, и Цезарь сначала завладел им, чтобы потом ударить по городу. На маяке держалась и распространявшаяся на все побережье система связи. В пятнадцати милях к востоку на густо поросшем календулой уступе до сих пор стоит небольшая наблюдательная вышка Абузир, на всех трех этажах которой воспроизводятся архитектурные решения Сострата.

III

«Я взял город, – писал арабский завоеватель Александрии, – про который могу только сказать, что в нем четыре тысячи дворцов, четыре тысячи бань, четыреста театров, двенадцать тысяч зеленщиков и сорок тысяч евреев». В этом городе имелся и маяк: Фарос был в полном порядке и проработал еще несколько лет, освещая европейским флотам пути к отступлению. Потом начался медленный распад; маяк отступает, едва виднеясь сквозь мглу легенды, и пропадает. Первой непоправимой бедой стало в восьмом веке падение фонаря, а с ним и всего научного инструментария, заменить который было уже невозможно. Раздосадованные (по словам арабов) магией зеркала, обнаруживавшего и сжигавшего все их корабли, христиане составили заговор и послали к мусульманам гонца с вестью о сокровищах в Сирии. Клад нашли, после чего вестник сообщил нечто из ряда вон выходящее: все богатства Александра и прочих фараонов

лежат в основании маяка. Начался снос, и когда вмешались александрийцы, понимавшие в этом гораздо больше, зеркало уже успело упасть и разбиться о скалы. С тех пор Фарос стал культей с костром на верхушке. Арабы занимались какими-то переделками, но то были несущественные добавления к восьмиугольнику, рушившиеся от первого же порыва ветра. Капитальным ремонтом никто не занимался, и в двенадцатом веке случилась еще одна беда: восьмиугольник пал во время землетрясения. Выжил только квадратный фундамент, который стал служить наблюдательной вышкой. Еще через двести лет погибла и она – в новом землетрясении, после которого сам остров, где стоял некогда маяк, изменил форму и превратился в полуостров, соединенный с материком песчаной полосой.

Оказавшись не в состоянии сохранить маяк на земле, арабы многое сделали для него в сфере фантазии, увеличив высоту до семисот футов и снабдив его разными магическими объектами, самым примечательным из которых был стеклянный краб. В Александрии действительно были крабы, только медные, довольно мелкие, и находились они у основания Иглы Клеопатры; теперь она в Америке¹⁵. Восточное воображение превратило два памятника в один и привело к Фаросу целую мавританскую армию, которая брала маяк боем и неслась верхом сквозь три сотни обнаружившихся в нем комнат. Входные ворота исчезали, мавры не знали, как им оттуда выбраться, но спустившись по уходящей далеко вниз спирали, обнаруживали там стеклянного краба, соскальзывали в отверстие на его спине и тонули. Чуть более удачной, хоть и столь же темной, была судьба другого посетителя маяка, поэта Эль Дерауи, который пел:

Величественный столп проводит странника сквозь ночь, дарит ему лучи, когда ложится вечерняя тьма.

Там облачался я среди друзей своих в ризы полной отрады – ризы, расшитые памятью о возлюбленных моих спутниках.

Наверху купол его заслонял меня своей тенью, и там смотрел я на своих друзей как на звезды.

Море внизу казалось мне облаком, и я раскинул свой шатер среди небес.

28

Нотка разочарования и горечи закрадывается лишь время от времени. Джелаледдин ибн Мокрам жалуется:

Приезжим в Александрии не оказывают никакого гостеприимства – разве что дадут воды да расскажут про колонну Помпея¹⁶.

Если сильно постараться, в придачу к тому можно порой получить немного свежего воздуха да рассказ о том, где находится Фарос, с описанием моря, волн и отчетом о больших греческих судах.

Просить о хлебе приезжему не стоит, ибо ходатайства такого рода ответом не достаивают.

Как правило, жизнь в тени маяка есть мирской экстаз, дающий даже возможность прикоснуться к небу. Внемлите ибн Дукмаку¹⁷:

По закону Моисея, совершивший поутру паломничество вокруг Александрии получит от Бога золотую корону, убранную жемчугом, благоухающую мускусом и камфарой и сияющую от востока до запада.

Арабы не довольствовались одним лишь восхвалением маяка: они его еще и разглядывали. «Эль Манарах», как они его называли, послужил образцом для минарета и дал ему имя – еще и сей-

час в Египте можно найти минареты, в точности воспроизводящие проект Сострата: нижний этаж квадратный, второй восьмиугольный и третий круглый.

Сегодня там, где некогда стоял маяк, находится крепость Кайт-Бей, выстроенная в пятнадцатом веке и теперь тоже лежащая в руинах¹⁸. Ее территория отчасти захватывает площадку древнего маяка – остальное смыто морем, а внешняя стена этой крепости таит внутри себя не одну гранитную колонну. Внутри – мечеть, ровно на том месте, где стоял маяк, и прямо на его фундаменте: и тут тоже несколько гранитных блоков стоят, как друиды, у самого ее входа. Других свидетельств прошлого не найти, камни его утрачены и дух тоже. Снова и снова, глядя на мечеть, пытаюсь я в пять раз увеличить ее высоту и получить таким образом ее предшественника. Попытки эти ни разу не увенчались успехом: существование такого громадного сооружения казалось мне попросту бессмысленным. Определяющей в этом хаосе является теперь память о британцах: вот дыры, которые оставил адмирал Сеймур¹⁹, когда бомбардировал крепость в 1882 году, закладывая основы наших отношений с современным Египтом²⁰.

Александр Великий основал Александрию. Он прибыл со своим архитектором, Динократом, и приказал ему построить между морем и озером величественный греческий город. Цивилизация все еще оставалась для Александра продолжением Греции, и сам он считал себя эллином. Он проповедовал эллинизм с пылкостью, доступной лишь новообращенным. Балканский варвар по рождению, он пробился в пленительный, но уже ослабленный круг мелких городов-государств. Он подольстился к Афинам, он отказался от Фив, он призвал к походу против Персии, который должен был повторить – в большем масштабе – победы при Марафоне и Саламине. Он даже повторит Троянскую войну. В Дарданеллах его археологический энтузиазм дошел до того, что он бегал голым вокруг могилы Ахилла. Он разрубил Гордиев узел. Он успокоил душу Приама²¹.

Отвоевав у персов Малую Азию, Сирию, Палестину и Египет и снабдив Динократа инструкциями, он покинул город, который строил, и поехал с друзьями на запад, в пустыню. Стояло лето. Воды озера Мариут, тогда более обильные, чем сейчас, распространяли вокруг себя плодородие. Покинув

их пределы, он направился на юг, через известняковые холмы, и потерял из виду всякую цивилизацию – эллинского и не-эллинского типа. Вокруг него светились и плясали в знойном воздухе плоские камешки, тарасились газели, и тонули в песке клочья неба. Над ним простирался бледно-голубой свод небес, омраченный, если верить его историку, стаями услужливых птиц, которые своими тенями защищали Царя от солнца и начинали пронзительно кричать, как только он сворачивал не в ту сторону. Александр ехал и ехал, пока не увидел в открывшейся перед ним низине каналы и горячие источники, оливы и пальмы оазиса Сива.

Египтяне называли его «Секхет-Амит» и почитали там бога Амена, которого греки звали Амоном, – почитали в виде изумруда, лежащего в священной ладье, а также почитали в виде овна. Александр увидел не слившиеся воедино Сиву и Агхурми с их глинобитными постройками, а пилоны и колоннады, и, спустившись в дышащую паром жару оазиса, приблизился к одинокому таинственному святилищу. Что было в нем таинственного? Быть может, сама его одинокость. Расстояние, глушь пустыни еще и сегодня трогают путешественников и обостряют воображение мужчин, пересекших ее на бронированных машинах, – а ведь их ждет там не бог, но лишь полоска зелени. Александр ехал, вспоминая, как за двести лет до него здесь ехали персы, намереваясь разграбить храм, и как, стоило им присесть пообедать, на них обрушилась песчаная буря, навсегда похоронив обедавших вместе с их обедом. В этом заключалась магия Сивы. До нее было трудно добраться. Он, величайший человек своей эпохи, конечно же, преуспел. Он, эллинофил, добрался. Ему было двадцать пять лет. И дальше произошла та

самая необычайная история. Если верить официальному отчету, из храма вышел Жрец и приветствовал молодого путешественника как Божьего Сына. Александр ответил молчаливым согласием, а потом спросил, станет ли он Царем этого Мира. На это последовал положительный ответ. Потом друзья спросили, должны ли они поклоняться Александру. Им было сказано, что должны, и эпизод был исчерпан. Некоторые объясняют его тем, что жрец плохо говорил по-гречески. Он хотел сказать *пайдион* («дитя мое»), а сказал *пайдиос* («О, Сын Божий»). Другие говорят, что ничего этого вообще не было, а Уолтер Сэведж Лэндор даже придумал разговор, в ходе которого жрец пугает Царя змеей²². Испуг в любом случае имел место: ужас, душевное испытание, озарение, «обращение». Дальнейшая его деятельность это подтверждает. После возвращения из Сивы у него меняются устремления. Он больше не считает Грецию центром мира.

33

Строительство Александрии шло своим чередом, растущий город повторял или увеличивал формы, позаимствованные у гибнущего по другую сторону моря полуострова. Динократ проектировал греческие храмы и рынки, и строили их не с рабским подражанием, а разумно и с пониманием, потому что греческий дух был еще жив. Но он жил теперь сознательно, а не бессознательно, как в прошлом. У него была своя миссия, а миссионеры не способны к творчеству. И Александр, в сердце у которого героический хаос кипел страстью ко всему возможному и невозможному, отвернулся от эллинского градостроительства, от мелких, ограниченных интересом к древностям кампаний и снова бросился – с другим уже настроением – на борьбу с могуществом Персии. Теперь он сражал-

ся с ней как любовник. Он хотел не обратить ее, а прийти с ней в согласие, и воспринимал себя как божественного беспристрастного правителя, под властью которого произрастет гармония. Это ведет к безумию. Персия пала. Затем пришел черед Индии. Потом наступила бы очередь Рима, после чего он поплыл бы на запад (таково было его твердое намерение), чтобы покорить Ночь, и на восток, чтобы покорить День. Несмотря на учение у Аристотеля, он никогда не был уравновешенным молодым человеком, и старые его друзья жаловались, что в этот последний период он их порой убивал. Но нас, не способных похвастать столь опасным знакомством, он привлекает теперь куда больше, чем раньше. Он ухватил – на каких-то далеких от разума путях – отблеск чего-то великого, хоть и опасного, и этот отблеск впервые привиделся ему в низинах оазиса Сивы. Когда он умер в возрасте тридцати трех лет, когда экспедиция, к которой он не стремился, потихоньку унесла его из летнего домика в Вавилоне, показалась ли она ему в итоге лишь завершением его менее масштабных исканий? Он пытался вести за собой Грецию, потом пытался вести за собой все человечество. И то, и другое ему удалось. Но отвечал ли ему дружбой сам этот мир, был ли он в беде, взывал ли к нему – к нему, жаждал ли от него помощи и любви? Жрец Амена обратился к нему со словами «Сын Божий». Что на самом деле значил этот комплимент? Можно ли было объяснить его по эту сторону могилы?

В последние годы жизни старые Царь и Царица редко выезжали из Дворца. Они искали уединения, хотя и по разным причинам. Царь, человек беспутный и застенчивый, не желал демонстрировать на публике свои развлечения. Он давно собрал вокруг себя удобный кружок и был своими друзьями доволен. Агатоклом – который, к слову, был премьер-министром; Агатоклеей – которая, кстати сказать, была нянькой маленького принца; Энантой, матерью А. и А., престарелой, но достойной женщиной, знавшей толк в мытье. И была еще пара человек – например, жена поставщика кормов, которая говорила Царю: «Держи, папочка, пей». Царю нравилось, когда молодые женщины звали его папочкой; и он пил, а напившись, вставал и начинал плясать, другие тоже пускались в пляс, а он падал – что за упоение! Только ему не хотелось, чтобы его подданные стали свидетелями такого рода упоений.

Царица занимала себя иначе. Закрывшись на своей половине, она размышляла о прошлом. Она думала про все те годы, когда Царь ее испытывал: он никогда особенно ее не любил, и договариваясь о свадьбе, все время заставлял ее ждать. А потом

случилась битва при Рафии²³. В Египет вторглись сирийцы, и когда египетская армия уже готова была сломаться, она обратила поражение в победу, разъезжая туда-сюда верхом среди слонов – волосы развивались по ветру, щеки покраснелись. Она стала народной героиней, и он женился на ней. Но потом целых девять лет у них не было ребенка. Ни в чем не видела она надежды. Ребенок родился, но ситуация не изменилась. Проходили месяцы, а она все сидела за оградой Дворца – в Крепости внутри крепости Царского Города – и глядела с мыса, который мы называем теперь Силсилех, на Фарос, стоящий за гаванью, и дальше – на неизменный морской простор.

В конце концов, пришли перемены. Как-то ночью Царь упал и уже не смог встать. Агатоклея ухаживала за ним, не смыкая глаз, но он впал в ступор и умер у нее на руках. Друзья его были в отчаянии. Славный старый Царь! И, кроме того: что им теперь было делать? Царица, с другой стороны, показала себя в неожиданном свете. Волноваться не о чем, сказала она им. Она прекрасно знает, что делать. Теперь она будет Регентшей, и первым своим указом распускает совет министров. Более того: поскольку сыну ее уже четыре года, нянька ему больше не нужна. К ней вернулся былой героизм. Жизнь снова приобрела смысл. Ликуя, она пошла к себе. Вошла в покои. И как только она это сделала, шторы, пропитанные в ее отсутствие горючим маслом, вспыхнули. Она попыталась выйти. Но двери за ней были заперты, и она сгорела заживо.

А жизнь в Александрии шла по-старому. Энанта и ее дети по-прежнему разъезжали в казенных экипажах. Царь с Царицей по-прежнему не появлялись на публике, а Дворец возвышался, как

и прежде, за стенами Королевского Города. Шли месяцы, их прошло четырнадцать.

Когда поползли слухи, А. и А. так ничего и не предприняли. Инерция так долго служила им верой и правдой, что они не знали, как от нее избавиться. Но слухи не утихали, и после долгих консультаций они сообразили организовать пышное зрелище, имевшее крайне слабый эффект. Не правда, сказали они, что Царь и Царица умерли год назад. Они умерли только что, сию минуту. Увы! Увы и ах! Вот их урны. Царем теперь будет их маленький сын. Вот он. Агатокл назначен Регентом. Вот завещание. Агатоклея – вот она – останется нянькой. С угрюмым недоверием следили люди за этим зрелищем, проходившем на обращенной к городу высокой галерее Дворца. Актеры поклонились и, собрав реквизит, ушли. И еще некоторое время все продолжалось как обычно.

До критической ситуации довело неумелое правление Агатокла, да плюс к тому слухи, что из двух урн только в одной были человеческие останки – та, что предназначалась для Царицы, была пустой. Следующим, наверное, исчезнет мальчик. Надо его увидеть, надо к нему притронуться! И они пошли на дворец штурмом. Напрасно Регент предлагал начать переговоры, напрасно он угрожал. Напрасно твердила Агатоклея, что она царская нянька. Солдаты перешли на сторону народа и ворота, одни за другими, пали. Наконец Регент крикнул: «Берите его!» и, кинув ребенка в толпу, скрылся. Ребенок был в слезах. Они посадили его на лошадь, вывели ее наружу, на ипподром, где собралось столько народу, сколько он и представить себе не мог, и все они кричали: «Эпифан! Эпифан!»; его стащили с лошади и посадили на большое сидение. Перед ним был мир, и он ему

не нравился. Он предпочитал собственный узкий круг. Кто-то крикнул: «Разве не следует нам наказать убийц твоей матери?» Он всхлипнул: «Да, конечно, как вам угодно», что и было сделано. Регент и его сестра спрятались во Дворце. Энанта успела добраться до расположенного в двух милях от города Тесмофориона – святилища неподалеку от нынешнего парка Аль-Нозха. Всех их вытащили из укрытий, пытали и убили, предварительно раздев женщин догола.

Таковы были обстоятельства восшествия на престол Птолемея V, прозванного Эпифаном²⁴, в 204 г. до н.э.

Это был едва ли не полный крах – все вышло гораздо хуже, чем он ожидал. С ним было шесть человек, все иудеи, люди умные и состоятельные, какие сейчас заполняют вагоны первого класса каирского экспресса, отправляясь на правительственную аудиенцию. В те времена правительство было не в Каире, а в Риме, и эти шестеро направлялись на аудиенцию с императором Калигулой²⁶. Только посмотрите на них, сидящих в снаряженной всем необходимым яхте, которая плавно выходит с площади Мохаммеда Али – площадь лежала тогда под водой, будучи частью Восточной Гавани. Они бледны – частью от того, что долго постились, а частью от предвкушения, ибо море в феврале бывает весьма беспокойным. Да и вопрос, с которым они ехали, был мучительнее, чем даже проблема хлопка. Дело шло о вере. Евреев в Александрии убивали, над евреями издевались, а какие-то гои, при попустительстве наместника, поставили в главной синагоге бронзовую колесницу – причем даже не новую, раз у коней не было ни хвостов, ни копыт. Колесницу эту посвятили когда-то – о, скверна! – Клеопатре. Теперь она там стояла, и евреям было неловко ее выкинуть. В другие же синагоги, поменьше, и вещи подсовывали

более мелкие – например, портреты императора. Затруднительно жаловаться императору на его же портрет, но Калигула считался юношей пленительным и разумным, а делегатами выбрали людей, наделенных исключительным тактом.

Пока корабль пересекал гавань, справа от них возвышался Храм Цезаря, столь внушительный и великолепный, что Филон не смог сдержать восхищения и вспоминал этот вид даже много лет спустя:

40

Ибо нет святыни более драгоценной (пишет он). Этот храм возвышается над самыми удобными гаванями, такой величественный и отовсюду заметный, и он, как ни один другой, весь полон посвященных даров: он окружен кольцом из надписей, серебряных и золотых статуй; широко раскинуты священные земли храма, тут портики, библиотеки, священные рощи, ворота, просторные дворы – все, чем создается роскошь и красота. Храм этот – залог спасения для тех, кто покидает гавань, и для тех, кто возвращается обратно²⁷.

Когда он увидит этот храм снова, по дороге домой? Хотя Клеопатра начала строить его в честь Антония и Август, закончив, посвятил его самому себе, храм этот наполнял его любовью, и он без всякой охоты оторвался от этого вида, чтобы обратиться к левому берегу, на деле куда более важному, потому что Иегова перевел там на греческий всю Библию. Там стояли эти семьдесят келий! О, чудо! Одним из таких рассказов он надеялся привлечь внимание Калигулы, когда они приедут в Рим.

Этот пленительный и разумный юноша не так давно оправился от тяжкого недуга, по поводу чего ликовал весь цивилизованный мир, и Вечный Го-

род наполнился посольствами, жаждущими его поздравить. Среди них было еще одно посольство из Александрии, резко настроенное против евреев, и ничего хорошего это не предвещало. Филон внимательно за ними наблюдал. Болезный император не появлялся до самого августа, и сначала все шло гладко. Он заметил евреев, когда ехал навещать мать, пришел, казалось, в восторг, помахал им рукой и даже сообщил через посланника, что немедленно их примет, но тут же уехал в Неаполь, и они последовали за ним.

41

И вот где-то между Неаполем и Байями это короткое путешествие и завершилось. Мы не знаем, где именно это произошло, потому что, принимая депутацию, Император умудрился покрыть значительное расстояние. Он не прекращал движения на протяжении всей аудиенции, и они были вынуждены следовать за ним. Он переходил из комнаты в комнату, от виллы к вилле (их – объявил он – приказано открыть все до одной им на радость). Они поблагодарили и попытались продолжить. Он пошел дальше. С ним неслась и антисемитская депутация, и целая толпа зрителей, ключников, стекольщиков, жестянщиков, обойщиков и маляров, которым он то и дело раздавал приказания. Наконец он остановился. Александрийские евреи приблизились. Он произнес громогласно: «Так вы злодеи, которые не признают меня богом!» Он сокрушил их, привел в ужас – они так надеялись, что именно об этом речи не пойдет. Ведь они поклонялись одному лишь Иегове. Послов противной стороны охватила радость, и шесть мужей-евреев взмолились в один голос: «Калигула! Не гневайся на нас, Калигула! Мы приносили жертвы, и не однажды, но трижды: первый раз, когда ты принял верховную власть, второй, когда страдал ты от

тяжкой болезни, а третий...» Но Император перебил их, и логика его была безжалостна: «Правильно. Ради меня, но не мне». И умчался осматривать женскую половину. Они побежали за ним, уже не надеясь избавиться от колесницы Клеопатры и отчаявшись заинтересовать его Септуагинтой. Будет большой удачей, если он сохранит им жизнь. Он забрался наверх, чтобы осмотреть потолок. Они тоже туда полезли. Он бегал по настилам, и евреи бегали за ним. Говорить они не решались: им не хватало дыхания, и они заранее боялись ответа. Наконец, обратившись к ним, он спросил: «Вы почему свинину не едите?» Послы противоположной стороны снова зашумели. Евреи ответили, что разные народы едят разные вещи, и кто-то добавил, чтобы сгладить неловкость, что многие не едят ягнятины. «И правильно, что не едят, – сказал Император. – Ягнятина грубая». Дело принимало еще более страшный оборот. При мысли о ягнятине Калигулой овладел припадок гнева, и он заорал: «Какие у вас законы? Желаю знать, какие у вас законы!» Они стали рассказывать, а он закричал: «Закройте эти окна!» и побежал дальше по коридору. Потом обернулся и с необычайной нежностью добавил: «Простите меня. Так что вы говорите?» Они снова стали рассказывать ему про свои законы, а он сказал: «Думаю, все старые картины мы здесь и повесим». Остановившись снова, он окинул взглядом толпящихся кругом мастеровых и посланников и заметил с улыбкой: «Вот люди, которые не верят, что я божественной природы. Я их не виню. Мне их просто жаль. Пусть идут». И Филон повез свою делегацию обратно в Александрию, чтобы уже там размышлять о несчастье, испортившем их короткое путешествие: Калигула обезумел.

И все же не было ли это символично – в исторической перспективе? История Избранного Народа полна таких неприятностей, но народ живет и процветает. Шестьсот лет спустя, Амр²⁸, завоевав город, обнаружил там сорок тысяч евреев. И посмотрите на них сейчас в вагоне поезда. На лицах у них беспокойство – беды прошлого оставили неизгладимый след. Но едут они первым классом.

Когда утверждения, которые возникали время от времени в нагорьях Палестины, покидали отчий край и, следуя древнему караванному маршруту, пересекали Египетскую Реку и приближались к Александрии, они попадали в новую духовную атмосферу, где должны были либо трансформироваться, либо погибнуть. По отношению к самим утверждениям эта атмосфера враждебной не была – она их даже приветствовала, только требовала, чтобы при всей своей нефилософичности они облачались в философские покровы, уделяли хотя бы некоторое внимание утверждениям, делавшимся раньше, признавали существование библиотек и музеев и проявляли осмотрительность, имея дело с душами людей состоятельных. На этих условиях им позволялось остаться. И в двух разных случаях произошло ровно одно и то же. Здесь нас будет занимать второй случай, но было бы небесполезно взглянуть и на первый – он имел место вскоре после основания Александрии, когда на ее рынки толпами хлынули евреи. Они столкнулись с неожиданной проблемой. Иегова сказал: «Я есмь сущий»³⁰, и пока они жили в Палестине, большего не требовалось. Но теперь им приходилось выслушивать тревожные, настораживаю-

щие комментарии – вроде того, что «Предикатом этого суждения является всего лишь бытие» или «Хотя единственным предикатом этого суждения кажется существование, оно также предполагает атрибутирование речи», и они начинали осознать недоступность и нелогичность Бога своего народа. Что породило в их среде целую серию попыток разъяснить и должным образом представить Иегову грекам, и завершением их стала великая система Филона, где с помощью теории Опосредующего Логоса можно было доказать, что Божество должно быть одновременно доступным и недоступным: «Логос, – пишет он, – стоит на границе между Тварным и Несотворенным, и рад служить обоим». На этом – ненадолго – вопрос был закрыт.

Но уже при жизни Филона среди холмов Иудеи было сделано еще одно заявление. Нам неизвестна изначальная его форма – слишком много умов потрудились с тех пор над его переработкой, – но мы знаем, что оно было нефилософским и антиобщественным. Потому что с ним обращались к людям невежественным и обещали им царство. Обычным путем это заявление достигло Александрии, где его постигла та же судьба: столкнувшись с критикой, оно видоизменилось. Вокруг него тоже развернулась система, которая, не будучи логичной, однако же заговорила, как того требовал великий город, на языке логики, перебросив мосты доказательств между пролетами веры. Все греческие мыслители, за исключением Сократа, делали то же самое, так что в интеллектуальном смысле новая религия с прошлым не порывала; она состояла из заявления, обряженного в философское платье, и Климент Александрийский, первый ее теолог, пользовался методами, хорошо знакомыми Фило-

ну за двести лет до этого. Он не только привлек аллегория для толкования не поддающихся пониманию пассажей Святого писания, но и приспособил к своим целям Логос Филона, отождествив его с Основателем новой религии. «В начале было Слово, и Слово было у Бога». Это мог написать и Филон. Св. Иоанн добавил к этому два отчетливо христианских предложения, а именно: «Слово было Бог» и «Слово стало плотью». И вот теперь Климент, которому досталась эта дополненная версия, воздвигает над ней многоступенчатое сооружение в любимом александрийцами духе и доказывает, что божество должно быть одновременно доступным и недоступным, милостивым и справедливым, человеческим и божественным. Рыбака из Галилеи эта конструкция привела бы в замешательство, к тому же в ней имелся изъян, который стал очевиден в четвертом веке, произведя раскол и породив арианство. Но на современников она произвела глубокое впечатление, и Климент, работавший в Александрии и посредством Александрии, сделал для пропаганды христианства среди неевреев даже больше, чем Св. Павел.

Родился он, судя по всему, около 150 г. н.э. в Греции, где и был посвящен в Мистерии. Позже он обратился и возглавил теологическую школу в Александрии, где проработал до самого своего изгнания в 202 г. О жизни его, впрочем, известно крайне мало, и совсем ничего не известно о его характере, который, надо полагать, был примиренческим: христианство не было еще официальной религией, и метать громы и молнии было еще не с руки. Из трактатов его «Увещание к эллинам» признает некоторые достоинства за языческой мыслью, а «Кто из богатых спасется» тактично трактует проблему, к которой деловые люди относятся с понятной чувствительностью, и заклю-

чает, что Христос не имел в виду того, что Он сказал. Здесь выдает себя присущая александрийцам осторожность. Его нападки на язычество почти лишены обличительства: он сознательно предпочитает высмеивать. Ибо веку его присущ буквализм. Век утратил юношеские сопротивляемость и напор, и когда ему указывали, что Зевс у Гомера творит сплошные глупости, ни на инстинктивный, ни на поэтический порыв для защиты собственного культа его уже не хватало. А Деметра! Не говоря уже о святилищах чихающему Аполлону и Артемиде подагрической и кашляющей³¹! Ха-ха-ха! Вы только подумайте: они верят в страдающую от подагры богиню! Климент мастерски издевается над всей этой ерундой. Потому что у новой религии перед старой есть по части смехотворных подробностей явное преимущество: она еще не успела породить собственную мифологию, и ее противники не имели возможности парировать насмешки Климента, ссылаясь на Святого Симеона Столпника, чумную язву на ноге Святого Роха или на Святую Фину, позволившую дьяволу сбросить с лестницы собственную мать³². Им оставалось лишь со смущенным видом соглашаться, и когда Климент высмеивал заросших грязью служителей идолопоклоннических храмов³³, они не могли предвидеть, что через какие-то сто лет церковь выскажется в пользу грязи, провозгласив ее святой. Их подкупало его дружелюбие, его «логика»; в трактатах Климента нет занудства – даже и сегодня их вполне можно читать, хотя и не совсем так, как рассчитывал автор.

В Дельфах устраивалось празднество греков в память о мертвом змее, надгробное слово которому пел Евном. Не могу сказать, гимном или плачем о змее была эта песня. Проводилось состязание, и Евном играл на кифаре в час зноя, когда цикады пели

под листьями, согретые на горах солнцем. Пели же они не мертвому пифийскому змею, но премудрому Богу песнь свободную от правил, лучше мелодий Евнома. Рвется струна у локрийца, слетает цикада на накольную и начинает петь на инструменте, как на ветви. И певец, настроившись, заменил недостающую струну песней цикады. Так вот, не песней Евнома вызывается цикада, как того хочет миф, воздвигший в Дельфах медную статую Евнома вместе с его лирой и помощницей. Она слетела и пела сама по себе, язычникам же кажется, что она подражала музыке.

49

Как же вы поверили пустым мифам, полагая...³⁴.

после чего на нас обрушиваются потоки теологии. Но как же мы благодарны Клименту за цикаду и как же хочется верить, глядя, как он излагает эту историю, что у него было смутное сознание ее красоты – от рискованных ее пассажей так и веет тайным осознанием их рискованности. Его эрудиция безгранична: говорят, он ссылается на трехсот греческих авторов, упоминаний о которых ни у кого больше нет, и мы с радостью проникаем вслед за ним на задворки классического мира. Результаты этих блужданий полнее всего отражены в двух других его трактатах, «Строматы» и «Педагог». Вердикт его гласит: поэзия Эллады в корне ошибочна, вера – абсурдна и изменна, однако ее философы и цикады были не чужды божественной истины; некоторые рассуждения Платона, например, внушены Псалмами. В свете современных исследований никакой это, конечно, не вердикт, но для Отца Церкви – мягкий; он не мечет громы и молнии, не восхваляет аскетизм и не пытается идти против общества.

Занимайся земледелием, – говорим мы, – если ты земледелец, но, возделывая поле, познай Бога. Ты, что любишь морские путешествия, плавай, но признавай при этом небесного Кормчего. Воюющим тебя застало познание – послушай небесного Стратега, приказывающего справедливое³⁵.

50 Здесь он демонстрирует уважение к существующим общественным связям и надеется, что это общество сможет без катастроф перейти от язычества к христианству – надежда эта могла найти выражение только в Александрии, где так часто приходилось приводить в согласие противоречащие друг другу утверждения, а местный бог Серапис символизировал союз Египта и Греции.

Оглядываясь назад – а теперь так легко оглянуться назад! – мы видим, что надежды были напрасными. Христианство – при том что в его учении было крайне мало нового, оказалось обоюдоострым мечом, порубившим древний мир на куски. Оно объявило войну двум величайшим силам – Государству и Сексу, и в сложнейшей борьбе с ними старый порядок был обречен на исчезновение. По-настоящему борьба эта началась уже после Климента. Секс его тревожил, однако, в отличие от своего последователя Оригена³⁶, он против него не восставал. Государство отправило его в изгнание³⁷, но еще не претендовало тогда, как впоследствии при Диоклетиане, на божественный статус. Он жил в период перехода и жил в Александрии. В этом странном городе, который никогда не был юным и надеялся никогда не состариться, примирение должно было казаться более вероятным, чем где-либо еще, а греческое блаженство – не таким уж несовместимым с Божией Благодатью.

I

Для малютки-церкви вечер выдался сравнительно спокойный. Ей было триста десять лет. Языческие гонения сошли на нет, а споры о природе Христа, во имя которых прольется едва ли не больше крови, еще не назрели. Тогда еще казалось, что под вдохновенным руководством церкви старый мир превратится без особых бедствий в новый. А какая погода! Стоял июнь, и северный ветер клонил поднимавшийся над верхушкой Фароса дым в сторону Александрии. Обе гавани были полны кораблей; по берегу Восточной стояли в ряд дворцы. Западная гавань, а именно к ней мы должны сейчас обратиться, подобным великолепием не отличалась. Тогда, как и теперь, воды ее омывали деловой район, склады и трущобы, где ютились портовые рабочие. Как и теперь, ее окружала суровая бедность, и христианство установилось здесь довольно рано – как и в других местах, где античной цивилизации не удалось сообщить людям достоинство. Большая Канопская дорога, начинавшаяся у Лунных ворот, теряла здесь свою прямизну и распадалась на множество грязных переулков. Только одно спасало этот берег – дом,

в котором помещался настоящий епископ. Звали его Александром³⁹. Он пригласил к обеду нескольких священников, и они опаздывали.

52 Епископов тогда было столько, что нам сложно сейчас представить. В каждом крупном селеении имелся собственный, и дело даже доходило до того, что они нарушали почтовое сообщение, разъезжая туда-сюда на казенных лошадях. Но александрийский епископ – особый случай. Он носил титул «Патриарх престола Святого Марка», и с авторитетом его мог тягаться разве что Рим. Если он и жил в этих трущобах, то только потому, что его держали здесь исторические связи. Здесь трудился сапожник Аниан, причисленный к лику святых⁴⁰. Церковь справа – Св. Феоны – построил другой местный святой⁴¹. Здесь были истоки его силы, но область ее приложения находилась не здесь – она лежала к востоку, среди великолепия города; к югу, на сотни миль к югу, вверх вдоль долины Нила. Весь Египет готов был принять христианство. Великая награда!

Воды гавани, спокойные и слегка стоялые, подходили почти к самому его дому. Он глядел на воду и на грязный пляж, где играли мальчишки. Играли они в церковь. Игрушек у этих бедняков не было, а поскольку поездов тогда еще не существовало, единственное, что им оставалось, – это изображать церковные церемонии. В самом деле, увлекательная игра. Впоследствии ей покорились даже англиканские детские. Едва одетые, они проходили и склонялись, и епископ – который был епископом не англиканским, но африканским – только улыбался. Мальчишки они есть мальчишки, что с них возьмешь! Особенно ему нравился их предводитель – худой, но резвый парнишка; он увлекал всю ораву в море, а потом нырлял – чтобы

появиться на поверхности в самый неожиданный момент и в самом неожиданном месте. Но скоро им снова завладели мысли куда более важные.

Весь Египет был готов принять христианство. Да, но какое христианство? Вот что его беспокоило. Что если, вслед за Арием⁴², он примет еретическое «было время, когда Его не было»? Что если, пойдя на поводу у гностицизма, уверует, что творение, со всеми его дворцами и трущобами, есть результат смешения и порчи? Что если начнет иудействовать вслед за Мелетием, непокорным епископом Ассиунтским⁴³! Александр писал Мелетию с просьбой иудействовать поменьше, но ответа не получил. Беда обширного епископата! Никогда не знаешь, все ли епископы проповедуют одно и то же. Случались и откровенно дикие вещи: взбалмошные миряне совсем теряли голову, бежали в пустыню с криками «А я чем не епископ!», и остановить их возможности не было. Император Константин⁴⁴ (этот неустрашимый воин!) тоже вызывал опасения. Его так легко сбить с толку. Этот поглощенный градостроительными планами правитель мог наделить официальным статусом любую ересь – и провинции моментально ее подхватят. Как все сложно! Что следует предпринять? Быть может, священники – когда они придут, наконец, к обеду, выскажут на этот счет какие-то соображения. Раньше было слишком мало христианства. Теперь его, кажется, слишком уж много. Александр вздохнул и перевел взгляд на другой берег гавани, где у самого мыса стоял храм Нептуна. Он старел. Где искать преемника? – и дело даже не в святости или учености... Требовался человек, способный кодифицировать и давать определения.

Стойте! Стойте же! Мальчишки они и есть мальчишки, но должны же быть пределы. Теперь они изображали обряд крещения, и резвый парнишка как раз окроплял портовой водой двух других малолетних египтян. Чтобы понять тревогу епископа, нужно помнить о разнице между северным и южным пониманием нечестивости. Для северян нечестивость – дурной тон. Для южан это магия – самовольное, однако точное исполнение определенных действий, в особенности священных таинств. Если бы мальчишка перепутал хоть что-то в своем обряде крещения, все это осталось бы игрой. Но он со всей точностью совершал то, что не имел никакого права совершать; по сути, он говорил «А я чем не епископ!», и теологические последствия всего этого были известны одному только небу. «Стойте! Стойте же!» – закричал настоящий епископ, но было уже поздно. Вода коснулась их тел, обман удался... и в этот самый момент появились, наконец, священники, с обычными для египтян извинениями в адрес своей непунктуальности.

До ужина дело дошло далеко не сразу. Нечестивцев призвали к ответу, и конклав, во всем его блеске, принялся обсуждать ими содеянное. Оставалась некоторая надежда, что двое новообращенных уже и так были христианами – в этом случае новое крещение ничего бы не меняло. Но нет. До сего дня они поклонялись Нептуну. В таком случае стали ли они христианами? Или они останутся мелкими злобными духами, которые – призови их Церковь или отвергни – в любом случае ей навредят? Резвый парнишка добился своего. Он склонил на свою сторону епископа и успокоил страхи святых отцов. Город не погрузился еще в сумерки, а дым над Фаросом не обратился в ог-

ненный столп, как было решено, что своей игрой он дал двум душам право претендовать на вечное блаженство. Было у его действий и более прямое следствие: он больше никогда не мылся. Поселившись в доме епископа, он стал сначала его учеником, потом дьяконом, помощником и преемником на епископском престоле, а в конечном итоге учителем церкви – св. Афанасием.

II

На другом конце города жил другой священник. Звали его Арием, и епископ, по правде сказать, уже очень давно не приглашал его к обеду. Он служил в небольшой церкви Св. Марка, стоявшей прямо на берегу Средиземного моря. Это был лучший в городе район – с дворцами, зоологическими садами, читальнями и т.д., где из-за деревьев виднелась долгая задняя стена храма, когда-то построенного Клеопатрой в честь Антония. Из этого храма вышел бы неплохой собор, часто думал Арий, и если поместить на стоявшие в его переднем дворе обелиски – Иглы Клеопатры – фигуры Бога-отца, они от этого только выиграют. Весь Египет готов принять христианство – правильное христианство, конечно же, а не то, которое проповедуют в западной части города.

Арий был уже немолод. Враги говорили, что этот ученый, но искренний, высокий, простой в одежде и убедительный в речах человек похож на змея, соблаздившего – в теологическом, конечно, смысле – семьсот невинных. Обвинения приводили его в изумление. Он не проповедовал ничего, кроме очевидной истины. Раз Христос есть Сын Божий, отсюда следует, что он моложе Бога

и что имело место положение – несомненно, еще до того, как появилось время, когда Первая Ипостась Троицы существовала, а Вторая – еще нет. Верить нужно так и никак иначе, и утверждать обратное могут только люди, полностью одержимые дьяволом – вроде маразматика Александра и его помощника Афанасия, человека скользкого. Император Константин (этот неустрашимый воин!) обязательно понял бы, в чем суть, если ему объяснить. Но Константина так легко было запутать, была на самом деле опасность, что он объявит официальным не тот тип христианства и на тысячу лет ввергнет человечество в ересь. Как все сложно! Но прямой долг состоял в том, чтобы свидетельствовать, и Арий проповедовал арианство семистам невинным, телу евангелиста Марка, лежавшему в могиле под церковными плитами и блиставшим голубизной морским волнам, беспрестанно надвигавшимся и окончательно поглотившим к нашим дням само место действия.

Их с епископом спор распространился так далеко и дошел до такого ожесточения, что Константину пришлось вмешаться. Он просил братьев-христиан взять пример с греческих философов, которые умели обойтись без кровопролития, обнаружив расхождение во мнениях. Именно такой реакции императора все и опасались. В отношении вечной истины он был недостаточно чуток. Никто не послушался, и он в отчаянии призвал всех собраться в Никее на берегу Черного моря, где ни на минуту не оставлял попыток понять, в чем состоит их разногласие⁴⁵. Собрались двести пятьдесят епископов, толпы пресвитеров, тьма дьяконов. Среди последних был Афанасий, который перед всем конклавом накинудся на Ария с таким неистовством, что падения было не избе-

жать. На фоне неслыханных драк и оскорблений был принят Никейский символ веры, один из постулатов которого (впоследствии отброшенный) предавал арианство анафеме. Ария изгнали. Афанасий повез своего едва стоявшего на ногах епископа-триумфатора обратно в Александрию, а император вернулся к своим градостроительным планам и гардеробам, полным париков и накладных волос, которые, бывает, тешат воина в зрелые годы.

57

Афанасий обладал замечательными способностями. Как и Арий, он знал истину, но, будучи политиком, умел провести ее в жизнь. В карьере его тонкость сочеталась с решительностью, самоотречение – с коварством. Внешне он был черноват, но зато силен и подвижен. Таких и сегодня можно встретить на улице. В истории не осталось сведений ни об одном совершенном им благодеянии, зато он умел внушить энтузиазм, и еще при жизни стал народным героем и задал тон своему веку. Вскоре после возвращения из Никеи его сделали Патриархом Александрийским, но не успел он занять свое место, как в Александрию вернулся и Арий. Такова была воля императора. Разве не могут христиане взять пример и т. д.? Нет. Христиане не могут и не станут этого делать; Афанасий проповедовал с таким напором, что на сей раз изгнали его самого – так началась его пыльная теологическая одиссея. В общей сложности его изгоняли пять раз. Он прятался в безводном колодце, в домах набожных дам, в пещерах ливийской пустыни; иногда, совсем было затерявшись, он внезапно объявлялся в Палестине или во Франции. С его приходом мировая душа пробудилась от старых видений и начала шевелиться, да как активно! Тяжелые римляне, мечтатели Востока,

прыткие греки – все обратились к теологии, все бросились в схватку за рычаги языческого государства и стали рвать их в разные стороны, пока общее их достояние не пошло вразнос. Первым почувствовал на себе убийственное сияние истинны храм, возведенный Клеопатрой в честь Антония. За право его освящения боролись ариане и православные, и за каких-то шесть лет хребет его был перебит, а ребра с треском сгорели в пожаре. Епископскую церковь Св. Феоны разграбили, а самого Афанасия какие-то солдаты едва не убили прямо на ее алтаре. И параллельно все непрерывно что-то писали: энциклики о времени празднования Пасхи, порицание мытья, обвинения в колдовстве, жалобы на то, что Афанасий разбил чашу в деревенской церкви близ озера Мариут, ответы, что никакую чашу он разбить не мог, потому что церкви в деревне не было, как не было, впрочем, и самой деревни, – груды бумаги, исписанные сообщениями на эти темы, годами блуждали по империи, становясь предметом пристального внимания епископов – от Месопотамии до Испании. Константин умер, но его наследников, невзирая на вероисповедание, тоже затянула круговерть теологии, и более всего – мечтавшего об Олимпе Юлиана⁴⁶. Арий умер – упал как-то вечером прямо на улице в Александрии, остановившись побеседовать с другом; арианство же не исчезло. Афанасий тоже умер, успев, однако, отлучить Церковь от традиций учености и терпимости, от традиции Климента и Оригена. Мало кто из теологов сделал для нее больше, и Церковь отплатила ему глубокой благодарностью – с характерной, впрочем, особенностью: его имя она связала с символом веры, к которому он не имел ни малейшего отношения – Афанасьевским⁴⁷.

Так что же, все труды его пошли прахом? Нет! Арианскую распрю подогревало подлинное чувство. Утверждая, что Христос моложе Бога-отца, Арий стремился поставить его ниже Бога и, соответственно, приблизить к человеку – а на деле уравнивать его с человеком добродетельным, предвосхищая тем самым унитарянство⁴⁸. Это нравилось людям, далеким от теологии, – императорам и особенно императрицам. При таком раскладе они чувствовали себя менее одинокими. Но Афанасий, смотревший на нововведение глазами знатока, видел, что популяризируя Христа, оно обособляло Бога, то есть в конечном счете не приближало человека к небу. И он боролся с ним. В Александрии от этой древней битвы не осталось ни следа. Нет даже Игл Клеопатры. Но битва продолжается в человеческих сердцах, во все времена склонных подменять божественное человеческим, – вполне возможно, многие сегодняшние христиане, сами того не зная, остаются в душе приверженцами Ария.

Тимофей Кот и Тимофей Белый Колпак

61

– Мяу!

Этот ужасный звук – мороз по коже! – нарушил в середине пятого века покой монахов-монофизитов. Повинуясь общему порыву, каждый выскользнул незаметно из своей кельи и увидел в тусклом свете коридора не котенка, а нечто куда более таинственное: изгибаясь, оно бормотало что-то невнятное, а потом произнесло глухим замогильным тоном: «Посвятите в сан Тимофея». Они стояли, не шелохнувшись, пока фигура не исчезла, а потом бросились в разные стороны в надежде ее отыскать. Но ничего не нашли. Открыли ворота монастыря. Но и там ничего не было. Только мерцала в ночи Александрия, тогда еще сплошь мраморная, да Фарос, все еще исправно работающий, источал на высоте в пятьсот футов луч света, видимый на семьдесят миль вокруг. Ничто не нарушало покоя улиц, потому что греческий гарнизон отправили в Верхний Египет. Окинув взглядом однообразную перспективу, монахи вернулись к себе, ведь до утра нужно было немало сделать: им предстояло решить, кто сказал «мяу». Если это был ангел, следовало принять покаяние

за недостаток веры, если же дьявол – всем им грозил огонь преисподней. И пока обсуждался этот вопрос, поставивший в тупик даже самых проникательных, многих охватила рассеянность, и мысли устремились к существу, вне всяких сомнений, дьявольскому, – Протерию⁴⁹, которого император навязал им в Патриархи и который почивал сейчас в монастыре неподалеку. Они послали ему проклятья. Потом им подумалось, что в отсутствии гарнизона сон Протерия был не так уж безопасен, раз их, египтян, было много, а он, грек, был один. Они снова послали ему проклятья, и тут опять появился призрак – чтобы повторить уже сказанное: «Посвятите в сан Тимофея». Был среди них Тимофей⁵⁰, человек святейший во всех отношениях. Примчавшись через некоторое время к нему в келью, они нашли его коленопреклонным в молитве. Ему передали слова призрака, и он, казалось, изумился, но, собравшись с духом, попросил больше никогда об этом не вспоминать. Когда его спросили, был ли призрак исчадием ада, он не стал отвечать, а когда спросили, не являл ли он собою силу божественную, Тимофей ответил: «Не я это сказал, но вы сами». Все сомнения исчезли, и они бросились искать епископов. Мелькиты⁵¹, ариане, сабеи⁵², несториане⁵³, донатисты⁵⁴ и манихеи⁵⁵ не годились: нужны были епископы-монофизиты. К счастью, им удалось отыскать двоих, и на следующий день Тимофея, из благочестия сопротивлявшегося, внесли меж Игл Клеопатры в собор и посветили в сан Патриарха Александрии и всего Престола Святого Марка. Он придерживался верного мнения о природе Христа – единственно возможного мнения: у Христа одна природа, божественная, растворившая в себе все человеческое. Как может быть иначе? Мнение это разде-

ляли важнейшие местные чиновники, городские власти, купечество, поэтому на Протерия, который думал иначе, организовали нападение, убили его в баптистерии и вывесили на городской стене. Греческий гарнизон поспешил назад, но было поздно. Протерия уже не вернуть, о чем солдаты, впрочем, не сильно жалели, потому что забот от него было больше, чем от всех остальных епископов: семь его лет на престоле прошли в состоянии вечной осады. Тимофей, которому не требовалось никакой охраны, принес им огромное облегчение. Этот простой и скромный человек завоевал все сердца и получил почему-то прозвище Кот.

63

Так что *coup d'église* можно было на первых порах считать успешным. Однако ему следовало считаться с другим монахом, еще одним Тимофеем, которого, как показали дальнейшие события, на самом деле имел в виду ангел. Этого Тимофея прозвали Белый Колпак⁵⁶ за его головной убор, и жизнь у него была куда примечательней, чем у Кота, потому что жил он в Канобе, где воздух так кишел демонами, что дышать им могли только самые крепкие христиане. Каноб стоял на мысе в десяти милях к востоку от Александрии, у самого устья Нила. Порча облюбовала это место с самого начала. Тысячу лет назад здесь по дороге в Трою остановились Елена с Парисом, и хотя местные власти изгнали ее отсюда за бродяжничество, летними ночами до сих пор можно было увидеть, как волны обращаются в огонь, когда их рассекает уносящий ее корабль. За ней последовали Геродот, пристававший к праздным людям с праздными вопросами; Александр, которого прозвали Великим за громадные рога; и Серапис⁵⁷, тот еще дьявол, который, облюбовав местечко, призвал сюда жену и ребенка и устроил их на обращенном к северу

обрыве, где никогда не смолкало море. Ребенок так и не заговорил. Жена если и облачалась во что-нибудь, то исключительно в лунный свет. В их честь александрийцы устраивали торжественные процессии; увенчанные цветами и облаченные в золотые одежды, выходили на канал на баржах и яликах и возносили заклинания такой мощи, что слова их, пережив создателей, до сих пор долетали до слуха Тимофея Белого Колпака в час, когда воздух был, кажется, совсем неподвижным, и пытались выдать себя за слова самого Бога. Часто, закончив предложение, он внезапно сознавал, откуда оно взялось, и оказывался перед необходимостью выплюнуть его в виде жабы – упражнение хоть и опасное, однако научившее его проницательности и подготовившее к той роли, какую он должен был сыграть в этом мире. Он с ужасом узнал о восстании в столице и возвышении еретика-Кота. Он знал, что у Христа две природы – божественная и человеческая, как может быть иначе?

В Константинополе, по всей видимости, на этот счет имелись некоторые сомнения. Царствовавший тогда императору Льву⁵⁸ не хотелось никаких восстаний в Египте, и он склонен был оставить Александрию в покое: пусть верит так, как ей больше нравится. Но теологи, настаивавшие, чтобы он послал в Александрию новый гарнизон, возобладали. Солдат отправили, те поймали Кота, вытащили из Каноба Белого Колпака и возвели его в патриархи. Так все и оставалось, пока на престол не взошел Василиск⁵⁹, пославший в Александрию новое войско, чтобы свергнуть теперь уже Колпака. И снова патриархом стал Кот, который и чинил расправу, пока император Зенон⁶⁰, придерживавшийся иных взглядов, не решил отправить в Александрию...

Здесь, впрочем, можно опускать занавес. Два-сти лет кипел этот спор, но страсти не остыли и по сей день. Копты до сих верят, как и Кот, в единую природу Христа; тезису о двойной природе, который проповедовал Колпак, следуют, как и ты, читатель, все остальные христиане. Фарос и храм Сераписа, будучи всего лишь камнями, ушли в небытие – преходящие, как и все материальное. Не гибнут только идеи.

Бог покидает Антония⁶¹

67

Когда ты слышишь внезапно, в полночь,
незримой процессии пенье, звуки
мерно позвякивающих цимбал,
не сетуй на кончившееся везенье,
на то, что прахом пошли все труды, все планы,
все упования. Не оплакивай их впустую,
но мужественно выговори «прощай»
твоей уходящей Александрии.
Главное – не пытайся себя обмануть, не думай,
что это был морок, причуды слуха,
что тебе померещилось: не унижай себя.
Но твердо и мужественно – как пристало
тому, кому был дарован судьбой этот дивный город, –
шагни к распахнутому окну
и вслушайся – пусть с затаенным страхом,
но без слез, без внутреннего содроганья, –
вслушайся в твою последнюю радость: в пенье
странной незримой процессии, в звон цимбал
и простись с навсегда от тебя
уходящей Александрией.

К. Кавафис

ФАРИЛЛОН

I

Когда летом 1779 года веселая и чуть язвительная миссис Элиза Фэй⁶² прибыла в Александрию, город был в полном упадке. Слава античного времени померкла, а блага современности еще не появились. Исчезли храмы и статуи, исчезли дворец Клеопатры и библиотека Каллимаха⁶³, пал Фарос, и на смену ему пришел невзрачный Фариллон, занесло илом Септастадион⁶⁴, между тем как их преемники – отели, клубы, осушительные каналы и роскошные муниципальные здания – еще дремали во чреве времени, которое ничем не удивишь.

Миссис Фэй сопровождал муж – неудачливый адвокат, надеявшийся приобрести состояние на Востоке. Судно, на котором они прибыли, принадлежало христианину, поэтому ему был запрещен заход в Западную гавань, и им пришлось высадиться на берег недалеко от того места, где в более просвещенные дни будет заканчиваться трамвайная линия Рамле. Все здесь было варварским, если не считать двух больших обелисков: стоящего и поваленного; то были Иглы Клеопатры, еще не перевезенные в Нью-Йорк и в Лондон. В этом унылом месте английскую чету встретил прус-

ский консул, некий мистер Бренди; он нашел им жилье, но сообщил плохие новости, – «прискорбную историю», как пишет миссис Фэй своей сестре. Между Каиром и Суэцом, на том самом пути, по которому они собирались ехать, был ограблен караван и несколько человек убито. Миссис Фэй это взволновало самым серьезным образом, но от осмотра достопримечательностей она не собиралась отказываться. Если она приехала в Александрию, то уж полюбуется ею! В первую очередь Иглами Клеопатры. Что означают нанесенные на них иероглифы? Она обратилась с этим вопросом к мистеру Бренди; но консул, в лучших традициях левантийцев, «видимо, знал не больше, чем мы». Его любезность была безграничной. На следующий день он добыл ослов – так как приезжие были христиане, лошадей им не полагалось – и вся компания, возглавляемая янычаром с обнаженной саблей, быстро проехала три мили по пустыне до колонны Помпея. На современных людей колонна Помпея не производит особого впечатления. Вокруг все имеет запущенный вид, турникет приводит в уныние; известно, что колонна относится не ко временам Помпея, а к эпохе Диоклетиана⁶⁵. Миссис Фэй отнеслась к колонне с большим великодушием.

Хотя колонна ничем не украшена, ее пропорции так совершенны, что внушают каждому благоговение, которое переходит в тихую печаль, когда подумаешь о том, что прославленный герой, чье имя она носит, был на этом самом берегу предательски убит лодочниками, переправлявшими его в Александрию. Его несчастная жена стояла на только что покинутом им судне и, как мы легко можем себе представить, с невыразимым волнением наблюдала за его отплытием. Каковы же были ее страдания при виде ужасного события!

Придет время, и сама миссис Фэй, будет наблюдать без особого волнения за убийством мистера Фэя. Ее Энтони – ибо именно так его звали – доставлял ей одни неприятности, и в конце концов она была вынуждена развестись с ним. Но от этих серьезных тем давайте перейдем лучше к «уморительному происшествию», случившемуся с мистером Бренди по дороге к развалинам дворца Клеопатры. Это был очень крупный и тучный мужчина, и осёл, воспользовавшись удобным случаем, выскользнул из-под него, а консул остался сидеть на песке, расставив ноги! Что же касается дворца Клеопатры, то он не был подлинным, но подлинным было внушаемое им чувство.

Я не помню, чтобы подобное зрелище приводило меня когда-нибудь в такое волнение. Я стояла посреди развалин, предаваясь размышлениям, которые породила во мне столь унылая картина, и в конце концов мне стало казаться, что я вижу прежнюю владелицу дворца среди роскошных пиршеств со своим страстным возлюбленным, Марком Антонием, который ради нее пожертвовал всем.

Письмо заканчивается описанием приема в доме у Бренди – откровенно ядовитым, злым описанием. Элиза – дитя своего века: притворно-возвышенные чувства прикрывают интерес к бытовым мелочам и сатире.

Нас очень любезно приняла миссис Бренди, уроженка здешних мест; она немного говорит по-итальянски, поэтому нам удалось вести нечто вроде разговора. По случаю нашего приезда она надела забавнейший пестрый наряд; темнолицая, низенькая, настоящая коротышка, она показалась мне каким-то никогда дотоле невиданным, причудливым, роскошно украшенным чурбаном. Голова у

нее была повязана косынкой, расшитой шнурами с очень крупными блестками, перемежающимися жемчужинами и изумрудами; шея и грудь были украшены так же. Прибавьте ко всему этому вышитый пояс с двумя золотыми пряжками, величиной, по-моему, не меньше четырех квадратных дюймов, огромные серьги и большую бриллиантовую ветку на лбу – и вы, бесспорно, согласитесь, что фигуру она являла собой весьма блестящую. Нам представили и их славную дочку – девочку лет семи, украшенную в том же стиле, но, несмотря на нелепый пышный наряд, она все равно выглядела хорошенькой. В общем, я была довольна обеими, и матерью, и дочерью; выражение их лиц и их поведение отличалось добротой, а чужеземца в чужой стране (а ведь именно таковыми мы и были) любые незначительные знаки внимания утешают и успокаивают; в особенности, когда чувствуешь вокруг себя враждебность, которую поневоле ощущает здесь каждый европеец. По сравнению с неотесанными, грубыми людьми, управляющими этой страной, я чувствовала себя запросто среди уроженцев Франции и, сказала бы даже, Италии.

Перед расставанием наш хозяин подал нам книгу, содержащую записи, которые свидетельствовали о его вежливости и внимании к путешественникам; они были подписаны многими влиятельными лицами. Мистеру Фэю и мне было тоже предложено поставить свои подписи в этом списке. Мы исполнили его просьбу, но были удивлены, что джентльмену в его положении приходится прибегать к такому приему, который не может не унижить его в глазах гостей.

Последнее замечание довольно язвительное, если принять во внимание, как много консул сделал для нее. Но ведь она и есть язва, энергичная, наблюдательная, но язва.

II

Невзирая на погоду и слухи об ограбленных караванах, Элиза заставила своего мужа как можно скорее отправиться вглубь страны, и теперь пришло время немного рассказать об их приключениях. Нашим путеводителем будет ее перо. Оно прокладывает себе путь сквозь препятствия; единственное, что сдерживает его хозяйку, это страх перед турецким цензором и желание скрыть от друзей на родине дурные предчувствия. Стоит случиться несчастью, и она его описывает. Но к будущему она всегда относится с доверием, оптимистически, и ее доблестная решимость мириться с трудностями придает очарование характеру этой особы, в иных обстоятельствах несимпатичной.

75

Супруги Фэй избрали путь по реке. Так как канал Эль-Махмудия еще не был прорыт, им пришлось морем добираться до Розеттского устья Нила⁶⁶. Они чуть не потонули на мелководье, но едва они его миновали, как от берега внезапно отделилась лодка с грабителями, и мистеру Фэю пришлось стрелять в них сразу из двух пистолетов. Они ушли от преследователей и быстро достигли Розетты, в те времена более значительного и, по-видимому, гораздо более опрятного города, чем Александрия. Элиза пришла в восторг. На нее сразу же нахлынули мысли об Англии и библейские образы:

Розетта поражает своей чистотой, тем более отрадной, что здесь редко когда удается встретить ту чистоту и опрятность, к которым мы привыкли дома. Окружающая местность интересна своей новизной, в особенности, когда вспоминаешь, что здесь когда-то временно пребывали сыны Израиля. В моей памяти возникла прекрасная, я сказала бы, ни с чем не сравнимая история Иосифа и его бра-

тьев, я любовалась берегами, где на старости лет нашел себе убежище глава рода, а его раскаявшиеся сыновья склонили голову перед младшим братом. Мне казалось, что я во сне, так удивительно было, что я нахожусь здесь.

76

То, что Иаков когда-то жил в провинции Бихеира, – это, конечно, новость. Миновав ее, а затем пирамиды, которые супруги Фэй видели только издали, последуем за ними в Булак, «порт Велико-го Каира», где их бедственное положение усугубилось. Ввиду того, что ограничения для христиан здесь были еще более суровыми, чем в Александрии, миссис Фэй, чтобы вступить в город, должна была одеться, как одевались местные женщины. «Прежде всего, мне пришлось надеть шаровары и желтые кожаные полусапожки, а поверх них комнатные туфли»; затем длинное атласное платье, другое платье, с короткими рукавами, шелковый халат, напоминавший стихарь; со лба до самих ног свисала кисея, а поверх всего накидывалось черное шелковое покрывало. «В таком одеянии, спотыкаясь на каждом шагу, я двинулась вперед; с большим трудом взобралась на свое благородное животное, но так как вуаль мешала мне свободно дышать, я чуть не умерла по дороге». Она въехала в европейский квартал, где царили ужас и смятение. Слухи относительно каравана оказались ничуть не преувеличенными. Только что были получены подробные сведения. На караван напали между Каиром и Суэцем, всех путников поубивали или же бросили умирать на солнце; хуже того, турецкие власти так расстроились из-за последовавшего скандала, что грозили уничтожить всю европейскую колонию, если только вести об этом просочатся за пределы района. Решили, что миссис Фэй будет в безопасности у итальянского вра-

ча. Когда она, спотыкаясь, брела к его дому, у нее с лица соскользнула вуаль, и какой-то прохожий упрекнул ее в непристойном поведении. К тому же она заболела.

Вспыхнула эпидемия какой-то тяжелой болезни с ужасными симптомами. Совершенно внезапно у людей начинаются страшные боли в одеревеневших конечностях, лихорадка, бред, и при этом человек совершенно не потеет. На протяжении двух дней болезнь усиливается, на третий день обычно появляется обильный пот (простите за выражение) и рвота, которые и уносят болезнь.

77

Едва только болезнь миновала, миссис Фэй отправилась посмотреть празднества, посвященные разливу Нила. Они разочаровали ее и вызвали чувство отвращения.

Среди всей толпы я не увидела ни одного приличного человека. Вот и все, что я могу сказать об этом грандиозном празднике. У нас были самые веские причины желать, чтобы он не состоялся: испарения, поднимавшиеся от грязной толпы, сделали жару уж вовсе непереносимой. Окна моей спальни выходят на канал, так что я пользуюсь всеми выгодами такой близости.

Постепенно события приняли более спокойный оборот. Мистер Фэй, также подхвативший сразу, поправился, к нему вернулась энергия в той степени, в какой она вообще была ему свойственна, а турецких начальников с помощью взятки в три тысячи фунтов удалось убедить преодолеть чувствительность и оставить европейскую колонию в живых. Супругам Фэй предстояло ужасное путешествие, но впереди их ждала Индия и, быть может, богатство.

III

78

В предместье Каира был сформирован Суэцкий караван — нечто грандиозное. В связи с недавними убийствами каравану была придана многочисленная охрана, и путешествие, продолжавшееся три дня, прошло без всяких несчастий. У мистера Фэя была лошадь; Элиза, все еще задыхающаяся в восточном одеянии, ехала в паланкине, ненадежно подвешенном между двумя своенравными верблюдами. Сквозь занавески днем она видела солнце и скалы, а ночью — звезды. Она отмечает их красоту, ее чувства обострены сознанием опасности, и впоследствии она с каким-то романтическим ощущением вспомнит эту пустыню. К крыше паланкина над ее головой были подвешены бутылки с водой, дыни и крутые яйца — продукты на дорогу, которые гремели, стучаясь друг о друга, чем сильно мешали ее сну. «Однажды сверху сорвался пакет с крутыми яйцами; яйца повывалились из сетки и основательно обстреляли меня. Счастье, что они были вареные, а то я оказалась бы в замечательном наряде». Рядом с миссис Фэй ехал верхом ее муж, а подле него маячила меланхолическая фигура мистера Тейлора в сопровождении больной собаки — борзой; молодой человек был так измучен жарой, что в изнеможении слез с лошади и попросил оставить его в покое и дать ему умереть. В этой просьбе ему отказали, а Элиза, со своей стороны, отказалась взять собаку в свой паланкин. Она всегда отличалась благоразумием. Она не собиралась оказаться заточенной с горящей от жара больной собакой, которая могла к тому же ее укусить. «Надеюсь, никто не упрекнет меня в бесчеловечности за то, что я в этих условиях отказалась взять к себе животное; чув-

ство самосохранения запрещало мне согласиться на это. Я понимала, что подвергать себя такому риску было бы слабостью, а не состраданием». В конце концов собака погибла. Какой-то араб убил ее своей кривой саблей, мистер Тейлор запротестовал, араб накинулся на мистера Тейлора. «По этому происшествию вы можете судить, среди каких негодяев мы оказались».

В Суэце, на их счастье, стояло судно, и они сразу же погрузились на него. Мистер Фэй пишет своему тестю записку, чтобы сообщить, что с ними пока все в порядке, потрясаяще краткую записку:

79

Некоторые заболели, но я перенес все не хуже любого араба из нашего каравана, который состоял, по меньшей мере, из пяти тысяч человек. Жена настойчиво отбирает у меня перо.

Вот для чего она его отбирает:

Дорогие друзья, у меня нет ни минуты времени, так как судно ждет нас, поэтому могу лишь попросить вас присоединить ваши голоса к моему в восхвалении нашего небесного хранителя за то, что мы спаслись от различных опасностей нашего путешествия. Я никогда не думала, что обладаю таким здоровым организмом. Я, как лев, переносила тяготы пустыни. Арабы почти начисто обокрали нас. Здесь рай для воров; я считаю, что все население можно разделить на два разряда воров: на тех, кто применяет силу, и тех, кто добивается своей цели с помощью мошенничества... У меня нет больше ни секунды. Да благословит вас бог! Дорогие друзья, молитесь за меня.

Неясно, когда супругов Фэй ограбили и что именно у них украли; быть может, они просто понесли потери, сопровождавшие на Востоке по-

садку на любое судно. Само судно, однако, было ограблено, и очень сильно. Оно имело отношение к предыдущему злосчастному каравану, и правительство, пока вся команда пребывала в замешательстве, обчистило его. Не осталось ни одного стула, ни одного стола. И все же супруги Фэй были счастливы очутиться на его борту. У них была хорошая каюта, капитан был с виду добродушным и вежливым, а их попутчики, некие мистер и миссис Таллок, мистер Хейр, мистер Фуллер и мистер Мэнести, а также мистер Тейлор из каравана, казалось, обещали составить небезынттересную компанию на время плавания по Красному морю. Будущее представлялось безмятежным. Но Элиза есть Элиза. И мы пока еще не видели Элизу в общении с другой женщиной. Впрочем, миссис Таллок мы еще тоже не видели.

IV

Красоту Суэцкой бухты – а она действительно необычайно красива – путешественникам должным образом не оценить. Слишком они торопятся прибыть в нее или покинуть ее, их взор слишком страстно устремлен в сторону Англии или Индии, и им некогда любоваться этим прелестным проходом между беловатыми горами и сияющей водой. Они чересчур заняты собственными мыслями, чтобы осознать, что здесь, именно здесь и нигде в другом месте, находится коридор между Левантом и тропиками. И миссис Фэй – не исключение. Когда в приятный осенний день она вместе с мужем отплывала к югу, ее мысли то с гневом обращались к прошлому, то полные надежд – к будущему, и она совершенно не замечала окружающей природы. Из-за скуки, испытанной в Алексан-

дрии, из-за испуга, пережитого ею в Каире, из-за местной одежды, в которую фанатизм вынудил ее одеться («ужасная мода для человека вроде меня, которому для жизни самым необходимым кажется свежий воздух»), и, наконец, из-за Суэца, показавшегося ей «жалким местом, немногим лучше, чем граничащая с ним пустыня», – из-за всего этого она покидала Египет без единого доброго слова. Даже ее библейские ассоциации отдают горечью. Она забывает о том, с какой радостью прибыл сюда Иаков, и вспоминает лишь, как Моисей и Аарон стремились покинуть эту страну.

81

Элиза, довольная, что ей удалось вырваться, обращает свой взор внутрь – не внутрь себя, конечно (она не занимается нездоровым самоанализом), а внутрь судна и безжалостным оком изучает своих спутников. Письмо, в котором она их описывает, свидетельствует о таланте, энергии, вере в провидение и, между прочим, объясняет, почему она никогда не пользуется любовью окружающих и почему на борту сразу же образовались, как она выражается, «две партии»: одна состояла из самой миссис Фэй и ее мужа, другая включала всех остальных. Вражда, вначале мелочная, не осталась без серьезных последствий. «Теперь, дорогие друзья, вы ждете от меня, – так начинает она, – чтобы я рассказала что-нибудь о тех, с кем нас поневоле связала судьба; к сожалению, мой отчет не доставит вам особого удовольствия, хотя и представляет интерес для нас, находящихся здесь».

Смысл несколько ускользает. Но стиль проясняет все.

Эта особа, миссис Таллок, к которой я с самого начала отнеслась с некоторым подозрением, принадлежит, как мне теперь стало достоверно известно, к самым низшим созданиям лондонских улиц.

Она обладает таким развратнейшим характером, что причинять неприятности всем окружающим доставляет ей главное наслаждение. Было бы слишком большой честью для нее пачкать бумагу подробностями разнообразных хитростей, к которым она ежедневно прибегает для этой цели. К ее якобы мужу, раньше бывавшему в Индии и напускающему на себя важный вид, все относятся как к очень влиятельному лицу, и никто не смеет его обидеть. Поэтому мадам предоставлена полная свобода проявлять свои зловредные таланты, муж не останавливает ее, хотя прекрасно сумел поставить себя так, что она его боится. Иногда он прибегает к мерам физического воздействия. Вот обычное выражение этой леди: «Боже упаси, если бы я так поступила, Таллок без лишних слов избил бы меня как собаку». Я часто развлекаюсь, наблюдая за выражением лиц этой пары; дурной нрав в них настолько укоренился, что они, как мне кажется, и улыбаться могут только злобно.

Что до капитана, то он просто самонадеянный чинуша. Бывший второй помощник, он после смерти бедного капитана Вандерфилда и его первого помощника в страшной пустыне, неожиданно возвысился до должности капитана и в результате стал таким наглым и властным, что все его ненавидят. Вместо того чтобы обеспечить каждого пассажира теми немногими предметами первой необходимости, какие остались после учиненного арабами грабежа, он постоянно все присваивает себе. «Где серебряная ложка капитана? Бог мой, сэръ, вы заняли мой стул; разве вы должны сидеть перед стаканом капитана?» – и еще очень многое в том же роде, но для примера хватит и этого. И хотя негодяй чуть не морит нас голодом, он частенько сравнивает свой стол со столом на судне Ост-Индской компании, и мы не можем ему возражать, так как находимся в его власти.

Пища – тема серьезная. Элиза непривередлива в еде и не привержена к чисто английской кухне; она с удовольствием пробовала блюда других стран. Но она требовала, чтобы эти блюда были обильными, сытными, и если дело обстояло иначе, то громки бывали ее протесты и решительны принимаемые ею меры.

На протяжении первых двух недель нашего плавания помехой мне за столом была моя глупая вежливость, но я быстро усвоила мудрое правило – хватай, что можешь. Длинная рука лучше кормит, вы не можете себе представить, каким прекрасным захватчиком я стала. Когда мне удастся схватить какое-нибудь блюдо, то уж я не упускаю случая как следует воспользоваться своей удачей: продукты совсем на исходе, и мы стали настоящими дикарями – двое или трое то и дело вступают в драку из-за кости, никакого уважения друг к другу мы не питаем. Негодяй капитан, желавший положить в карман все деньги за проезд, отказался запастись провизией в достаточном количестве. И если мы в ближайшее время не достигнем порта, только небо знает, каковы будут последствия.

83

Мистер Хейр, главный Элизин враг среди мужчин, не представлял опасности во время трапезы. Ей угрожала бойкость его ума. Когда она пишет о нем, ее перо бывает особенно острым, вообще это скорей не перо, а ядовитый зуб, который вгрызается в претенциозность его манер, его снобизм, цинготные пятна на его лице и его маленькие бесцветные глазки. Однажды юный бедняга Тейлор показал Хейру красивую шпагу с серебряным эфесом. Мистер Хейр любовался ею, пока не увидел на ножнах убийственную надпись: «Лондонская биржа». «Возьмите вашу шпагу, – сказал он, – удивительно, как человек вашего положения может

совершить такую ошибку; и за пятьдесят гиней я не согласился бы носить вещь, на которой стоит название какого-то учреждения в Сити». И она поясняет: «Кто бы подумал, что отец этого утонченного господина занимался торговлей, а сам он воспитывался в том Сити, который он так демонстративно презирает? Тем не менее, это подлинный факт».

84 Между прочим, откуда она это знает? Кто ей сказал? А также, между прочим, откуда она знает все про миссис Таллок? Но не следует задавать этих страшных вопросов. Они способны поколебать самые основы веры.

Итак, проявляемое этим господином обдуманное во всех мелочах внимание ко мне защищало его от всяких подозрений, пока он не достиг своей цели, создав против нас партию, в чем ему помогала эта подлая женщина, страстно желавшая восторжествовать надо мной, в особенности потому, что я не раз была вынуждена (ради чести нашего пола) осуждать ее привычку божиться и ее непристойное поведение. Поэтому я без особого удовольствия думаю об оставшейся части нашего путешествия.

Затем Элиза перечисляет своих союзников, или, вернее, тех, кто сохраняет нейтралитет. Они представляют собой слабую группу.

Справедливости ради следует упомянуть о мистере Тейлоре как о любезном, хотя и унылом спутнике, и о мистере Мэнести, приятном молодом человеке лет двадцати. Мистер Фуллер – мужчина среднего возраста. Он, по-видимому, попался в руки каким-то шулерам, которые подчистую его ограбили. Таких красивых глаз, как у него, мне никогда не приходилось видеть. Мистер Моро, музыкант, очень вежлив и внимателен.

От таких мелких сошек не могло быть никакой пользы. Они даже еду за обедом добывали с трудом. По-настоящему рассчитывать Элиза могла только на себя.

Так как мы рано обнаружили заговор против нас, то из осторожности решили вести себя тихо, закрывая глаза на то, что не в силах исправить. Никогда не вмешиваемся в их споры, все старания вовлечь нас в какую-нибудь ссору тщетны. Я слишком их презираю, чтобы на них сердиться.

85

Письмо заканчивается трогательной картиной домашней жизни посреди Красного моря:

После трапез я обычно ухожу к себе в каюту, где у меня уйма всякой работы; я купила материи и сделала мистеру Фэю дюжину рубашек взамен украденных арабами. Иногда читаю по-французски или по-итальянски и учу португальский. Еще я уговорила мистера Фэя учить меня стенографии, видя, как важничал мистер Хейр, владеющий этим искусством и обучивший ему своих сестер, так что они переписываются с ним при помощи стенографии. С этим делом я легко справилась. Одним словом, обнаружилось множество способов полезно и даже приятно проводить время. С тех пор, как мы находимся в этом положении, я часто благословляю бога за то, что он милостиво наделил меня умом, способным находить себе развлечения, сколько бы препятствий ему ни чинили.

Замечателен и тон, в котором написан постскрипtum:

Я чувствую себя вполне сносно, и жаждущий мой взор обращен в сторону Бенгалии, откуда, надеюсь, вы и получите мое следующее письмо. Кли-

мат мне как будто вполне подходит. Я совершенно не страдаю от жары, настроение и аппетит от нее не портятся. Любящая вас Э. Ф.

86

Следующее письмо ей суждено было писать не из Бенгалии, а из тюрьмы. Но здесь ее александрийские знакомые должны проявить вежливость и удалиться. Элиза в кандалах – слишком ужасная тема. Достаточно сказать, что и в кандалах она осталась Элизой и что миссис Таллок тоже заковали в кандалы. Желаящим узнать больше следует достать «Подлинные письма миссис Элизы Фэй из Индии», опубликованные Калькуттским историческим обществом. В книжке имеется портрет нашей героини, рассматривать который – отдельное удовольствие. Она стоит перед нами в восточном одеянии, которое так ненавидела, но все излишества уже отброшены; она смотрит на мир, словно бы понимая все его ухищрения. Она в шароварах, одна нога выставлена вперед, в изгибе украшенной браслетом руки чувствуется благородный вызов. Лицо, хоть и торжествующее, выражает некую настороженность. На заднем плане служанка и какая-то мечеть.

I

– Боже милосердный! Что за дикий вой? Скорей, скорей! Там наверняка кого-то убили!

– Не стоит так волноваться, добросердечный господин. Это всего лишь александрийские торговцы закупают хлопок.

– Но они же сейчас друг друга перебьют!

– Ни в коем случае. Просто жестикулируют.

– А нет ли места, откуда можно понаблюдать за этими их жестами в безопасности?

– Есть.

– И я уйду оттуда без телесных повреждений?

– Без всяких, сэр.

– Так проведите же меня туда, прошу вас.

И, поднявшись на верхний этаж, мы увидели под собой громадный зал.

Такие картины обыкновенно сравнивают с дантовым адом, но простиравшееся вниз и вправду его напоминало, потому что в нем отчетливо выделялись описанные флорентийцем концентрические круги. Они были отделены друг от друга декоративными балюстрадами, и, чем меньше становился их размер, тем интенсивнее были мучения заключенных в них; внутренний же

круг был безнадежно переполнен потеющими душами. Они орали, отмахивались и плевались друг в друга, склонившись над пустой впадиной в центре, где сидел, скованный льдом, одинокий чиновник. Время от времени он звонил в колокольчик, и тогда другой чиновник, обитавший на стоявшей поодаль лесенке, взбирался по ней и писал мелом на доске. Торговцы с истошным воем хватались за головы. Вдруг наступило жуткое спокойствие. Надвигалось нечто куда более страшное. Пока собирались тучи, между нами произошел разговор:

– Что же это за место?

– Это всего лишь биржа. С этой стороны торгуют хлопком, с той стороны – акциями.

И правда: на дальнем конце зала я заметил повторение той же структуры, резервный или, скорее, упраздненный ад: круги его были пустынные, их не сокрушал своими порывами вечный ветер, а души, слонявшиеся здесь вдоль балюстрад, имели задумчивые мины. Это была фондовая биржа – в Англии вещь колоссальной значимости, здесь же, где значение имеет только хлопок, она прозябала в ничтожестве. Если бы не страдания александрийских купцов, не видать бы нам ни хлопчатобумажных рубашек, ни хлопка-сырца, ни катушек с хлопковой пряжей. Да и сама Александрия не поднялась бы заново из волн, не было бы Французских садов, английской церкви в Балкили, и, вероятно, не было бы даже канализации.

– Спасите! Боже милосердный, спаси и помилуй! О, ужас, о страшная жуть! – Буря, наконец, грянула. С воплем ввергнутого в адские муки дьявола тучный грек падает боком на балюстраду, выпрямляется и снова падает, выкрикивая все это время нараспев: «Тикоти пипот, тикоти пипот!» Он предлагает хлопок. К нему двинулся громад-

ный увалень в феске. Все остальные тоже завопили, каждый старался выделиться на собственный лад. Иные крики оставались без внимания, иные подхватывала родная душа, и сделки заключались прямо над расположенной в центре впадиной. Казалось, они отрастили себе новый неведомый орган. Общение происходило недоступным нормальному человеку способом. Один взмах блокнотом, и дело сделано. Сотрясались колонны из искусственного мрамора, дрожал расписанный под лепнину потолок, и само Время, олицетворенное в псевдоренессансных часах, замирало в неподвижности. Британский служащий, следивший за этим зрелищем, сказал – впрочем, не все ли равно, что он сказал.

Прочь! Прочь!

II

По сравнению с этой, следующая картина была монашески уединенной: тихий внутренний дворик в миле от биржи (Минет эль-Бассал), где перед продажей оценивают образцы хлопка. Парящие в воздухе пушинки переливались на солнце и приставали к одежде. Пух попадал сюда на спинах бесшумно сновавших арабов: когда они проходили мимо с тюками, полагалось протянуть руку, вырвать клоч, покрутить между пальцев и пустить по воздуху. Хотелось думать, что купец, к одежде которого приставал этот клоч, должен купить всю партию, но это плод моей необузданной фантазии. А мы будем придерживаться фактов – например, обратим внимание на небольшой фонтан в центре двора, в струях которого нежились несколь-

ко водных растений, и на подлинные восточные ковры, выставленные на продажу на противоположной стене. Все это создавало весьма приятный аромат культуры. Но, тем не менее, хотя никакой причины для страха здесь не было, место это было еще более таинственным, чем биржа. Что все это значило? Ничто не кажется стороннему человеку более непредсказуемым, чем механизм бизнеса. Когда он ждет скрипа и треска, все идет гладко, но механизм скрипит и пробуксовывает, когда, по всей видимости, должен был работать бесшумно. Зная, как эти самые люди умеют выть и плевать, ожидаешь, что просмотр образцов вызовет еще большее оживление. Быть может, иногда так оно и есть, но мне запомнились спокойные монахи в плащах, лениво стоящие на солнце у дверей своих келий, потягивая кофе и с каким-то рутинным неприличием обмениваясь анекдотами. Кофе тоже был очень хорош, а удивительной голубизны небо, прозрачный воздух и яркие наряды местных обитателей на какой-то момент создавали иллюзию, что этот двор и вправду был тем самым Востоком, о котором пишут в книгах, и что за воротами ждут караваны верблюдов с белоснежной поклажей. Были и другие дворы с ответвлениями в виде коридоров и контор, где, казалось, царило то же сочетание деловой легкости и легких закусок – архитектурные запруды, какие раньше можно было встретить на сельхозвыставках в Эрлс-корт⁶⁷, где торговля непринужденно сочеталась с удовольствием. Они меня не слишком занимали, но главный двор был и вправду прелестный, и британский служащий, доведись ему оказаться здесь, наверняка оставил бы свои комментарии, какими бы они ни были, при себе.

Прочь!

III

На последнем этапе я снова оказался в самой гуще, но это была уже совсем иная гуща. Везде был хлопок. Пушинки Минет эль-Бассала сложились здесь в снежную бурю. Она бушевала в воздухе и создавала на земле снежные заносы. Хлопок прессовали в тюки и, вероятно, также очищали – возмутительная неосведомленность с моей стороны, – но гвалт стоял ужасающий. Шум исходил уже не от торговцев, которые редко обращаются к столь отдаленным источникам своего богатства, – его производили несколько деревянных станков и бессчетные арабы. Какое-то их количество было занято неустанной борьбой с массой хлопка, беспрерывно валившегося на них сверху. Стоило им справиться с одной партией, как их с головой накрывала поступавшая сверху новая. Они накидывались на нее с криками и гоготом, но хлопок все прибывал и прибывал, его массы, толчками отправляемые вниз, колыхались, и невозможно было различить, где заканчивается растительная масса и начинаются люди. Арабы плясали на нем, забивая его в устроенную в полу яму. Это первый этап прессования, который осуществляют с помощью песни человеческие ноги. Пение то утихало, то становилось громче. Песня эта была лучше распевов биржи – родовая и лишенная всякой индивидуальности, она пришла из незапамятных времен и уж в любом случае была старше преисподней. Утопав хлопок, арабы выпрыгивали наверх, и один из них стучал кулаком по полу. В ответ открывалось дно ямы, невидимые руки подстилали снизу мешковину, и вся эта масса исчезала в нижней комнате, где прессование завершалось уже посредством машин. Мы спустились вниз просле-

дить за этим процессом и услышать *cri du cotton*⁶⁸, который хлопок издает, когда дальнейшая усадка уже невозможна. Его скрепляли металлическими скобами, дополнительно перевязывали вручную, после чего готовый тюк – твердый, как железо, и, надо полагать, содержащий внутри себя двух-трех арабов, – отправлялся на склад.

92 Против этих станков, как и вообще о них, трудно было сказать что-либо разумное, и мои комментарии не произвели особого впечатления: «с какой же целью его прессуют?» и «как же удаётся не путать хлопок, принадлежащий разным людям?» и «что мне нравится, так это примитивность самого процесса». Последнее мое замечание было, впрочем, встречено суровой отповедью: процесс, который я наблюдал, отнюдь не примитивен – напротив, это последнее слово в прессовальной индустрии, иначе его не ввели бы в Александрии. Аргумент убедительный – оставалось только надеяться, что он так навсегда и останется последним словом, и смуглые ноги и ритмичное пение будут век за веком встречать надвигающиеся потоки снега. Сварливый британец, попади он сюда, позабыл бы свою сварливость. Он бы пожалел, что сказал о бирже: «единственный возможный ответ – это бросить бомбу в самую их гущу». Когда он произнес эти слова, я понял, что в мире есть человек, еще более чуждый хлопку, чем я сам.

Наконец-то я побывал в притоне. Первый раз я пытался это сделать много лет назад в Лахоре⁶⁹, где моим проводником был молодой миссионер, тративший все свое время на то, чтобы понравиться окружающим и самому их полюбить. Я часто спрашивал себя, кого же он в итоге обращал и как оценят результаты этих трудов те, кто его содержат – пожилые дамы в Америке и Англии. Он жил как бедняк на базарах Лахора, и, пробираясь сквозь их закоулки, объяснял, что одно стало ему казаться понятным, другое – простительным, третье – неизбежным, стоило только в достаточной мере к этому приблизиться. Мы интересно проводили время – зашли в храм размером с чулан, где нам разрешили потрогать богов и позвонить в колокольчики, встретились с адвокатом, защищавшим человека, обвиняемого в продаже жены, – и в завершение вечера миссионер заявил, что, по его мнению, мне следовало бы зайти и в притон. Он заметил, что об опиуме рассказывают много ерунды, и завел меня во двор, по сторонам которого были устроены соломенные пристройки. «Похоже, ничего не получается», – заявил он разочарованно, огляделся и вытащил из такой пристройки одинокого грешника. «Загляните ему в глаза, – сказал он. – Боюсь, это конец».

На том и закончилось мое знакомство с Гре-
хом – пока Египет, земля всяческого изобилия, не
пообещал новых возможностей. Только здесь бу-
дет уже не опиум, а гашиш, наркотик еще более
страшный. Прячут его в трости; употребляющий
его погружается в сладкие мечтания. Так что я
был рад, когда мне представилась возможность
сопровождать полицейских в очередном рейде.
К притонам они относились с большим осужде-
нием, чем мой миссионер, но удача отвернулась
и от них. Подкравшись к хлипкой двери, они рас-
пахнули ее, и мы бросились внутрь. Мы стояли в
коридоре, над которым простиралось звездное
небо. По обеим его сторонам располагались со-
единенные друг с другом сараи, и полицейские на-
чали обследование, наваливаясь на них всей си-
лой своих плеч и огромных ног. В одном из сараев
обнаружилась измученная белая лошадь. Капрал
залез к ней в кормушку: «Они часто прячут здесь
свои чаны», – сказал он. Жизнь обнаружилась в
конце коридора. Здесь при свете лампы спала це-
лая семья, однако ничего подозрительного в этом
не было – наше вторжение должным образом их
всполошило. Почтительному отцу семейства при-
казали подняться и взять лампу, и при свете этой
лампы мы нашли полый тростник, к которому по-
лиция долго принюхивалась. Обнаружены следы
гашиша – таков был их приговор. На этом все и
закончилось. Они были довольны находкой, по-
скольку она подтверждала официальную версию:
город, находившийся под их контролем, был поч-
ти чист, однако чист не вполне. Найди они чуть
больше или чуть меньше – и доверие к ним было
бы подорвано.

Несколько недель спустя египетский прия-
тель предложил провести меня по родным ему
кварталам того же города. Мы интересно прове-

ли время – наблюдали за процессией по случаю обрезания, слушали героические песнопения, и в завершение вечера приятель спросил, не желаю ли я зайти в притон. Он, кажется, знал одно место. Он задумался ненадолго, прикрыв лоб ладонью, а потом провел меня закоулками к какой-то двери. Мы тихо открыли ее и проскользнули вовнутрь. Коридор показался мне знакомым, и при виде белой лошади дурные предчувствия подтвердились. Я ушел отсюда как ангел-мститель, мне суждено было вернуться одним из страждущих. В отличие от своего друга, я знал, что никакого гашиша мы здесь не найдем – и не найдем даже полого тростника, поскольку он был конфискован в качестве подходящего экспоната для полицейского участка, – но я ничего не сказал, и в соответствующий момент мы наткнулись на спящее семейство. Они не были с нами любезны и не дали свою лампу. Мой друг был разочарован. Что же до меня самого, то я не мог не испытать жалости по отношению к греху. Неужели во всем этом обширном городе у него было лишь это прибежище?

95

Но когда мы вышли, мой друг оживился. Он, кажется, вспомнил еще один притон – тот был не столь уязвим для нападков ревнителей чистоты, поскольку принадлежал британскому подданному. Туда мы и отправимся, чтобы найти, наконец, длинный притон. К нему нужно было подниматься по лестнице, наполненной благоуханием (которое нельзя было назвать неприятным). Наверху на нас набросился владелец – одноглазый мальтиец. Нет у него гашиша, кричал он, он вообще не знает, что такое гашиш и понятия не имеет, что такое комната и что такое дом. Но мы все-таки проникли внутрь и обнаружили там компанию. Когда доходишь до дела, сказать совершенно нечего. Они

просто курили. А теперь даже и не курят, потому что деятельность единственного в моей жизни притона свернула полиция – как пожилые дамы, должно быть, свернули к этому дню деятельность моего миссионера в Лахоре.

Из трех улиц, что спорят за честь называться главной магистралью Александрии, по части элегантности пальма первенства, несомненно, принадлежит Рю Розетт. На Бонд-стрит (я имею в виду Рю Шериф Паша) элегантности не способствует избыток магазинов, а Бульвар де Рамле в этом отношении и вовсе не конкурент. Длиной, чистотой и утонченной монотонностью архитектуры Рю Розетт превосходит обеих соперниц. Те отягощены практичностью: люди пользуются ими, чтобы куда-то попасть или что-то получить. Тогда как Рю Розетт – цель сама по себе. Она начинается посреди города, и нет человека, который скажет, где ее конец: возможно, она и стремится к какой-то цели, но ногам смертного эта цель недоступна. От самого горизонта – узкого, однако, ничем не прерываемого, – она стелется нескончаемой голубой лентой неба над головой путника, у него под ногами разворачивается соответствующая белая лента, а справа и слева – дома, мимо которых он, вроде бы, полчаса назад уже проходил. О, как же она скучна! Эта скука не поддается никакому описанию. То, что кажется сначала особой привилегией – например, подносы, на которые сажают местных

шишек, когда они выдвигаются из клубов, – оборачивается, если присмотреться, всего лишь тем, на чем они сидят. Они уже засыпают. Потому что за элегантность приходится расплачиваться.

98 Но бедняжке не хочется быть скучной. Ей хочется быть модной, причем модной на парижский манер. Струящиеся в обоих направлениях неистощимые потоки бесконечно прекрасно одетых людей – вот ее идеал. И поскольку с моим он не совпадает, мы стараемся встречаться как можно реже. Но друзья из общества уверяют меня, что если очень постараться, на Рю Розетт можно почувствовать себя как дома – вообразить на месте городских управлений здания министерств, возвысить консульства до посольств и арабские повозки – до брогамов, усилить блеск мужских ботинок и шуршание дамских юбок, и Рю Розетт станет тем, чем она жаждет быть – шедевром барона Османа⁷⁰, увенчанным Триумфальной Аркой, а не полицейским участком.

Мне лично никогда это не удавалось. Если меня и осаждают здесь какие-то фантазии, они приходят из цивилизаций более старых и дружелюбных. Я вспоминаю Ахилла Татия, который епископствовал здесь в эпоху совсем уже не классическую и написал не вполне приличный роман⁷¹. Тысячу лет назад его герой вошел в Александрию именно по этой улице. Тогда она называлась Канопской дорогой, а не Рю Розетт, и не была ни элегантной, ни модной, хотя по всей длине ее сопровождали картины невиданного великолепия. Начинаясь у Ворот Солнца (у Общественных садов), она беспрепятственно пересекала город до самой Гавани, выходя к воде у Минет эль-Бассал; там же стояли Ворота Луны, завершая то, что было начато Солнцем. Ее, как и Рю Неби Даниэль, окаймляли

от начала до конца мраморные колоннады, и точка их пересечения (где теперь приходится стоять в безнадежном ожидании трамвая) была одним из самых славных перекрестков древнего мира. Клитофон (а именно так епископ назвал своего героя) прервал здесь свой путь, оглянулся на все четыре стороны – повсюду высились храмы, дворцы и усыпальницы, – и сообщил нам, что средокрестье это носит имя Александра и что расположенный неподалеку Мавзолей и есть его усыпальница. Ничего больше он нам не поведал, поскольку был занят в тот момент поисками подруги по имени Левкиппа, которая представляла в его глазах интерес более настоящий, но сомневаться в его словах у нас нет основания, поскольку сам Ахилл Татий жил здесь и не посмел бы вложить в уста своих героев лживые речи. На фоне окружающей его любовной ерунды этот пассаж – настоящая драгоценность. Исчезнувшее великолепие вспыхивает вновь – если и не в архитектурных деталях, то как душа этого города. Там (под мечетью Неби Даниэля) покоится Александр Великий. Там он лежит, облаченный в золото, в стеклянном гробу. К тому моменту, как Клитофон вошел в город, он пролежал там уже восемьсот лет, и если верить легенде, он и по сей день лежит там, замурованный в забытом подвале. Единственное осязаемое свидетельство этого величия – дорога: само положение Рю Розетт. Христиане и арабы уничтожили все остальное, но изменить направление дороги они не могли. Ближе к Гавани они, конечно же, увели ее в сторону; главная артерия города вливается в Рю Сиди Метвали и превращается бог знает во что в окрестностях Рю де Сёр. Но на восток она идет

с прежней решимостью, и на место теней, когда-то отбрасываемых мрамором, ложатся тени от известняка и гипса.

100 От двух упомянутых ворот не осталось даже описания. Они могли быть шедеврами искусства, а могли быть обыкновенными городскими заставами, однако в любом случае в каждой обязательно имелся алтарь божеству-покровителю. Алтарей этих никто особо не замечал. Язычество ко времени Клитопонта и Левкиппы было уже мертво. Мертво оно и теперь, но два этих светила до сих пор царят над улицей, и если она и красива, то только благодаря им. Вечером западная часть улицы горит алым и оранжевым, а над восточной, где небо уже потемнело, мерцает таинственное сияние, из которого поднимается неимоверных размеров лунный диск.

Нелегко описать местность, простирающуюся к западу от исчезающих вод озера Мариут, – неяркую, но в то же время величественную. И хотя здесь присутствуют все обязательные ингредиенты Востока вроде верблюдов, миражей и бедуинов, а сама местность восходит к высокой античности, я не могу представить, чтобы за нее взялись наши мощные профессиональные романисты, стараясь вытянуть из ее укромных уголков страстные истории о грехе и мумиях. В основе ее лежит мягкий известняк, образующий со стороны моря две ясно очерченные параллельные гряды, а внутри – мягкие выпуклости холмов, чья раскраска и очертания порой напоминают шотландские торфяники: весь район проявляет явную склонность облачаться в багрянец, особенно в низинах – в тот хмурый коричневатый багрянец, какой может давать на пустошах новая поросль. Многие кусты напоминают лишенный цвет вереск. В низинах выращивают ячмень, и успех этого предприятия зависит от редких неистовых гроз, после которых с холмов низвергаются стремительные потоки. Древние выращивали здесь виноград и оливы, о чем свидетельствуют остатки их прессов, а у Клеопатры был

здесь сад, но от этих роскошеств земля отказалась. Цивилизация повсюду отступила, и дух этого места, не будучи диким, тем не менее, удивительно суров. Главное его проявление – большой храм в Абусире, величественно возвышающийся на прибрежной гряде вместе с башней-маяком. В глубине же располагается мраморные базилики св. Мины⁷² и его святой колодец. Помимо этого ничто не привлекает внимания. Изредка линию горизонта пересекают палатки бедуинов, совсем монгольские в своих очертаниях, но цвет их сливается с камнем, к которому они жмутся. Каменоломни, громадные и романтические, прячутся в отрогах известняка. Они не играют той роли, какая присуща меловым карьерам в холмах Суссекса. Место не назовешь диким, это место неустанной заботы. Но по сути своей оно пустынное, и только раз в год, на очень краткое время, оно забывает о своей пустынности и расцветает.

В этом нет ничего от упорядоченного хода английской весны, медленно переходящей от лесных ветрениц через первоцветы к июньским лютикам. Здесь мгновенно расцветают сразу все цветы. В течение недели не видно ничего, кроме бутонов и початков, но потом поднимается температура или стихает ветер, и целые участки окрашиваются лиловым или алым. Им некогда ждать, когда появятся листья, они спешат, и многие из них цветут, как подставочки для ног, прямо у самой земли. Они не придерживаются определенного времени. И на одном месте они тоже удерживаются с трудом – в этот сезон напрасно искать их там, где видел прошлый раз. Есть особая группа желтых ноготков, у которой я подозреваю способность к миграции. Один год я заметил ее у каменоломни, на следующий – у железнодорожной линии, теперь же

она удалилась на пять с половиной миль и развернула свой ковер на склонах под Абусиром. Всюду смятение и спешка. Белые султанчики чеснока, покачивающиеся в тени храма, могут упасть уже завтра, у голубых бутонов огуречной травы так и не будет времени раскрыться. Вся эта пышность исчезнет как по мановению руки, но зато не оставит после себя мусора и сухостоя, сопутствующих уходу английской весны; никаких стеблей и упорствующих в своем присутствии полумертвых листьев. Как пришли, так и уходят. Больше похоже на игру цветных лучей на земной поверхности, чем на плоды самой земли, и если бы собранные вовремя цветы не находили своей могилы в расставленных по александрийским каминам вазах, они казались бы впоследствии порождением снов и грез.

103

Отдать должное всем этим цветам мог бы только ботаник, но, к счастью, у нас нет повода отдавать им должное. Они ведь не правительственные чиновники. Пусть их титулы и должности остаются большей частью неизвестными. Самые стойкие из них, как ни странно, асфодели, чьи грубые стебли и плотные жилистые цветы разочаровали многих мечтавших о Елисейских полях. Как получилось, что греки засадили этими крепкими луковицами пустынное место, располагавшееся в их воображении по ту сторону могилы, – место, полное философов и колесничих, но, невзирая на это, вечно пустое? Асфodelь создан, чтобы сопротивляться суровым ветрам и держаться на склонах земных холмов. Он слишком тяжел для рук теней, слишком груб для их ног, хотя, быть может, наши асфодели – вовсе не те, что сажали древние греки. Возможно, их тени топтали то, что мы называем сейчас птицемлечником. К стойким

относятся и ноготки, однако в основном здешняя флора нежна до крайности, а цвета ее неуловимы. Вот крошечный горошек – не то терракотовый, не то бордовый. Вот пахучий желтый цветок размером не больше льна – во всем районе его можно обнаружить в одном только месте, по вечерам он закрывается ровно тогда, когда раскрываются ирисы. Два из этих ирисов – карлики, один лиловый, другой темно-синий; третий, ярко-синий с отливом в зелень, заметно больше. Есть кучки пахнущих по ночам левкоев. В каменоломнях растет скальный цветок с тусклой красной метелкой и мясистым листом, почти неотделимым от камня. Что же до кустов, то у одних прозрачные узлы и сочленения кажутся наполненными вином, тогда как у других из шерстистого волокна выпирают бутоны, напоминающие синие цветки сивца. В ячмене качают головами еще какие-то синие цветы. Резеда, пурпурные и белые анемоны, алые и желтые лютики, алые маки, мать-и-мачеха и карликовые оранжевые ноготки, крапива жгучая и нежгучая, белена, мальва, чистотел, молодило, аронник, вьюнок. Маргариток не помню. Многие из этих цветов совсем не такие, какими мы знаем их в Англии. Аронник, например, меньше размером и выбрасывает свои бледно-зеленые початки прямо на землю. Зато имеется и более крупная его разновидность – огромного размера куст с угольно-черными трубкой и початком – положительно сатанинское растение, из тех, что дез Эссент⁷³ наверняка заказал бы для своей оранжереи. Именно так – то там, то здесь – мелькают тропические нотки, напоминая, что эти знакомые и полужнакомые цветы растут все-таки в Африке и что высящиеся вдали холмы простираются на юг, к сердцу черного континента.

Но что поражает больше всего, так это тихое упорство земли. Как мало здесь почвы и как много ей удается произвести. Год за годом она дает это удивительное представление для горстки бедуинов, покрывает пылью мареотидскую цивилизацию и растит цветы на ее черепках. Неужели та же судьба ждет и наши жестянки и колючую проволоку? По всей вероятности, нет: человек так обогнал другие формы жизни, что едва ли допустит, чтобы поверх его трудов зацвели цветы. Старые жестянки будут погребены под новыми жестянками. В этом и состоит, я полагаю, триумф цивилизации, последний след, оставленный человеком на этой преданной ему планете, которой во славу его предстоит покрыться сплошной коростой машин и могил. В городах это будущее уже наступает, но в пустынных местах, какими бы суровыми они ни были, все еще чувствуется первозданная мягкость, растения все еще цветут и беспрепятственно разбрасывают семена, и воздух все еще полнится неиспорченным жаром суши или холодом моря. Я попытался описать местность вокруг озера Мариут, какой она бывает в марте, когда земля совершает свою великую работу. Через несколько дней ветер иссечет и растерзает цветы, а еще через неделю другую солнце выжжет все листья. Ноздреватые красные побеги ледяника держатся дольше всех, и покрытые ими холмы становятся все багрянее и багрянее. Но высохнут и они, и на холмах снова проступят кости известняка. Потом все стихнет до первого зимнего дождя, после чего выведут на пахоту верблюдов. На земле выделят прямоугольник и рассыпят по нему семенной ячмень. Потом верблюд станет ходить по нему взад-вперед, волоча за собой деревянный плуг, похожий на полуткрытый перочинный ножик, а правящий им

бедуин будет петь верблюду песню, какую можно петь только верблюду, потому что в его представлении эта песня и этот верблюд – одно и то же.

Глядя на нынешнюю Александрию, едва ли подумаешь, что у этого города есть душа. Основа городского хозяйства – хлопок, с которым конкурируют лишь лук и яйца. Город дурно застроен, дурно спланирован, в нем дурная канализация – много плохого можно сказать об Александрии, что, впрочем, и делают зачастую ее жители. Однако некоторым из них порою доводится испытать восхитительные минуты. Неожиданно вы слышите, как кто-то произносит ваше имя, твердо и вместе с тем задумчиво, словно и не ожидая ответа, а просто отдавая должное самому факту вашего существования. Обернувшись, вы видите греческого джентльмена, стоящего абсолютно неподвижно немного в стороне от мира. Возможно, он протягивает к вам руки. «О, Кавафис...» Да, это господин Кавафис, который идет либо из дома на службу, либо со службы домой. В первом случае вы увидите, как он удаляется со слабым жестом отчаяния. Во втором – он может произнести какую-нибудь тираду, необычайно сложную, но, в то же время, стройную, полную придаточных и условных предложений, которые, действительно, нечто обуславливают; тираду, логично стремящуюся к предсказуемому финалу, который, однако, всег-

да оказывается ярче и многозначнее, чем можно было представить. Иногда она завершается еще на улице, иногда гибнет в уличном шуме, а порой продолжается до самой квартиры. Она может быть посвящена коварству императора Алексея Комнина⁷⁴ в 1096 году, или видам и ценам на маслины, или судьбам друзей, или Джордж Элиот⁷⁵, или диалектам внутренних районов Малой Азии. Она с одинаковой легкостью может быть произнесена на греческом, английском или французском. Но, несмотря на все интеллектуальное богатство и широту кругозора, несмотря на зрелость и доброжелательность суждений, вы чувствуете, что она тоже стоит немного в стороне от мира: это тирада поэта.

Грек, который хочет писать стихи, сталкивается с особой проблемой: между его письменным и разговорным языком зияет разрыв. С одной стороны, существует искусственный «литературный» жаргон, любимый школьными учителями и журналистами, который пытается возродить классическую традицию, но единственное его достижение состоит в том, что он невыносимо скучен. С другой стороны, существует живая народная речь, различная в разных местностях и наполненная негреческими конструкциями и словами. Можно ли использовать этот язык для создания поэзии и утонченной прозы? Представители молодого поколения полагают, что можно. Основатели александрийского общества «Неа Зои»⁷⁶ начали решать эту задачу, шокировав косную публику не только своими сочинениями, но и самим словарем, – они используют выражения, которые и в самом деле можно услышать в лавках. Подобные движения рождаются и умирают по всему Леванту, от Смирны и Кипра до Янины, свидетельствуя о рвении этого народа, который, единственный в

Восточном Средиземноморье, оказывается, обладает литературным чувством и стремится оживить слово. Кавафис – один из героев этого движения, хотя он и не относится к экстремистам. Эkleктик по природе, он понимает, что любая новая теория может оказаться столь же бесплодной, как и старая, и что конечная оценка должна основываться на требованиях вкуса, которые невозможно сформулировать. Сам он пишет на димотики, не впадая при этом в крайности.

Все его стихотворения коротки и нерифмованы, поэтому есть некоторая надежда передать их в буквальном переводе. Они раскрывают перед нами прекрасный и удивительный мир. Этот мир возникает из опыта, но сам таковым не является, поскольку поэт еще менее, чем большинство людей, способен смотреть прямо:

Пожалуй, здесь недурно постоять.
Не прочь полюбоваться я пейзажем,
лазурной чистотой морского утра
и солнечными красками песка.

Не прочь я обмануться ненадолго,
поверить, будто поглощен природой
(лишь в первый миг я был ей поглощен),
а не видениями чувственной фантазии ⁷⁷.

Это мир внутренний. И раз уж поэт не может сбежать из этого мира, он должен любой ценой разумно упорядочить его и управлять им. «Мой разум – царство для меня», – пел елизаветинец⁷⁸. Так же и Кавафис. Но его царство – реальное, а не вымышленное; царство, где случаются мятежи и войны. В стихотворении «Город» он рисует трагедию потерянного человека, который надеется сбежать от хаоса и отыскать «новый город ... прекраснее, чем мой». Тщетно!

Твой Город за тобой пойдет. И будешь ты смотреть
на те же самые дома и медленно стареть
на тех же самых улицах, что прежде,
и тот же Город находить. В другой – оставь надежду –
нет ни дорог тебе, ни корабля.
Не уголок один потерял – вся земля,
коль жизнь свою потратил ты, с судьбой напрасно споря⁷⁹.

110 В «Итаке» он рисует другую, более благородную трагедию – трагедию человека, который стремится к возвышенной цели и, в конце концов, обнаруживает, что эта цель была недостойна его усилий. Такой человек не должен жаловаться. На самом деле он не проиграл.

Итака тебя привела в движенье.
Не будь ее, ты б не пустился в путь.
Больше она дать ничего не может.
Даже самой убогой Итакою не обманут,
Умудренный опытом, многое повидавший,
ты легко догадаешься, что значат эти Итаки⁸⁰.

Эти примеры иллюстрируют одну из тональностей Кавафиса – необычайно субъективную; пейзажи, города и легенды по-новому воссоздаются в его сознании. Но есть у него и другая тональность: когда он стоит в стороне от изображаемого предмета и с беспристрастностью художника придает ему форму. Здесь на первый план выходит историк, и интересно отметить, насколько его история отличаются от истории англичанина. Оглядываясь в прошлое, даже Грецию он видит иначе. Афины и Спарта, которыми нас пичкали в школе, для него – лишь два маленьких задиристых рабовладельческих государства, эфемерных по сравнению с пришедшими им на смену эллинистическими царствами, которые, в свою очередь, столь же эфемерны на фоне вечной Византийской империи. Он восстает против тирании классициз-

ма – всех этих скучных периклов, аспасий и феми-
стоклов. Александрия, его родной город, возникла
именно тогда, когда пришла в упадок Греция, ко-
торую мы изучали в школе; цари, императоры, па-
триархи ступали по земле между его конторой и
его домом. Если Кавафиса и можно назвать чьим-
то литературным наследником – то только наслед-
ником Каллимаха. Его стихотворения носят назва-
ния «Недовольство Селевкида», «В месяце Атире»,
«Мануэль Комнин»⁸¹ и предваряются эпиграфами
из Филострата⁸² или Лукиана⁸³.

III

Два стихотворения мы приведем здесь полно-
стью, чтобы проиллюстрировать его метод⁸⁴. В
первом для достижения эффекта он выбирает точ-
ный, почти рубленый стиль хроники. Оно называ-
ется «Александрийские цари» и посвящено одно-
му эпизоду правления Клеопатры и Антония.

Сошлись александрийцы посмотреть
на отпрысков прекрасной Клеопатры,
на старшего, Цезариона, и на младших,
на Александра и на Птолемея,
что выступят в Гимнасии впервые,
где их царями ныне назовут
перед блестящим воинским парадом.

Армян, мидийцев и парфян владыкой
всесильным Александра нарекли.
Сирийским, киликийским, финикийским
владыкою был назван Птолемея.
Однако первым был Цезарион –
в одеждах нежно-розового шелка,
украшенный гирляндой гиацинтов,
с двойным узором аметистов и сапфиров
на поясе и с жемчугом на лентах,
увивших ноги стройные его.
Он вознесен был выше младших братьев,
провозглашен Царем среди Царей.
Разумные александрийцы знали,
Что это было только представленья.

Но день был теплым и дышал поэзией,
 лазурью ясной небеса сияли,
 Гимнасий Александрии по праву
 венцом искусства вдохновенного считался,
 Цезарион был так красив и так изящен
 (сын Клеопатры, Лага славного потомок).
 И торопились, и к Гимнасию сбегались,
 и криками восторга одобряли
 (на греческом, египетском, еврейском)
 блестящий тот парад александрийцы,
 а знали ведь, что ничего не стоят,
 что звук пустой – цари и царства эти⁸⁵.

В этом стихотворении, даже в переводе, нельзя не заметить особую атмосферу. Это работа художника, которого не интересует поверхностная красота. Во втором стихотворении, несмотря на трагичность темы, Кавафис остается столь же отчужденным. Стихотворение разбито на полустихия; оно представляет собой эпитафию юноше, умершему в месяце Атире, ноябре древних египтян, и выражает ту неопределенность и муку, которые порой возникают из прошлого, переплетаясь в едином призраке:

На древнем камне надпись пытаюсь разобрать.
 Прочел ГОСП(ОД)НЯ ВОЛЯ. Читаю имя ЛЕВКИ(Й)
 и В МЕ(СЯ)ЦЕ АТИРЕ У(С)НУЛ ПОСЛЕДНИМ СНОМ.
 ЛЕТ ОТ Р(ОЖ)ДЕНЬЯ вижу и XXVII, и значит,
 он, этот самый Левкий, почил во цвете лет.
 Больших усилий стоит прочесть АЛЕКСАНДРИЕЦ.
 Три следующие строчки изрядно пострадали,
 и все же разбираю Л(Ь)ЕМ СЛ(Е)ЗЫ... СКОРЬ Д(Р)УЗЕЙ
 и ниже снова СЛЕЗЫ и В ПАМЯ(Т)И ПРЕ(БУ)ДЕТ.
 Знать, все его любили, души не чая в нем.
 Он в месяце Атире уснул последним сном⁸⁶.

Такой поэт никогда не будет популярным. Он летает слишком неторопливо и слишком высоко. Субъективен он или объективен, он одинаково

далек от сиюминутной суеты. Он никогда не напишет гимна – ни роялистам, ни сторонникам Венизелоса⁸⁷. Он обладает силой (и, конечно, ограничениями) отшельника, который, хоть и не боится мира, тем не менее, всегда стоит несколько в стороне от него, пусть и может порой в разговоре уделить ему пару слов. Что лучше – мир или уединение? Кавафис, испытавший и то, и другое, не может ответить на этот вопрос. Очевидно одно: либо жизнь порождает отвагу, либо она перестает быть жизнью.

Серьезная история Александрии еще не написана, и эти очерки, быть может, дадут понять, какой разнообразной и впечатляющей могла бы быть такая история. Как в карнавальной шествии, в ней последовали бы друг за другом деяния двух тысяч пятидесяти лет. Но, в отличие от карнавала, шествие это завершилось бы безрадостно и уныло. Увы! Современный город не внушает ни малейшего энтузиазма. Его материальное благоденствие опасений не вызывает, но в отношении всего остального особого прогресса не наблюдается; что же до прошлого, то даже немногие дожившие до наших дней связи с ним без всякой причины обрываются: муниципалитет, к примеру, переименовал Рю Розетт в бессмысленную Рю Фуа Премьер и уничтожил прелестный крытый базар неподалеку от Рю де Франс. За городом, в Канопе, британская оккупационная армия тоже внесла свою лепту, разобрав для постройки дорог старые руины Птолемеев. Все проходит, или почти все. Только климат, только северный ветер и море остаются теми же, что и во времена, когда Менелай, первый гость на этой земле, высадился у мыса Рас эль-Тин и выбил из Протея обещание жизни вечной. Ему суждено было избежать смерти благодаря жене⁸⁸, и Гермес,

сам обратившись тенью, не провожал его к асфоделям вместе с другими тенями. Бессмертному, но так или иначе своим бессмертием недовольному, Менелаю подобает пойти твердым шагом во главе этой процессии; торговцы хлопком завершат ее; между ними будут толпиться фантомы – беззвучные, бесплотные, бесчисленные, однако же и небынтересные для историка.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

117

*Эдвард Морган Форстер –
Константинос Кавафис*

ПИСЬМА 1917 – 1932⁸⁹

Клуб Султана Хусейна
Александрия, Египет
12.5.1917

Дорогой Каваффи [sic!]⁹⁰,
надеюсь, что это письмо предвосхитит мое
воскресение. Ждите меня через несколько дней.
Долгие недели я был либо слишком глуп, либо
слишком ленив, а порою и то, и другое сразу, чтобы
зайти к Вам. Но я часто думаю о Вас. Всего хорошего,

*всегда Ваш,
Э. М. Форстер*

Санаторий Британского
Красного Креста № 7,
Монтаза, Александрия,
1 июля 1917 г.

118

Дорогой Каваффи [sic!],

сегодня днем заходил Валассопуло⁹¹ и сказал, что с того момента, как мы с Вами не виделись, с Вами случилось что-то, сделавшее Вас очень несчастным; что, по Вашему мнению, художник должен быть порочным; и что Вы просили его сообщить вышеизложенное Вашим друзьям. В результате я решил немедленно написать Вам, хотя я не получил от него никаких разъяснений и, соответственно, не знаю, что сказать.

В последнее время я более счастлив, чем обычно, и я принял свою удачу с благодарностью и безо всяких условий. Однако мне кажется, что в глубине души мы жаждем не счастья, а покоя. Замечу, что я пришел к такому выводу именно в тот момент, когда моя жизнь протекает уверенно, как никогда, – я имею в виду, что ее течение не нарушается ни радостями, ни печалью. Я пишу это не для того, чтобы утешить Вас: утешение – довольно ничтожное занятие, которое годится только для людей, не вполне откровенных друг с другом. Но, по-моему, очень важно, если человек, пусть, быть может, и чувствует себя несчастным, но не от внешних причин, и если он спасается от своего несчастья не наслаждениями, а творчеством. Этот покой – покой в центре циклона. Другими словами, – совершенно другими! – я думаю, что Вы должны продолжать писать.

Мы с В[алассопуло] немного поговорили о порочности, но не пришли ни к каким выводам. Он склонен связывать ее со страстью, которая, на мой взгляд, совершенно ей противоположна. Я даже не уверен, что я бы связывал ее с любопытством, поскольку, если она и существует, то лишь как нечто холодное, – а потому не может быть особенно полезным инструментом для художника. Да, пожалуй, температура – это единственное, что я могу Вам сказать о порочности. Она не имеет ничего общего с фактической стороной дела. Ни действия, ни мысли не могут быть порочны сами по себе.

Я понимаю, что эти два абзаца весьма невнятные, и вряд ли проясню их, сказав, что в каждом из них я думал о Данте: во-первых, о его ангелах, которые обещают не счастье, но покой; во-вторых, о том, что в центре его Ада – лед, а не пламя.

Я приехал сюда⁹² на пару дней, но, поскольку здесь есть работа, и старшая сестра настойчиво убеждает меня, то я остаюсь. Зайду к Вам, как только вернусь. Я не жду ответа на это письмо – ни сейчас, ни позднее. Я лишь хотел напомнить Вам, что среди многих Ваших друзей есть один, на которого вы всегда можете рассчитывать.

*Э. М. Форстер**

* Письмо впервые опубликовано в книге: Selected Letters of E. M. Forster, ed. by Mary Lago and P. N. Furbank. Collins, London, 1983. V. 1, 1879 – 1920. P. 259-260.

Харнэм Монумент
Грин Вейбридж
25-4-19

Дорогой Кавафи,

120

Я посылаю Вам статью о поэзии К. П. Кавафи⁹³, которую, надеюсь, он сочтет сносной. Насколько я помню, Вы мне говорили, что он не будет против, если я упомяну о каких-то его личных отличительных чертах, поэтому я постарался это сделать, – надеюсь, вкус мне не изменил. Для иностранной аудитории очень важно почувствовать, что ей рассказывают и про личность самого автора.

А теперь, увы, я должен извиниться перед вами обоими. Наборщики допустили ужасающую перестановку двух строк⁹⁴, в результате чего одно стихотворение совершенно погибло, а второе сильно испорчено. Внизу первого столбца. Вы увидите, Вы слишком хорошо увидите. Я написал редактору (который в восторге от Ваших стихов), и очень просил его поместить на той неделе сообщение об печатке или извинение⁹⁵. Если он сделает это, я пришлю Вам. Мне очень жаль. Это сильно испортило все удовольствие, [нрзб] которое очень велико. На самом деле, у меня не было возможности прочесть корректуру [нрзб]

*С самыми наилучшими пожеланиями,
Э. М. Форстер*

Дорогой Форстер,

Большое спасибо за два экземпляра «Атенеума» и за Ваши письма от 25-го и 29-го апреля. Статья мне чрезвычайно понравилась, и я очень рад, что Вы цените мои стихи. Надеюсь, Вы в добром здравии. Я часто думаю о Вас и благодарен за Вашу дружбу.

121

Ваш К. П. Кавафи.

Александрия, 22 мая 1919 г.,
Рю Лепсиус, 10

Харнэм Монумент
Грин Вейбридж
13-8-19

Дорогой Кавафи,

Фирнесс⁹⁶ передал мне записку от Вас. С Вашей стороны было очень мило послать мне ее. Я также благодарен Вам за письмо. Я очень рад, что статья доставила Вам некоторое удовольствие. Я все время сомневаюсь, насколько то, крайне отчетливое, впечатление, которое так или иначе сложилось у меня от Ваших работ, соотносится с действительностью.

Александрия часто оживает в моих мыслях, а порою и в теле. На днях миссис Борхгревинк⁹⁷, моя мать, Фирнесс, Добре⁹⁸ и я пили чай после балета. Именно тогда Вы и пришли ко мне [нрзб]

Пожалуйста, напишите мне пару строк, когда будете к этому расположены. И, пожалуйста, попросите Джорджа Валассопуло написать мне: я надеюсь, он пришлет мне новые переводы.

*Искренне Ваш,
Э. М. Форстер*

122

Харнэм Монумент
Грин Вейбридж
16-9-19

Дорогой Кавафи,

К моей радости, Валассопуло прислал еще три Ваших стихотворения⁹⁹. По его словам, Вы бы хотели, чтобы какие-то стихи были опубликованы в «Атенеуме» безо всяких комментариев. Именно это я и надеюсь осуществить, но редактор на несколько недель уехал, и я должен дожидаться его возвращения. Было бы замечательно, если тем временем Вы пришлете мне еще несколько переводов, чтобы я мог предложить ему максимальный выбор. Я не уверен, удастся ли, но давайте попытаемся, мой дорогой Кавафи, давайте попытаемся.

Я в любом случае собирался Вам писать, поскольку мой хороший друг, капитан Алтунян¹⁰⁰, будет в октябре в Александрии по пути на родину (какая уж она есть у армян), и очень хотел бы Вас увидеть. Он очень обаятельный человек – полуирландец, и не лишен литературного вкуса, хотя и врач по профессии.

Как всегда, с наилучшими пожеланиями. Как бы я хотел, чтобы Вы когда-нибудь мне написали!

*Всегда Ваш,
Э. М. Форстер*

Александрия, Рю Лепсиус, 10,
1 октября 1919 г.

Мой дорогой Форстер,

я получил Ваше письмо от 13 августа и надеюсь, Вы простите мою задержку с ответом.

123

Я попросил Валассопуло прислать Вам еще несколько переводов моих стихов. Я очень рад, что они Вас интересуют. Что касается Вашего вопроса о том, насколько верно то впечатление, которое сложилось у Вас от моей работы, то, насколько я понимаю, оно представляется мне достаточно адекватным. К тому же переводы Валассопуло столь точны, что они в значительной мере способствуют созданию верного представления о моей работе.

Нашего друга Джорджа Антониуса¹⁰¹ постигла тяжелая утрата: его брат Майкл недавно скончался в Швейцарии.

Надеюсь, Фирнесс вернется в следующем месяце. Добре, о котором Вы упоминали, я видел однажды; он заходил ко мне домой за день или два до своего отъезда из страны. Он мне очень нравится.

*Ваш искренний друг
К. П. Кавафи*

Корабль компании
P.&O.S.N. Морей
15-3-21

Дорогой Кавафи,

124 *Creta Jovis magni medio jacet insula ponto*¹⁰², и я не могу спокойно миновать его, не напомнив Вам об этом. «Кавафианское Средиземное море», подумал я, увидев белый гребень [нрзб] к северу, и, слава Богу, почувствовал, что меня стало несколько меньше тошнить. Пока Крит не защищал нас, море было ужасно бурным, намного хуже, чем в Бискайском заливе. Теперь [нрзб] мы приближаемся к Порт-Саиду, и это так близко, что я мог бы надеяться оказаться на Рю Лепсиус. Но из Порт-Саида я направляюсь в Бомбей, а в Бомбее, если не будет железнодорожной забастовки, сажусь на поезд до Индора, а в Индоре беру машину, или повозку, или слона, или несколько чернокожих, и добираюсь до Деваса, где меня ожидает некая странная, но вполне подходящая для меня работа¹⁰³. В Девасе два правителя. У каждого – свой теннисный корт, свой дворец, своя армия, своя прачечная (прямо как в Спарте) – по сути, все отдельно, кроме образования, которое, в силу своей второстепенности, у них объединено. Я, разумеется, буду на службе у Старшего Правителя. Он мой старый друг и еще более старый друг моих друзей, и если мне удастся не заболеть, то это должно быть замечательное время. Если Вы мне напишите, я расскажу Вам. Почтовая служба в двойной монархии не очень [нрзб], поэтому я пришлю Вам скучный, но весьма звучный адрес компании «Кук и Сыновья» в Бомбее.

Я все собирался Вам написать, но очень долго не мог опубликовать ни одного из Ваших стихотворений, поскольку английская пресса с трудом печатает переводы, даже такие замечательные, как переводы Джорджа Валассопуло. Я надеюсь, Вы продолжаете писать. Что же касается моей книги об Александрии¹⁰⁴, то я утратил к ней всякий интерес. Рукопись лежит на улице Шариф Паши¹⁰⁵ и, насколько я понимаю, навсегда там и останется. Карта (замечательная) и планы (очень хорошие) уже готовы. Янес говорит, что он потратил на них 60 фунтов, и я вполне ему верю, ибо это очень хорошая работа. Но какой толк от карты и планов при [нрзб] состоянии корректуры? И какой толк от моей рукописи? И какой толк, в конце концов, от улицы Шариф Паши? Я бы хотел, чтобы, когда Вам случится в следующий раз проходить мимо, Вы бы задали, своим обычным тоном, этот вопрос.

*С [нрзб] и наилучшими пожеланиями
Искренне Ваш,
Э. М. Форстер*

Харнэм Монумент
Грин Вейбридж
7-7-22

Мой дорогой Кавафи,

В конце этого года я выпускаю в Англии небольшую книжку – другую¹⁰⁶ – об Александрии, и я бы хотел включить в нее ту статью о Вас, которая вышла в «Атенеуме». Издатели тоже хотят ее

включить. Согласны ли Вы и Джордж Валассопуло? Я очень на это надеюсь.

Я встретил в Оксфорде юного Менаша¹⁰⁷, который интересовался Вами. Он показался мне вполне умным и приятным, но я очень смутно представляю, кто он такой.

*Всего Вам доброго. Надеюсь, так и есть.
Ваш [нрзб] навеки
Э. М. Форстер*

126

Александрия, Рю Лепсиус, 10,
4 августа 1922 г.

Мой дорогой Форстер,
большое спасибо за Ваше письмо от 7 июля.

Валассопуло и я очень рады, что Вы намерены включить статью обо мне в Вашу новую книгу; ее новая публикация хороша еще и тем, что с порядком строк (две строки в стихотворении «Александрийские цари») теперь все будет в порядке. Статья мне очень нравится, как я уже писал Вам в свое время и говорил во время нашей встречи в начале этого года¹⁰⁸. У меня есть, однако, одна рекомендация. Не могли бы Вы заменить в моем стихотворении «В месяце атире» слово «шестнадцать» на «двадцать семь» и, естественно, слово «мальчик» на более подходящее?

Юный Менаш, которого Вы встретили в Оксфорде, – сын барона Феликса де Менаша¹⁰⁹. Он очень славный молодой человек. [нрзб]

*Рад, что у Вас все хорошо. Остаюсь
всегда Ваш,
К. П. Кавафи*

Харнэм Монумент
Грин Вейбридж
31-12-22

Мой дорогой Кавафи,

Моя александрийская книга об Александрии¹¹⁰ вышла, но я не посылаю ее ни Вам, ни Джорджу Валассопуло, и никому из друзей, которые мне помогали, поскольку я пришлю и Вам, и Джорджу Валассопуло, и всем остальным друзьям, которые мне помогали, мою английскую книгу об Александрии, которая выходит в следующем месяце, поэтому мою александрийскую книгу об Александрии я рассылаю тем друзьям, которые помогали мне здесь.

127

Предыдущая сентенция – почти столь же длинная, как Ваши собственные, хотя, увы, во всех других отношениях с ними не схожая, – может продемонстрировать Вам состояние моего рассудка. Однако я со всей возможной аккуратностью отнесусь к корректурам и не забуду мою ошибку относительно возраста молодого человека в «Месяце Атире». Другая, ужасная, ошибка, допущенная в «Атенеуме», надеюсь, не повторится в книге. Стихотворение «Бог покидает Антония» я поместил между двумя частями книги (так же, как я поместил его между двумя частями александрийской книги). Содержание книги следующее: Название: ФАРОС И ФАРИЛЛОН

Часть 1 ФАРОС

Фарос

Возвращение из Сивы

Эпифания
 Короткое путешествие Филона
 Климент Александрийский
 Св. Афанасий
 Тимофей Кот и Тимофей Белый Колпак
 [Бог покидает Антония]
 Часть 2 ФАРИЛЛОН
 Элиза в Египте
 Хлопок – взгляд со стороны
 Притон
 Пустынное место
 Между солнцем и луной
 Поэзия К. П. Кавафи

– я не собирался излагать Вам все это, когда начинал письмо. Не говорите об этом (то есть, о деталях) никому, поскольку мне бы хотелось этой книгой преподнести сюрприз читателям.

*С благодарностью за помощь
 в написании обеих книг,
 Всегда Ваш
 Э. М. Форстер*

Харнэм Монумент
 Грин Вейбридж
 5-7-23

Мой дорогой Кавафи,
 Вы – плохой поэт. Я писал Вам и передавал два экземпляра книги и записку через Валассопуло. Получил ли я хоть слово в ответ? Ни единого. Вы обязательно должны ответить хотя бы на это письмо. Ибо все обстоит великолепно. Книга пользуется большим успехом для подобного рода книг,

за 6 недель продано 900 экземпляров, и мы торопимся со вторым изданием; рецензия в литературном приложении «Таймс», большие рецензии в «Нэшн», «Нью Стэйтмент», «Дэйли Телеграф»¹¹¹ и так далее. И самое большое внимание привлекли Ваши стихи. В ряде случаев рецензенты цитируют их целиком, и я получил несколько писем, например, от Зигфрида Сассуна¹¹², авторы которых хотят прочесть больше Ваших стихов и получить больше информации о Вас. А теперь – самое замечательное. На днях я был в «Чатто и Уиндус» – это одно из лидирующих наших издательств, – и они стали расспрашивать меня о Вас, в частности, можно ли перевести и другие Ваши стихи. Причем они сами затеяли этот разговор, я о Вас даже не упоминал. Конечно, они не гарантировали публикацию, и я не хотел бы вселять в Вас надежд, которые могут рухнуть. Но, действительно, мой дорогой Кавафи, если вы сможете заставить Дж[орджа] В[алассопуло] перевести сразу полдюжины стихов, то я бы мог отнести их в «Чатто и Уиндус» и еще раз поговорить на эту тему. Если они будут по-прежнему заинтересованы, мы могли бы добавить еще, и, в конце концов, получилась бы славная книжка. Пусть это и не такое большое дело, однако она бы доставила некоторое удовольствие Вам, Дж[орджу] В[алассопуло] и мне и уж определенно порадовала бы тех ценителей, которые ее прочтут. Я очень не люблю, когда замечательные вещи не попадают туда, где они нужны.

Не хотели бы Вы увидеть некоторые рецензии? Если бы Вы были не плохим поэтом, а хорошим, я бы Вам прислал. Рецензия в «Таймс» (она не подписана, но я полагаю, что автор – Миддлтон Мюрри¹¹³) – наполовину загадочная, наполовину юмористическая – действительно, очень хороша,

и, по-моему, автор верно «схватил» суть нашей работы. Во всяком случае, он продает нас, как горячие пирожки.

*Ваш томящийся ожиданием друг,
Э. М. Форстер**

130

10 июля 1923 г.

Мой дорогой Форстер,

я горячо признателен Вам за книгу «Фарос и Фариллон», которую я оцениваю чрезвычайно высоко. Ваше эссе о Фаросе восхитительно открывает книгу. В «Возвращении из Сивы» мне очень понравился следующий фрагмент: «греческий дух был еще жив. Но он жил теперь сознательно, а не бессознательно, как в прошлом». В очерках о св. Клименте, св. Афанасии и о Тимофеях Вы рисуете яркую картину второго века нашей эры и александрийского христианства. – Миссис Элиза Фэй, открывающая тему современного города, совершенно восхитительна. Весьма жизненно эссе о хлопке, и «Отшельническое место» замечательно. Наконец, нет нужды повторять, как нравится мне статья о моей поэзии и как я признателен Вам за нее.

*Всегда Ваш,
К. П. Кавафи*

* Ibid. V. 2, 1920 – 1970. P. 40.

Харнэм Монумент
Грин Вейбридж
1-8-23

Мой дорогой Кавафи,

Большое спасибо за Ваше письмо от 10 июля. Я должен написать также и Валассопуло. После того как мы с Фирнессом немного подправили его перевод «Дария», я предложил его в «Нэшн», и они ответили, что с радостью принимают. Они предлагают 3 фунта и 3 шиллинга, на что я уже согласился от Вашего имени – надеюсь, я поступил правильно – и сказал, чтобы они выслали чек непосредственно Вам. Я не знаю, когда стихотворение появится.

Как видите, это не такой уж большой источник дохода!¹¹⁴ Однако давайте его увеличивать. Выберите еще какое-нибудь стихотворение (желательно, историческое) и заставьте В[алассопуло] его перевести. Сейчас, когда публика Вами заинтересовалась, очень важно поддерживать этот интерес.

*Всегда ваш
Э. М. Форстер*

[черновик Кавафиса]
август 1923

Большое спасибо за Ваше письмо от 5 июля
[нрзб]

Я очень рад, что Ваша книга пользуется успе-

хом [нрзб] Я также очень рад, что мои стихи привлекли некоторое внимание [нрзб]
Я писал Вам в начале июля [нрзб]

Реформ Клуб, Лондон S. W.

132

20-8-23

Мой дорогой Кавафи,

Сегодня утром мой почтовый ящик был переполнен Вами! Во-первых (и это самое приятное), письмо от Вас, затем корректура «Дария» для «Нэшн» и, наконец, письмо от «Хогарт Пресс», которое я цитирую:

«Нельзя ли нам посмотреть стихи Кавафи с перспективой их публикации? Так сложилось, что у нас сейчас не очень много материала, а мы сочли его стихи настолько интересными, что идея кажется осуществимой, по крайней мере, мы бы со своей стороны ее приветствовали».

Для меня очевидно, что, если Вы пришлете мне переводы, я бы смог опубликовать их в виде книги – или в «Хогарт Пресс», или в «Чатто и Уиндус». Я сомневаюсь, что это принесет Вам деньги, – в этой забытой музами стране за стихи никогда не платили, – но Вас смогут читать те, кто окажется способен к Вам подступиться. Фирнесс все Вам расскажет про «Хогарт Пресс». Во главе издательства стоят мои друзья¹⁵. «Чатто и Уиндус» – фирма побольше.

Не могли бы Вы прислать мне какое-нибудь стихотворение для публикации в газете? Это приблизило бы появление книги.

За продвижение Александрии!

Ну, хорошо, мой дорогой Кавафи, на сегодня все. Я пишу из дебрей Шотландии. [нрзб] Пожалуйста, присылайте стихи. Я посылаю письмо также и Валассопуло.

*Всегда Ваш,
Э. М. Форстер*

133

[черновик Кавафиса]

11.9.23

Огромное спасибо за два Ваших письма от 1 и 20 августа. Я необычайно рад, что перевод моего стихотворения «Дарий» появится в «Нэшн».

В письме от 1 августа Вы просили у меня еще переводов. Надеюсь, что Вы их уже получили: В[алассопуло] послал Вам в конце месяца перевод «Демарата», моего стихотворения, написанного два года назад. Надеюсь, оно Вам понравится.

Я был несколько дней [нрзб] с В[алассопуло] (которому я, разумеется, показываю все Ваши письма). Я надеюсь, что он скоро сделает новые переводы. К сожалению, маловероятно, что ему удастся в самом ближайшем будущем сделать много переводов, ибо он сильно загружен работой [нрзб]

Фирнесс вернулся, но я его еще не видел. Собираюсь пригласить его на этой или на той неделе.

Надеюсь, Ваша поездка в Шотландию была приятной [нрзб]

Реформ Клуб, Пэлл Мэлл S. W. 1

17-9-23

134

Мой дорогой Кавафи,

Я был у моих друзей Вулфов, и они сказали, что написали Вам деловое письмо. Надеюсь, Ваш ответ будет положительным. Если так, могли бы Вы доверить мне все хлопоты, связанные с публикацией книги? Если Вы согласны, для меня это было бы и удовольствием, и честью, и я постараюсь сделать так, чтобы книга была достойна Вас. Разумеется, это ни в коей мере не означает, что дело выйдет из-под Вашего контроля (Вы увидите полный перевод до его выхода и получите корректуры), но наличие в Англии человека, который возьмет на себя некоторую долю ответственности, сэкономит бы время и силы, и я чувствую, что мог бы стать таким человеком!

Так что я очень жду Вашего ответа на предложение «Хогарт Пресс».

*Всегда Ваш
Э. М. Форстер*

P. S. «Дарий» не был напечатан в «Нэшн» из-за недостатка места и появится на следующей неделе. Я пришлю Вам экземпляр. Валассопуло любезно прислал мне «Демарата».

Реформ Клуб S. W.

II.II.23

Дорогой Кавафи,
Рыдают и скорбят
И Эллин, и Еврей,
Что нету от тебя
Вестей.
Ваш безутешный собрат по перу*

135

Харнэм Монумент

Грин Вейбридж

20-2-24

Мой дорогой Кавафи,

Юный Менаш попросил переводы Валассопуло¹¹⁶, которые у меня были, и я дал их ему; надеюсь, я поступил правильно. Я также отдал в «Нэшн» еще одно стихотворение, «Город»¹¹⁷.

Если Вы напишете письмо, дающее мне право организовать перевод некоторых Ваших стихов и опубликовать их в виде книги, я с радостью сделаю это, избавив Вас от всех хлопот. Я надеюсь, что я (вместе с Менашем) смогу это устроить, поскольку я в хороших отношениях с издателями. Но, разумеется, я не могу (и не буду) этого делать, пока Вы не дадите мне на это право. Валассопуло

* Ibid. P. 45.

был бы идеальным переводчиком, но он никогда ничего не делает вовремя, он слишком долго откладывает, и поэтому приходится искать еще кого-нибудь.

Пожалуйста, напишите мне хоть строчку. Я не могу добиться от Вас ни слова.

*Искренне Ваш,
Э. М. Форстер*

136

[черновик Кавафиса]
14 марта 1924

Мой дорогой Форстер,

Я горячо благодарен Вам за письмо от 20 февраля, и прошу прощения за мое долгое молчание. Вы совершенно верно поступили, поместив сделанный Валассопуло перевод «Города» в «Нэшн», и я весьма признателен Вам, редактору «Нэшн» [нрзб]

Харнэм Монумент
Грин Вейбридж
14-4-24

Мой дорогой Кавафи,

Ваше долгожданное письмо от 14 марта не сразу добралось до меня. Понятно, что это произошло не из-за Вас, а из-за меня, ибо оно по ошибке оказалось скрыто под другими бумагами, и в результате я лишь недавно его распечатал, – в противном случае, я бы давно уже Вам написал.

Надеюсь, что редакция «Нэшн» прислала Вам номер, в котором напечатан «Город», и что Вы не очень порицаете те небольшие изменения, которые я, с одобрения Арнольда Тойнби¹¹⁸, внес в перевод. Впрочем, об этом и о других вопросах я недавно подробно писал Валассопуло, так что не буду повторяться.

Я совершенно согласен с Вами, что Валассопуло – идеальный переводчик Ваших стихов, но если бы он переводил! Британская публика не сможет узнать Вас так, как мне бы этого хотелось, если он будет присылать лишь по одному стихотворению в год. «Демарат» (с точки зрения английского перевода) оказался не так удачен, как остальные, поскольку не вполне удалось передать тонкость характера. Но практически все остальные присланные им переводы блестящи. Мне кажется, я говорил ему, как восхищен Вашей и его работой полковник Т. Э. Лоуренс¹¹⁹, а Л[оуренс] – хороший судья в литературных вопросах.

Так что, больше стихов.

Больше стихов.

Я, наконец, закончил свой роман¹²⁰. Он выйдет в следующем месяце.

Завтра я иду на Имперскую Выставку в Уэмбли писать статью для «Нэшн»¹²¹. По-моему, там сплошные водные бассейны и открытые люки. Надеюсь, я не провалюсь в них, как, скажем, Сапфо. Его Величество король будет там на той неделе.

*С наилучшими пожеланиями
от Вашего друга и почитателя
Э. М. Форстера**

* Ibid. P. 54

[черновик Кавафиса]

18 мая 1924

Я был очень рад получить от Вас письмо
[нрзб]

138

Я получил номер «Нэшн», в котором напеча-
тан «Дарий» [нрзб]

Валассопуло послал Вам переводы моих сти-
хотворений «Эмилиан Монаи»... и «Византийский
вельможа»... Я прилагаю греческие оригиналы.

Александрия, Рю Лепсиус, 10,
11 июня 1924 г.

Мой дорогой Форстер,

я писал Вам последний раз 18 мая. Валассопу-
ло получил Ваше письмо от 17 мая и скоро Вам от-
ветит – в последнее время он был очень занят.

От Жана де Менаша у меня по-прежнему ни-
каких вестей. Я рад, что он вернул Вам перево-
ды, так что Вы, чьим литературным суждениям
я весьма доверяю, сможете выбрать то, что Вам
кажется наиболее подходящим для публикации.

Валассопуло перевел еще два моих стихотво-
рения: «Александрийские послы» и «Сражавшим-
ся за Ахейский союз». Я посылаю их Вам вместе с
греческими оригиналами.

Я очень, очень признателен Вам за интерес к моей поэзии и за те труды, которые Вы предпринимаете для ее популяризации.

*Всегда Ваш,
К. П. Кавафи*

Клаудс Хилл, Дорсет
23 июня 1924

139

Мой дорогой Кавафи,

Спасибо за Ваше письмо от 11 июня. Я должен извиниться за мое молчание: к сожалению, болезнь и смерть моей тетки, я также последовавшие за этим дела, совпавшие с выходом моей книги, оставляли мне мало времени для друзей. Валассопуло, которому я писал на днях, видимо, расскажет Вам об этом, а также передаст некоторые известия от меня.

Спасибо также за два вложенных стихотворения («Послы...» и «...Ахейский союз»). Они меня очень заинтересовали, хотя мне кажется, что они не в такой мере подходят для английской публики, как те два великолепных примера Вашей иронии, которые я получил до этого (а именно, «Эмилиан...» и «Византийский вельможа...», которые я надеюсь поместить в «Нэшн», когда они опубликуют «Теодота»). Вообще это довольно сложный вопрос – какие стихи больше подходят? – и я думаю, что в этом отношении может оказаться весьма полезным список, сделанный профессором Тойнби¹²², который я послал Валассопуло. «Демарат», который, насколько я понимаю, является одним из самых искусных Ваших произведений, моему, не вполне адекватно передан в переводе.

Я на несколько дней приехал к Т. Э. Лоуренсу, взяв с собой все Ваши стихи, чтобы он смог их прочесть. Он сделал это с огромным энтузиазмом. Он сказал: «Громадное достижение – одно из наиболее значительных в современной литературе такого рода». Он очень хорошо знаком с английской и французской литературой, да и сам он – выдающаяся личность и, кроме того, хороший ученый, поэтому, на мой взгляд, его высокая оценка многого стоит; понятно, что мне она доставила огромное удовольствие. Он также высоко оценил переводы Валассопуло – хотя и добавил: «А почему Кавафи, с его прекрасным знанием английского, сам не переводит свои стихи?» Ему понравилась Ваша «ровность», как он это назвал, и «метод хроники», как это называю я, и он сравнил Ваши методы ретроспекции с методами Эредиа¹²³. Он сказал: «Больше всего мне понравились африканские и азиатские стихотворения». Как Вы знаете, я согласен с ним, однако мне бы хотелось иметь и несколько примеров Ваших эротических стихов, чтобы были представлены все аспекты. – Кстати, когда будете посылать стихи в следующий раз, не утруждайтесь, вкладывая оригиналы, поскольку при нашей последней встрече Вы любезно дали мне два полных сборника. Один из них лежит у меня дома, а второй я даю знакомым

Вы любезно интересовались моей книгой. Я рад сообщить, что начало очень хорошее. И пресса, и устная критика были благожелательны, да и продается книга хорошо. Мой издатель устроил обед, на котором присутствовали различные книготорговцы и я сам; это некоторое нововведение, но, видимо, вполне удачное с точки зрения рекламы. Кроме того, он выпустил специальное издание из 200 подписанных экземпляров в надежде,

что мы сможем найти 200 богатых людей, которые окажутся достаточно глупы, чтобы купить их. Я в этом не уверен: богачи обычно находят иное применение для своей глупости. Значительно важнее то, что вчера у меня был Томас Харди¹²⁴, похвалы которого привели меня в восторг.

Я должен заканчивать эту мазню. Большое спасибо за Ваши изъявления благодарности. Я необычайно рад, когда понимаю, что смог познакомить с Вами какое-то количество новых читателей. Я уверен, что Ваше творчество, в конце концов, приобретет европейскую известность, но это займет какое-то время. Все хорошие вещи требуют времени.

*С искренним восхищением и любовью,
Всегда Ваш,
Э. М. Форстер**

Александрия, Рю Лепсиус, 10,
1 августа 1924

Мой дорогой Форстер

Я получил Ваше письмо от 23 июня. Я хорошо понимаю, как мало у Вас сейчас времени, учитывая горечь утраты и те заботы, которые она за собой влечет, да еще как раз в момент выхода Вашей книги. Валассопуло сейчас не здесь. Он уехал в Грецию. Надеюсь, он вернется недели через три, поскольку в конце месяца его партнер, А. Скен-

* Ibid. P. 60-61.

дераки, уезжает в Италию. Вопрос о том, какие стихи «больше подходят», действительно непросто. Но я абсолютно доверяю Вашему опыту в вопросе о том, какие стихотворения могут, с наибольшей вероятностью, чем-либо заинтересовать британскую публику, или, вернее, ту ее часть, которая может захотеть познакомиться с моими стихами.

Разумеется, высокая оценка Т. Э. Лоуренса для меня важна – чрезвычайно важна.

142

Я необычайно рад тому большому успеху, которым пользуется Ваша книга. Нововведение с обедом показалось мне интересным. Я поздравляю Вас с тем, что Томас Харди похвалил Ваш роман.

Мне было очень приятно увидеть «Теодота» в «Нэшн». Большое спасибо за номер, который Вы мне прислали, а также за сообщение о том, что «Итака» вышла в «Критерионе»¹²⁵. На прошлой неделе заходил Фирнесс и рассказывал мне, какой это замечательный журнал. Я очень рад, что перевод моего стихотворения появился на его страницах.

*Всегда Ваш,
К. П. Кавафи*

Харнэм Монумент
Грин Вейбридж
2-1-25

Мой дорогой Кавафи,

С Новым годом Вас, как греческим, так и негреческим. Но в первую очередь хочу сообщить, что я дал Ваш адрес (надеюсь, я поступил верно) издательству «Хайнеман» по их просьбе. Я надеюсь, что, если Вас напечатают в Англии, то это сде-

лает «Хогарт Пресс». Они очень приятные люди. Однако я полагаю, не будет вреда и от того, что Вы вступите в контакт с «Хайнеманом». Я намеренно сказал им, что ничего про Вас не знаю, дабы Вы чувствовали себя свободнее.

Я очень обрадовался письму от Валассопуло из Парижа¹²⁶. Он пишет, что переводы продвигаются, я убеждаю его продолжать, и надеюсь, если будет возможность, увидеть его. Я собирался написать раньше, но был слишком занят разными делами. Моя книга (Вы, как истинный друг, будете рады) пользуется большим успехом, хорошо продается в Америке, а теперь выходит в Швеции, Чехословакии и Франции.

143

*Наилучшие пожелания от
Э. М. Форстера*

Александрия,
Рю Лепсиус, 10,
16 января 1925

Мой дорогой Форстер,

С радостью получил Ваше письмо (от 2 января). Я писал Вам последний раз 1 августа. Большое спасибо за июльский номер «Критериона», который Вы мне прислали.

Ваше замечание о «Хогарт Пресс» совершенно верно. Я весьма благодарен им за обращение ко мне в сентябре 1923 года.

Чтение Вашей книги доставляет мне огромное удовольствие. Я читаю – и перечитываю – «Поездку в Индию». Это превосходная книга. Это восхитительное чтение. Мне нравится стиль, мне нравятся герои, мне нравится описание среды,

мне нравится Ваше отношение. Я очарован этой книгой. Она все время со мной. Очень часто я открываю ее и перечитываю то один, то другой отрывок.

Валассопуло еще в Париже. Вчера я звонил к нему домой, и мне сказали, что ожидают его возвращения к концу месяца.

Я видел Ваши портреты в «Иллюстрейтед Лондон Ньюс» (11 октября) и в «График» (8 ноября); я чрезвычайно рад Вашему успеху.

144

*Всегда Ваш,
К. П. Кавафи*

Вест Хакхерст,
Абингер Хаммер, Доркинг
27/9/25

Мой дорогой Кавафи,

Я очень надеюсь, что поступил верно. Дело в том, что Харольд Монро, редактор «Чапбук» и, кроме того, недурной поэт, убедил меня дать ему кое-что из Ваших стихов. Хотя в любом другом случае я бы отказал в такой просьбе (ибо я полагаю, что для Вашей славы было бы лучше, чтобы Ваши стихи вышли – когда это, наконец, произойдет, – сразу в виде книги), однако на этот раз счел за лучшее согласиться, ибо «Чапбук» – весьма уважаемое издание, и его читают люди, чье мнение Вам будет безразлично. Я вложил в конверт стихотворение. Оно сейчас в печати. Я тщательно отредактировал английский перевод, под руководством полковника Лоуренса, и надеюсь, мы не сделали ничего, что бы противоречило намерениям Вашим и Валассопуло.

Разумеется, я пришлю Вам экземпляр журнала. Гонорар, боюсь, будет весьма умеренным, но я сказал Монро, чтобы он выслал Вам 2 фунта, хотя он, как это свойственно поэтам (?), не ответил. Я дал ему Ваш адрес. Его адрес: Книжная лавка поэзии, Девоншир Стрит, 37, W. С.

Я только что с радостью получил письмо от Периклиса¹²⁷, на которое должен ответить. Он прислал мне долгожданный и весьма интересный номер «Неа Техни»¹²⁸. Я очень рад, что Вы позаботились о публикации в нем моей небольшой статьи.

Спасибо за Ваше письмо, которое Вы написали некоторое время назад, и, пожалуйста, извините, что я печатаю на машинке. Дело не в том, что я стал более рационален (гоните подобные мысли!), а в том, что весной я сломал запястье, и печатать мне легче, чем писать, – хотя боли я уже не испытываю.

*С самыми наилучшими пожеланиями,
Э. М. Форстер*

10 октября 1925

Мой дорогой Форстер,

Ваше письмо от 27 сентября очень меня обрадовало. Вы очень верно поступили, послав перевод моего стихотворения в «Чапбук», и я весьма признателен Вам за этот знак дружбы. Я также благодарен мистеру Монро, который собирается поместить в своем журнале перевод стихотворения «Один из их богов». Я очень ценю публикации переводов моих стихотворений в английской периодике.

Мне рассказывал о Вас Валассопуло в начале этого года [нрзб]. Так что изоляция, в которой я живу, не мешает мне получать новости о Вашем огромном литературном успехе.

146 В «Неа Техни» были очень добры ко мне. Я был рад увидеть из их специального номера, равно как и из отдельных статей, что у меня много хороших друзей в Афинах. Я прилагаю три перевода моих стихотворений, сделанных В[алассопуло]. (Мы с ним кардинально переработали эти переводы; я прилагаю также греческие оригиналы.) Я был очень огорчен, узнав, что Вы повредили запястье. Надеюсь, что сейчас Вы уже не испытываете больших неудобств. Периклис шлет Вам горячий привет. Он очень обрадовался, узнав, что Вы ему пишете.

Всегда Ваш

Вест Хакхерст, Абингер
Хаммер, Доркинг
10-12-25

Дорогой Кавафи,

Я прилагаю записку от одного из наших наиболее видных молодых поэтов¹²⁹. Он только что получил от египетского правительства место профессора английской литературы. Я дал ему рекомендательное письмо, о котором он просил, ибо я уверен, что он Вам понравится – он очень мил [нрзб].

«Чапбук» вышел, но я его еще не видел.

*Всегда Ваш,
Э. М. Форстер*

Александрия,
Рю Лепсиус, 10,
11 декабря 1925

Мой дорогой Форстер,

Я получил экземпляр «Чапбук», который мне очень понравился, так что Вы совершенно оправданно рекомендовали мне этот журнал в письме от 27 сентября.

147

Я прилагаю пять новых переводов моих стихотворений (с греческими оригиналами). Валассопуло и я тщательно их отредактировали. Это «Могила Лисия грамматика», «Юноши Сидона, 400 г. н. э.», «В царстве Осроене», «Конец», «Деметрий Сотер», 162 – 150 г. до н. э. Я писал Вам последний раз 10 октября, и с тем письмом послал Вам три переработанных перевода.

Стихи Монро весьма оригинальны. До «Чапбук» мне не приходилось их встречать.

Мне очень понравились стихи Зигфрида Сассуна.

Вы, видимо, знаете, что мистер Вулф писал мне по поводу публикации книги переводов моих стихов. Я ответил ему, что Валассопуло и я сейчас перерабатываем переводы и пришлем ему их в переработанном виде. Я был очень рад этой возможности сказать мистеру Вулфу, насколько мне приятно его благожелательное мнение о моей работе.

*Всегда Ваш,
К. П. Кавафи*

[черновик Кавафиса]
23 декабря 1925.

Мой дорогой Форстер,

148

Я получил Ваше письмо от 10.12. Я с удовольствием узнал, что мистер Грейвз пришел к Вам за рекомендательным письмом ко мне, и очень рад, что Вы его дали. Нельзя сказать, чтобы мистер Грейвз был мне совсем неизвестен: я читал его стихи в «Чапбук» и, кроме того, встречал их в «Лондон Морнинг» в 1921 г. Я писал Вам последний раз 11 декабря, а до этого – 10 октября (к этому письмо я приложил переводы «Ороферна» [нрзб]). Перевод [нрзб] тщательно переработан Валассопуло и мною. Я передам мистеру Грейвзу письмо для Вас.

Всегда Ваш

Вест Хакхерст, Абингер
Хаммер, Доркинг
2-1-26

Мой дорогой Кавафи,

Большое спасибо за Ваше письмо от 23 декабря. Письма от 11 декабря и от 10 октября я также получил и бережно храню стихотворения, пока Вы не решите, что делать с публикацией. Я рад, что Вы знаете стихи Грейвза. Он очень живой молодой человек и быстро отбрасывает официальные манеры. Он очень надеется навестить Вас.

*С наилучшими пожеланиями в Новом году.
Всегда Ваш, Э. М. Форстер*

Вест Хакхерст, Абингер
Хаммер, Доркинг
20-1-26

Дорогой Кавафи,

Этим письмом я представляю Вам моего друга, мистера Крауфорда Флитча, путешествовавшего в Испании и других странах, литератора, друга Унамуну¹³⁰. Побеседуйте с ним. Он сообщит Вам новости обо мне и передаст мои наилучшие пожелания.

149

*Всегда Ваш,
Э. М. Форстер*

Александрия,
Рю Лепсиус, 10,
9 марта 1926

Мой дорогой Форстер,

Я своевременно получил Ваше письмо от 2 января, а 1 марта получил несколько строк (датированных 10 января), представлявших мистера Крауфорда Флитча. Я был очень рад познакомиться с мистером Флитчем. Он в высшей степени интересный собеседник. К сожалению, он был в Александрии очень недолго. 3-го числа, по его словам, он собирался отправиться в Константинополь. Вы очень заботливы по отношению ко мне, ибо даете мне возможность познакомиться с Вашими друзьями. Я очень жду визита мистера Грейвза, который сейчас в Каире.

Прилагаю два моих стихотворения, переведенных Валассопуло и отредактированных нами обоими. Это «Могила Игнатия» и «Все то же» (я прилагаю и греческие оригиналы).

Весь январь и начало февраля я был нездоров – воспаление левого глаза. Теперь, однако, я чувствую себя хорошо.

*Всегда Ваш,
К. П. Кавафи*

150

Вест Хакхерст, Абингер
Хаммер, Доркинг
28/3/26

Мой дорогой Кавафи,

Простите, что отвечаю на Вашу долгожданную записку лишь несколькими строчками, к тому же машинописными: после перелома запястья я стал чаще печатать. Во-первых, спасибо за стихи; в ближайшее время я подробно напишу о них Валассопуло – он также прислал мне еще несколько стихотворений. Во-вторых, я очень рад, что Вам понравился Флитч. По-моему, он очень интересный человек, хотя это не всегда заметно при первой встрече. Кстати, я не вполне понимаю, почему Вы считаете проявлением заботы с моей стороны то, что я даю моим друзьям рекомендации к Вам. Это как раз проявление заботы по отношению к ним, ибо, прочитав Ваши стихи, они очень хотят встретиться с Вами! Я только что получил известия от Раймонда Мортимера. Он был весьма огорчен, что из-за непродолжительности своего пребывания в Александрии не имел возможности зайти к Вам.

Мне очень жаль, что Ваш глаз доставил Вам столько беспокойства.

*Всего наилучшего от Вашего
Э. М. Форстера*

[черновик Кавафиса]
начало апреля 1926 года

151

Мой дорогой Форстер,
я своевременно получил Ваше письмо от 28 марта.

Левый глаз снова беспокоил меня, так что пришлось сделать небольшую операцию. Но теперь все в порядке.

Один из моих друзей показал мне номер парижского *Les Nouvelles Litteraires* (от 6 марта) со статьей Андре Моруа³¹ о современном английском романе. Я был очень рад ее прочесть. Писательские отзывы на «Поездку в Индию» [нрзб]

Я прилагаю два моих стихотворения – «Иудей (50 г.)» и «Могилы Эвриона», переведенных Валасопуло и переработанных нами совместно (я прилагаю также греческие оригиналы).

*Всегда Ваш
К. П. Кавафи*

Вест Хакхерст, Абингер
Хаммер, Доркинг
19-1-27

Мой дорогой Кавафи,

152

Я даю рекомендательное письмо к Вам (надеюсь, не зря) молодому человеку, которого едва знаю, но который, несомненно, умен и, по мнению наших общих друзей, весьма приятен. Его зовут Кристофер Скайф¹³², и он едет по каким-то делам, связанным с *Egyptian Gazette*. Он учился в Оксфорде и, кажется, был там председателем Студенческого Союза, что очень почетно для студентов первой степени. Затем он был на Вест-Эндской сцене, не знаю, насколько успешно. Он хорошо образован и умен. По-видимому, он вручит Вам рекомендательное письмо достаточно скоро, ибо он, судя по всему, очень обрадовался, получив его, и я надеюсь, что Ваше здоровье позволит Вам его принять.

У меня все в порядке. Я очень занят подготовкой лекций, которые начинаются на этой неделе, – не помню, говорил ли я Вам, что в этом году я читаю в Кембридже Кларковские лекции. Это достаточно волнующая честь. В качестве темы я выбрал «Аспекты романа»¹³³. Всего будет 8 или 9 лекций. Они будут в Тринити [колледже], а не в университете, и предполагают также какие-то общественные функции, ибо слушатели должны будут платить за вход.

Добре, которого Вы немного знаете, только что отправился в Каир занять тот самый профессорский пост, который освободил Грейвз. Интересно, увидите ли Вы его? Грейвз несет на себе отпечаток гениальности, однако Добре, несомненно, лучше

подходит для этого поста, поскольку он также и ученый. Он изучает драму эпохи Реставрации.

Этим летом я ездил за границу, в Данию и Швецию, где имел большой успех.

Очень надеюсь, что глаза беспокоят Вас меньше. Судя по Вашему почерку, они не вполне в порядке.

Всегда Ваш,
Э. М. Форстер

153

[черновик Кавафиса]

16.2.27

Мой дорогой Форстер,

Я получил Ваше письмо от 19 января [нрзб]

Добре пока не заходил ко мне, хотя Вы и дали ему рекомендательное письмо. Возможно, он еще не был в Александрии. Я попросил у него, и получил, его стихи, которые мне весьма понравились, и я был бы очень рад свести с ним знакомство.

Кристофера Скайфа я еще не видел. Я очень рад, что Вы дали ему рекомендательное письмо ко мне. Я люблю знакомиться с людьми, которых знаете Вы. Фирнесс, как Вам, видимо, известно, сейчас в Каире [нрзб]

[черновик Кавафиса]

13 июня [?] 1929

Мой дорогой Форстер,

Я горячо благодарен Вам за то, что Вы написали обо мне в *Semaine Egyptienne*. Это еще одно

доказательство Вашей дружбы, которую я ценю чрезвычайно высоко. Несмотря на то, что я живу на достаточно большом расстоянии от Англии, до меня доходят вести о Вашем большом и заслуженном литературном успехе, которые чрезвычайно меня радуют. В этом году я слышал замечательный доклад Бонами Добре о Вашей работе. Возможно, Вы скоро увидите Добре в Лондоне. На прошлой неделе он отплыл в Грецию, но его пребывание там должно быть весьма непродолжительным. Надеюсь, Вы видели Фирнесса. Его греческое четверостишие восхитительно. Переводы двух моих стихотворений появились в прошлом году в «Критерионе», доставив мне большое удовольствие. Я бы хотел, чтобы Вы при встрече передали это мистеру Элиоту¹³⁴.

Всегда Ваш

8.7.29

Юнион Касл Лайн
Корабль Лландовери Касл

Мой дорогой Кавафи,

С огромным удовольствием получил Ваше милое письмо. Смогу ли я найти Вас в Египте около 10 или 11 сентября? Если представится возможность, я надеюсь остановиться там на пару дней по пути из Южной Африки, и я бы это сделал с еще большей вероятностью, если бы смог увидеть Вас. Не могли бы Вы написать мне пару строк как можно скорее?

Э. М. Ф.

Британская Ассоциация

Пассажи́р судна «Матиана»
Через «Маккензи Смит и компания»
Момбаса
Британская Восточная Африка

8 августа 1929 г. 155

Мой дорогой Форстер,
Получив вчера Ваше письмо от 8 июля, я почувствовал себя счастливым.

Я не собираюсь отлучаться из Александрии в этом году, так что надеюсь испытать величайшее удовольствие, вновь увидев Вас. С нетерпением жду этого. Пожалуйста, сообщите мне, как только прибудете в Александрию.

Я чрезвычайно обрадован этой новостью.

*Всегда Ваш,
К. П. Кавафи*

Отель Луна Парк, Каир
14-9-1929

Мой дорогой Кавафи,
Все идет хорошо, и если все будет в порядке, пожалуйста, ждите меня у своего порога в 9 часов во вторник. Я получил Ваше письмо в Момбасе. Большое спасибо за него.

*Всегда Ваш,
Э. М. Форстер*

Корабль компании
P.&O.S.N. Наркунда
26-9-29

Мой дорогой Кавафи,

156 Я только что отправил экземпляр *S[emaine]*
E[giptienne] Дженнингсу Брамлису, – я не мог по-
слать его раньше, – а второй уже отдал старому
доктору Грину, [нрзб] египтологу. Когда я показал
ему статью, он крайне заинтересовался и захотел
показать [нрзб] другим археологам в Британском
Музее, которые знают новогреческий. Поэтому я
отдал ему номер.

Жаль, что я был так недолго. Я столько хотел
Вам сказать, в частности, совершенно забыл сооб-
щить, что я написал роман и несколько рассказов,
которые не могут быть опубликованы¹³⁵ и которые
мне бы хотелось Вам показать. Но чтобы увидеть
их, Вы должны приехать в Англию, а Вы никогда
этого не делаете!

Я был восхищен пребыванием в Египте и до-
бротой всех моих друзей и решил приехать еще
раз. Надеюсь, статья в «Тахидромосе» встречена
хорошо. Обычно я отказываюсь давать интервью,
но, конечно, мне хотелось принять участие в чем-
то, связанном с Сингопуло¹³⁶, – он был так добр ко
мне в прошлый раз, – не говоря уже о том, что свя-
зано с Вами.

Я напишу Вам из Англии. Мне совсем несложно
связаться с Т. С. Элиотом, а что касается тех двух
новых переводов, которые Вы мне дали, я попыта-
юсь поместить один из них в «Нэшн». Ваше новое
большое стихотворение очень понравилось мне

и, в Вашем переводе, произвело на меня впечатлени-
е поэтического рассказа (я сказал «в переводе»,
поскольку знаю, что, если бы я мог прочесть его
в оригинале, оно бы произвело на меня впечатле-
ние поэтического стихотворения!)

Я начинаю новый лист бумаги, хотя мне осо-
бенно нечего сказать, кроме того, что я преклоня-
юсь перед Вашими стихами более, чем когда бы то
ни было, и что я был чрезвычайно рад увидеть Вас,
и что здесь очень холодно. Завтра мы будем в Мар-
селе. Я попытаюсь встретиться с моим индийским
другом¹³⁷, который возвращается из Индии, но он
обязательно что-нибудь перепутает.

Уже прозвучал сигнал на обед, так что, хотя
я и не собираюсь переодеваться, но должен, по
крайней мере, умыться, поэтому пока прощаюсь
с Вами.

С горячей любовью и благодарностью от
Э. М. Форстера

Рю Лепсиус, 10,
15 октября 1929.

Дорогой Форстер,

Ваше письмо от 26 сентября, написанное на
борту корабля, доставило мне большое удоволь-
ствие.

Ваш визит был столь коротким, и я рад, что Вы
подумываете о новом посещении Александрии.
Нам удалось провести вместе слишком недолгое
время: наша дружба требует большего. Но, по
крайней мере, за те немногие часы я имел возмож-
ность в полной мере выразить Вам мое восхище-

ние этой прекрасной книгой, «Поездка в Индию», и объяснить причины моего восхищения. С 1924 года они стали моими спутниками: миссис Мур, Филдинг, Азиз, Адела, Хислоп, Мак-Брайд [нрзб]

158

Интервью появилось в «Тахидромосе» от 26 сентября, и мадам Сингопуло сказала мне, что она послала Вам два экземпляра. Она также сказала, что там поместили Ваш портрет работы Ротенштейна¹³⁸, из «График» от 8 ноября 1924 года, поскольку в «Тахидромосе» ей сообщили, что с другого портрета, из «Иллюстрейтед Лондон Ньюс» от 11 октября 1924 года, не получится сделать удовлетворительную копию.

Я в восторге от Вашего намерения поместить в «Нэшн» перевод одного из моих стихотворений и очень рад, что Вам не трудно связаться с Элиотом.

Если увидите Добре, пожалуйста, напомните ему обо мне.

*Всегда Ваш,
К. П. Кавафи*

Вест Хакхерст, Абингер
Хаммер, Доркинг
24-8-30

Мой дорогой Кавафи,

На днях я был в Арле с моим французским переводчиком и другом Шарлем Мороном¹³⁹, и он рассказал мне о надписи [нрзб], которая, по его словам, всегда напоминает ему Ваши стихи, – а он Ваш горячий поклонник. Так что мы отправились

посмотреть на нее, и мне она напомнила то же самое, поэтому я посылаю Вам небольшую монографию, в которой она приводится, хотя мне кажется, что перевод не вполне точен.

Я должен был написать Вам давным-давно, но Вы знаете меня еще дольше, и поэтому можете быть уверены, что никогда не выходите у меня из головы. У меня не так много новостей, касающихся меня самого. Все в порядке; сейчас я занят подготовкой новых лекций для Кембриджа на тему «Творец как критик», [нрзб] и мне бы хотелось придумать что-то новое. Романы и рассказы больше не складываются в моем мозгу, и мне кажется, что в моем возрасте, если этот процесс однажды прекратился, он уже никогда не возобновится.

159

Вулфы ушли из «Нэшн», так что у меня пока не было возможности предложить туда два Ваших стихотворения. Я написал Элиоту и напомнил ему, что у него лежат некоторые Ваши вещи, но не знаю, сделал ли он что-нибудь. Он занятный человек и на днях, непонятно за что, атаковал меня в прессе. Но я его, скорее, люблю.

После того, как я так себя вел, я не смею рассчитывать на скорый ответ, однако если бы позднее Вы написали мне пару строк о себе и своей работе, я был бы весьма признателен. Мне так понравилось в последний раз в Александрии, что у меня есть смутная идея – не знаю, созреет ли она, – снова приехать приблизительно через год¹⁴⁰. Когда увидите Валассопуло, передавайте ему мои горячие приветы, и, пожалуйста, примите то же самое и на свой счет.

*Всегда Ваш,
Э. М. Форстер*

[черновик Кавафиса]

29.8.30

Мой дорогой Форстер,

Я был очень рад получить от Вас письмо – Ваше письмо от 24 августа.

160

С радостью прочел, что Морону нравятся мои стихи.

Конечно же, хоть я и люблю получать от Вас письма, я хорошо знаю, что их отсутствие ни в коей мере не свидетельствует об ослаблении Вашей дружбы [нрзб]

[почтовая марка – Белфаст]

14-5-31

Мой дорогой Кавафи,

Прилагаемое, возможно, заинтересует Вас, так что я пересылаю его Вам, как и предложил автор. Это молодой южноафриканец¹⁴¹, в какой-то мере выучивший новогреческий (из любви к нему) [нрзб] Когда я обнаружил, что он не знаком с Вашей работой, я дал ему второй экземпляр сборника Ваших ранних стихов. Я думаю, что позволю ему оставить его у себя, – он, действительно, хорошо образован, – и непременно дам ему также сборник Ваших поздних стихов.

Роман Пломера «Тарбот Вольф» и его рассказы «Я говорю об Африке» весьма меня заинтересовали. Он с отвращением покинул свою родину

и уехал в Японию, о которой также что-то писал, но этого мне читать не приходилось. Более того, я не видел и его стихотворений, кроме одного, про Улисса, возвращающегося на Корфу, которое мне понравилось. Это большой и славный человек, со сдержанными и четкими манерами, и это странным образом противоречит тому немногому, что я знаю о его жизни. Я думаю, что, если бы Вы ему написали, это доставило бы ему огромное удовольствие.

161

Я и сам собирался писать Вам: Вы часто в моих мыслях, но это Вы знаете. Я должен Вам письмо, и это я знаю. [нрзб] Я только что завершил небольшой фрагмент – всего 6000 слов, но мне нравится. Я пришлю Вам экземпляр, когда он будет напечатан.

Я сейчас в Белфасте [нрзб] поэтому у меня нет с собою Вашего письма, и я не могу с ним свериться. Я буду дома приблизительно через неделю и сразу напишу, дабы рекомендовать Вам молодого человека, который ждет этого с нетерпением.

*Как всегда, всевозможные
наилучшие пожелания
от Э. М. Форстера*

[черновик Кавафиса]

12.1.32

[нрзб] Надеюсь, что у Вас все в порядке, и желаю, чтобы 1932 год был для Вас счастливым
[нрзб]

ПРИЛОЖЕНИЕ II

163

*Эдвард Морган Форстер*¹⁴²

МОХАММАДУ ЭЛЬ АДЛЮ,

*умершему в Мансуре вскоре после 8 мая 1922 года,
в возрасте около двадцати трех лет, от туберкуле-
за; его мать, отец, брат и сын умерли раньше него;
его дочь умерла позже; его вдова, говорят, вновь
вышла замуж;
и моей любви к нему
посвящается.*

5 августа 1922 года

Дорогой Мохаммад,

эта книга – для тебя и для меня. Я бы хотел научиться лучше различать между тобой и мной, но это всегда было для меня нелегко, а теперь тебя здесь нет, и ты не можешь поправить меня, если я представляю тебя не таким, каков ты на самом деле, а таким, каким мне хочется тебя представлять. Я пишу эти строки, думая о тебе и теша себя иллюзией, что ты еще жив и мыслишь. Я притворяюсь, будто ты еще жив, ибо только так могу ду-

мать о тебе как о чем-то реальном, хотя и знаю, что от тебя осталось лишь разлагающееся тело на кладбище в Мансуре. Я пишу для собственного утешения и для того, чтобы вернуть прошлое, а еще потому, что я профессиональный литератор и хочу воздать тебе последние почести, хотя многого ты не поймешь, а кое с чем не согласился бы. Эту книгу могут увидеть и другие, либо случайно, либо я сам покажу им, но это ничего не меняет: она лишь для тебя и для меня.

Мы приехали в Александрию одновременно¹⁴³, но это было за два года до начала нашей дружбы. Я впервые заметил тебя весной 1916 года, когда мы с Фирнессом стояли на Абу эль Наватир. Ты ехал в трамвае, шедшем в сторону Багоса, с голубой табличкой. Я увидел тебя снизу, с мостовой, и подумал: «красивый». Утро было свежим и солнечным. Позднее по утрам в тот же час я пытался увидеть тебя – иногда успешно, – но все это было еще крайне неотчетливо. Ты был единственным кондуктором, который, протискиваясь между пассажирами, не наступал им на ноги. Однажды мы с Фирнессом наблюдали, как ты весело беседуешь с каким-то солдатом, а когда он выходил на остановке, вы в знак прощания по очереди прикоснулись к одной из пуговиц на его гимнастерке. Нам это показалось очаровательным, и мы улыбнулись. «В этом парне есть какая-то негритянская кровь», – заметил Фирнесс.

Однажды холодной зимней ночью – я жил тогда у Ирене на Саба Паша, – я один возвращался в трамвае; на подножке был ты и два других кондуктора. Ты попросил меня привстать, поскольку твое огромное пальто оказалось под моим сиденьем.

Это были первые твои слова, обращенные ко мне, и первые, произнесенные по-английски, но я не могу их вспомнить. Ты был мил и вежлив, я сказал: «да, холодно», – и мы улыбнулись. С тех пор ты полуприветствовал меня, когда твой трамвай подъезжал к остановке, и я отвечал тем же. Мы отличали друг друга от остальных. Не более того.

В марте 1917 года ты сказал: «Вы не должны платить», – потому что тебе понравилось, как я однажды поблагодарил тебя. – «Ты говоришь по-английски». – «Немного. Практика помогает». – «Я бы хотел выучить арабский». – «Зачем?» – «Чтобы читать "Тысячу и одну ночь"». – «О, их автор был знаменитый философ». Таким был наш первый разговор.

Потом Ирене переехала на Кам де Сезар, и зачастую, возвращаясь поздно вечером в эту спокойную и унылую квартиру, я спрашивал себя: «Неужели так будет всегда?» Однако, когда я видел тебя, я понимал, что это не так, и решил ничего не бояться, пока не буду к этому вынужден. Я часто ждал на остановке по три четверти часа, пока не подходил твой вагон, и я видел твою голову, склонившуюся под тяжестью путевой книги, которую ты нес в контору, твой номер, 86, на небольшой овальной бело-синей бляхе, твою униформу цвета хаки и темно-красный тюрбан. Ты говорил мне «второй вагон» или какой он там был, ибо понял, что я жду тебя, а затем стал сообщать мне свое расписание, как только узнавал его.

Мохаммад, я пытаюсь сохранить все это реальным, но собственные слова мне мешают, а ты разложился уже до неузнаваемости – шесть месяцев, как мертв. Я не думаю об этом, но боюсь, что ты становишься нереальным, и мне начинает казаться, что все наши беседы и редкие ночи, про-

веденные в одной постели, – что все это было не с нами, а с кем-то другим. Поэтому я не могу писать это письмо к тебе слишком долго. Это лишь слабая попытка, ибо ты уже даже не дух, а я только пробуждаю свои воспоминания. Мой дорогой мальчик, я хочу, чтобы это была память о тебе, не запачканная мною. Я не хочу болтать об идеальной любви, а просто хочу писать тебе, как будто ты жив. Поэтому иногда я думаю о том, как ты разлагаешься в могиле. Это реально, это происходит сейчас, и это возвращает меня к тебе – реальному. В те последние мгновения, когда мы были вместе, в поезде в Каире, ты ласково подтолкнул меня правым локтем. Но когда мы вышли из поезда попрощаться на платформе, и я попросил тебя снять очки, потому что без них ты казался мне красивее, ты раздраженно отказался. Мне хочется вспоминать не только, как ты подтолкнул меня локтем, но и этот твой отказ. Когда поезд тронулся, ты не взглянул на меня в последний раз, а отвернулся к какому-то знакомому египтянину. Если я забуду хоть что-то, мне не удастся воссоздать тебя настоящего. – Спокойной ночи, мой дорогой мальчик. Уже за полночь, и мне пора спать.

Я должен описать первый вечер, который мы провели вместе, – то, что ему предшествовало, может подождать. Мы стояли рядом на Мазарите, не узнавая друг друга, поскольку оба были без формы. Потом я понял, что тихий симпатичный паренек в темном пальто, белых фланелевых брюках и спортивных туфлях – это ты. «Пойдем в парк Чатби – я его так называю, поскольку он рядом с Чатби. Я его так назвал, может быть, на самом деле, он называется иначе. Я всегда всему даю имена». На холме ты рассердился на меня за то, что я при-

нес пирожные. Я очень долго не мог понять природу твоей гордости. «Мне не нужны пирожные. Сколько ты за них заплатил?» – «Не помню». – «Не помнишь? Сколько лет назад ты их купил?» Кроме всего прочего, ты боялся, что я мог что-нибудь в них подсыпать, потому что мать всегда предупреждала тебя опасаться чужих. «В следующий раз ты захочешь, чтобы я потратил столько же». – «Но у друзей все общее, как говорит греческая пословица». Ты отреагировал на это довольно цинично. Потом, однако, пока мы сидели, ты сказал что-то о «джентльмене» и «даже сыне мясника», – я точно не помню, но это так, – и добавил: «я еще только мальчик», – серьезно и гордо. Я назвал тебя «джентльбоем», и ты улыбнулся.

167

Вот уже почти год прошел с даты, стоящей в начале этого письма, которому никогда не суждено быть завершенным в изначально задуманном виде. Я написал благодаря тебе рассказ и посвятил тебе книгу¹⁴⁴ – и это более реально, чем все прямые обращения к тебе. Мохаммад, – я впервые осознал твою смерть на дюнах острова Уайт. Это ничего не значит и не вызывает во мне никаких эмоций, потому что ты мертв, Мохаммад, а Морган жив, и в каждой написанной строке думает больше о себе, нежели о тебе. Ты звал меня по имени на станции Бибит эль Хагар, после того как мы видели тот разрушенный замок в паре миль от нее, которого, казалось, не видел дотолем никто, кроме нас. Было темно, и я слышал, как кричит египтянин, потерявший друга: Марган, Марган, – звал ты меня, и я чувствовал, что мы принадлежим друг другу, и что, благодаря тебе, я и сам стал египтянином. Когда я сегодня взываю к тебе на этих дюнах, я не могу тебя оживить и не могу принадлежать тебе,

поскольку тебе теперь ничего не принадлежит. И даже когда я умру, я все равно не буду принадлежать тебе – я просто стану как ты. Но я все время помню твои слова о том, что мы увидимся снова, – ты написал это в одном из последних писем, – и поэтому мне легче притворяться, будто ты сможешь прочесть эти строки. Я просто должен говорить тебе то, что приходит в голову.

168 Как ты был красив, когда мы возвращались из Вади Хоф, около Хелуана, – в нашу последнюю поездку¹⁴⁵. Мы не думали, что у тебя хватит сил проделать весь этот путь, но ты выдержал. Мы ехали назад, перед нами на противоположном берегу Нила возвышалась пирамида Джосера, солнце светило в глаза. Я посмотрел сбоку на твое лицо и увидел, что скачка наполняет тебя весельем и счастьем. И я знал, что ты сбежал ненадолго от своей болезни. Я смотрел на тебя справа, и ты был очень красив: я помню, как ты улыбался за несколько лет до этого, когда вернулся из Кантары в отпуск¹⁴⁶, и я раньше, чем ты, увидел на главной улице Багоса твоего друга Абдул Хамида. В тот самый день была сделана фотография, которая сейчас висит у меня в комнате, – ты был тогда в расцвете своей красоты. Через несколько минут мы уже сидели в маленькой комнате Абдул Хамида напротив твоего жалкого дома, и ты улыбался, наклонившись вперед и беседуя с ним. Я помню три случая, когда красота и очарование твоей улыбки потрясли меня, и мне не хотелось вмешиваться с разговорами, а просто смотреть на тебя. Ты ничего не говорил, возвращаясь из Вади Хоф, а просто весело ехал на своем ишачке, трусившем в Хелуан. Февраль 1922 года. Ты умер через три месяца. Прощай, Мохаммад, никто не сравнится с тобой, несмотря на смерть. Прощай навеки, друг мой, хоть ты и говоришь, что

мы снова встретимся. Любая ошибка моего мозга могла бы исказить твой облик, но так не будет, ибо, если ты и прав, то не совсем: пока я жив, я не могу узнать ничего о том, что с тобою сейчас. Прощай, Мохаммад, я уважаю твою волю, я рад, что тебя похоронили твои соплеменники. Интересно, кто там был, прочитал ли кто-нибудь молитвы (я помню, как ты платил, чтобы помолились за твоего отца; когда я был у тебя в Мансуре, приходил человек и читал, формально и спокойно¹⁴⁷)?

169

Слова мешают мне, ибо мне случалось использовать их для такого количества других вещей. Они отдаляют меня от человека, которому я хочу воздать должное. Голова моя тоже устала. «Я никогда бы не узнал, что англичанин может быть таким, если бы не встретил тебя», – сказал ты в Хелуане. Я записываю подобные вещи перед тем, как пойти спать.

Сегодня я должен написать о плотской стороне, даже если потом мне придется вырвать эту страницу. Видимо, моя любовь к тебе всегда включала и это, но ведь оно появляется и исчезает с такой легкостью! Оно нахлынуло невыносимо, когда ты впервые согласился встретиться со мной. Я выскочил из трамвая на Сиди Джабер и помчался домой сквозь тьму. Во время двух наших первых встреч оно исчезло – по крайней мере, с моей стороны. Я был просто очарован твоим характером и беседами с тобою. Я сидел на твоей кровати, а между нами лежала еда. Я заметил, что, когда мы встречаемся, ты всегда пару минут держишь руки в карманах, но не обратил внимания. Ласки начались лишь во время нашей третьей встречи. Это было у меня в комнате – ты тогда пришел туда впервые. Мы, кажется, игра-

ли в шахматы. Потом мы полулежали на моем красном покрывале, я – ближе к стене. Я прикоснулся к твоему колену – ты наклонился ко мне. Я прикоснулся к твоим волосам. Ты сказал: «Они короткие, но курчавые», – дотронулся до моих, и сказал: «Красивые волосы». Моя голова уткнулась в подушку позади твоей, твоя левая рука осталась под ней. Потом был первый поцелуй, и именно то, что твоя рука была у меня под головой, сделало его для меня настолько ярким. Остаток вечера, однако, был испорчен. Увидев, что ткань на твоих брюках вздыбилась, я расстегнул их, и свои тоже, но сначала спросил: «Ты меня любишь?» Видимо, это тебя смутило, ибо ты спросил: «Что ты имеешь в виду?», а потом хмыкнул, увидев мое состояние, хотя и сам был в таком же. Что-то стало тебя раздражать. Когда я снова прикоснулся к тебе, ты стал сопротивляться и поранил мне руку. Однако ты не ушел с кровати и позволил мне придвинуться ближе, но тут я случайно оцарапал твое лицо. Это отрезвило нас. Мы пошли к умывальнику и остановили кровь. Я думал, что ты суеверен и запишешь на мой счет, что я поранил тебя, однако на следующий день в трамвае мы смеялись над этим, и, выходя на Мустафе, я показал свою руку, а ты – свой глаз. Я был смущен всем этим и до сих пор не вполне понимаю, но, может быть, твое объяснение было верным: «Мой чертов хрен всегда встает, с кем бы то ни было, это еще ничего не значит». Может быть, это объяснялось просто твоими дружескими чувствами и желанием быть добрым ко мне. Когда человек тебе интересен и ты чувствуешь взаимность с его стороны, ты хочешь идти дальше, но лишь тогда. Быть может, поэтому в отношениях с тобой плоть никогда не имела для меня решающего значения. Я отчетливее помню,

как ты тогда погладил меня по волосам. Ласки твоих сильных рук, обвивающих мое тело, когда ты спишь; внезапный и сильный поцелуй, когда я попросил тебя о нем; те несколько раз, когда я ласкал твои бедра. Каждый раз ты позволял мне это лишь после резких возражений, развязывал свои льняные панталоны и немного откидывался назад. Мы сидели в темноте недалеко от Порт-Саида весной 1921 года, когда я был на пути в Индию⁷. Тогда в последний раз ты был еще крепок. Я не видел тебя два года и наслаждался, вновь прикасаясь к твоей упругой плоти. Ты сказал: «глупости». Я ответил: «У каждого свои глупости. У меня – такие». В Индии я думал и об этом (хотя это всегда оставалось лишь малой частью моих мыслей о тебе) и пообещал себе, что на обратном пути уговорю тебя войти в меня сзади, как бы это ни было больно, пусть даже ты перестанешь меня уважать. Но когда я возвращался, ты был уже бессилён. Твоя болезнь прогрессировала. Мне удалось чего-то добиться в твоей постели в Хелуане, когда ты думал о женщине. Мы пытались вернуть твою утраченную силу. После моего отъезда ты по моему совету еще раз попробовал с Джамилей¹⁴⁹ и добился успеха, быть может, приблизив тем самым свою смерть. Что ж. Ты получил удовольствие, а именно этого я и хотел. А еще немного продлевать твою жизнь уже не было смысла.

Прошли еще месяцы после того, как я написал это. Ты становишься все туманнее. Я знал, что это случится, и что мне никогда не удастся описать каждое мгновение наших отношений, как я надеялся. Я был влюблен в тебя, но влюбленность затуманивается. Ты уменьшаешься, становясь лишь частью моего прошлого, и скоро исчезнешь

совсем, если мне не удастся иногда оживлять тебя во сне. Даже твоя жалкая хижина теперь более реальна, чем ты, ибо она, видимо, по-прежнему стоит на своем месте, и я хочу навестить ее когда-нибудь в надежде еще раз оживить воспоминания о тебе. Однако в моей жизни никогда не будет ничего, что бы сравнилось с тобой. В этом смысле я никогда тебя не забуду, не стоит обманываться.

172

Сегодня вечером я должен завершить это письмо. Вот уже более семи лет, как оно было начато, и пришло время поставить точку. Я обещал тебе, что никогда не приеду в Египет после твоей смерти. Ты, однако, не проявил к этому никакого интереса, поэтому я нарушил свое обещание и вместе с Флоренс¹⁵⁰ пошел к твоей хижине. Она все еще стоит, хотя вокруг все перестроено, и еще (я этого не помнил) в саду за ней растет большое цветущее дерево – светло-красное. Я рад, что снова побывал в Александрии, я был счастлив там и часто думал о тебе, чего теперь порою не случается месяцами, даже когда я надеваю твое кольцо¹⁵¹. Ты потонул в великой страсти – я знал, что это случится, но ты по-прежнему олицетворяешь для меня египтян. Когда я оглядываюсь назад, мне кажется, что ты не был слишком сильно ко мне привязан: сначала ты был лишь заинтересован и польщен, позднее благодарен – вот и все. Но если я не прав, и если любовники действительно могут встретиться после смерти и снова любить друг друга, позови меня, и я приду. Мне уже почти 51, мне никогда не полюбить никого так, как тебя, и если действительно существует личное бессмертие, и если эта вечность может быть приятна, то я бы хотел разделить ее с тобой. Однако у меня никогда не было ощущения, что она существует, или что ты ждешь

меня там, да и чем дальше, тем меньше я нуждаюсь в любви – меня волнуют теперь лишь похоть и дружба, желательно (но не обязательно) направленные на одного и того же человека. Такая случайность слишком маловероятна: я по-прежнему способен писать «ты» вместо «он». Завтра я стану думать о тебе как о мертвом. Наверно, завтра я надену твое кольцо. Я действительно любил тебя и, если любовь вечна, я могу начать заново. Лишь позови меня. С тех пор со мной так много произошло, что я могу не узнать тебя, и я почти уверен, что не буду думать о тебе перед смертью. Теперь я знаю, что так и должно было быть с самого начала, но если я был так счастлив в Египте, то лишь благодаря тебе.

173

Мохаммад эль Адль – любовь моя

Морган
27 декабря 1929 года

1 Гермесу душеводителю (греч.). Под Гермесом душеводителем (Гермесом Психопомпом) автор подразумевает своего покойного возлюбленного Мохаммада эль Адля (см. предисловие и приложение 2).

2 Канопским устьем называлось по городу Канопу (или Канобу), расположенному примерно в двадцати километрах от Александрии и служившему для ее жителей местом отдыха и развлечений. Оно же – Гераклово устье (по находившемуся поблизости храму Геракла).

3 Имеется в виду Первая мировая война. Форстер отказался от военной службы в пользу альтернативной, и, как волонтер Красного Креста, был отправлен в Александрию.

4 Гефестион, ближайший друг и соратник Александра Македонского, умер в 324 г. до н.э., когда армия Александра стояла на зимовке в Мидии, в Экбатане. Александр был потрясен его смертью, отменил все проходившие тогда празднества, велел казнить врача, лечившего Гефестиона, и перевез тело друга в Вавилон, где его предали сожжению с большими почестями.

5 Птолемей II Филадельф (309 – 246 г. до н. э.) – царь Египта с 283 г. до н. э.

6 Скромные по сравнению с громами и молниями, сопровождавшими дарование Моисею десяти заповедей.

7 Второканоническая книга Ветхого Завета.

8 Прем. 2:6-9.

9 Прем. 2:21-23.

10 Сострат Книдский (первая половина III в. до н. э.) – архитектор, построивший, кроме Фароса, еще ряд зданий в Александрии, Дельфах и др. Выполнял также дипломатические поручения Птолемеев.

11 Птолемей I Сотер (367 – 383 до н. э.) – один из диадохов Александра Македонского, правитель эллинистического Египта после смерти Александра, с 323 г. до н. э., царь с 305 г. до н. э.

12 Аристарх Самосский (ок. 310 – 230 до н.э.) – древнегреческий астроном, математик и философ, предложивший гелиоцентрическую систему мира и придумавший математический метод для определения размеров небесных светил и расстояний до них.

13 Эратосфен Киренский (276 – 194 до н.э.) – александрийский платоник. Математик, астроном, географ. Глава Александрийской библиотеки.

14 Аполлоний Пергский (262 – 190 до н.э.) – античный геометр, впервые описавший важнейшие математические кривые – эллипс, параболу и гиперболу – в сочинении «Конические сечения». В новое время изданием этого труда занимался Эдмонд Галлей, а внимательными читателями были Декарт и Ньютон.

15 Иглами Клеопатры называют три покрытые иероглифами обелиска, перенесенные из Египта в Париж, Лондон и Нью-Йорк в XIX в. Никакой связи с Клеопатрой они не имеют – к моменту ее рождения этим обелискам было уже больше тысячи лет; название придумали в Европе. Парижский обелиск был установлен на площади Согласия в 1833 г. Он происходит из Луксора – парная ему стелла до сих пор там и остается. Лондонская игла стоит на набережной Виктории с 1878 г. У ее основания сидят два сфинкса. У основания Нью-Йоркской иглы, установленной в Центральном парке в 1881 г., лежат два медных краба. Они, очевидно, должны ее поддерживать, но кажутся придавленными ею. Лондонский и нью-йоркский обелиски составляют пару. Изначально они были воздвигнуты в Гелиополисе по приказу фараона Тутмоса III (ок. 1450 г. до н.э.), но в 12 г. до н. э. римляне перенесли их в Александрию и установили перед Цезареумом – храмом, построенным Клеопатрой в честь Марка Антония. Впрочем, через некоторое время оба обелиска упали, и остались погребенными в песках до начала XIX в., что и объясняет хорошую сохранность выбитых на них иероглифов.

16 Колонна Помпея – триумфальный столп в Александрии времен римского владычества. Массивная коринфская колонна из асуанского

гранита высотой около 25 метров. К Гнею Помпею она, разумеется, никакого отношения не имеет, и поставлена была в 297 г. н.э. в честь подавления императором Диоклетианом восстания александрийцев.

178

17 Ибн Дукмак (1349 – 1406) – историк, автор истории Египта и большой работы о городах исламского мира, пятый том которой посвящен Александрии.

18 До наших дней в руинированном виде Кайт-Бей, конечно же, не достоял. Его масштабная реставрация и музеефикация началась еще в 1984 г., задолго до туристического бума.

19 Бичамп Сеймур, барон Эльсестер (1821 – 1895) – британский адмирал, в 1880-1883 гг. командующий Средиземноморским флотом, осуществившим бомбардировку Александрии.

20 Бомбардировка Александрии была первым этапом англо-египетской войны, начавшейся с борьбы за контроль над Суэцким каналом (откуда восставшие египетские офицеры хотели изгнать англичан) и закончившейся британской оккупацией Египта и последующим превращением его (в 1914 г.) в один из протекторатов Великобритании.

21 В Трое Александр принес жертву Приаму, которого, по преданию, македонский царь умолял не гневаться на своих предков, осаждавших некогда Трою (Александр считал себя по матери потомком Неоптолема, убийцы Приама). На могилу Ахилла Александр возложил золотой ве-

нок, после чего обежал ее с товарищами, в то время как Гефестион проделал то же самое на могиле Патрокла.

22 Уолтер Сэведж Лэндор (1775 – 1864) – английский поэт и прозаик, автор многочисленных «Выдуманных разговоров», в том числе «Выдуманных разговоров греков и римлян». В разговоре «Александра Великого и жреца Аммона» Александр пытается убедить жреца в своем божественном происхождении, сообщая, что отцом его был не Филипп, а Юпитер, снизошедший к его матери в образе змея-дракона, и тогда жрец предлагает Александру, как подобает царю земному, взять в жены его божественную сестру – огромную змею. Александр спасается бегством, твердо пообещав жрецу не насаждать в Египте греческой религии.

179

23 В битве при Рафии (217 г. до н.э.) селевкидский царь Антиох III Великий потерпел поражение и вынужден был заключить мир с правителем Египта Птолемеем IV Филопатором.

24 Птолемей V Эпифан (ок. 210 – 180 до н. э.) – царь Египта с 204 г. до н. э., сын Птолемея IV Филопатора (правил в 221 – 204 гг. до н. э.) и его жены и сестры Арсиной III.

25 Филон Александрийский (ок. 25 до н. э. – ок. 50 н. э.) – еврейский эллинистический богослов и мыслитель, впервые попытавшийся объединить догматы иудаизма с греческой философией. Посольство к Калигуле имело место в 38 – 40 гг.

26 Гай Цезарь Август Германик Калигула (12 – 41) – римский император с 37 г.

27 Филон Александрийский. О посольстве к Гаю, 22. Пер. О.Л. Левинской.

28 Амр ибн аль-Ас (573 – 664) – арабский военачальник, руководивший завоеванием Египта в 640 г.

180 29 Климент Александрийский (ок. 150 – ок. 215) – христианский богослов, основоположник александрийской богословской школы.

30 Исх. 3:14.

31 Чихающий Аполлон – неточность Форстера. У Климента в главе второй «Увещевания к язычникам» высмеиваются зевающий Аполлон и Аполлон пьянствующий (такие изображения бога упоминают, по сведениям Климента, платоник Полемон и Элий). Далее Климент ссылается на Сосибия, который рассказывает, будто в Лаконике есть жертвенник Артемиды-Подагры, и далее добавляет от себя, что аргивяне и спартанцы поклоняются Артемиде-Келюте, то есть кашляющей Артемиде.

32 Св. Симеон Столпник (ок. 390 – 459), по преданию, провел 37 лет в посте и молитве на столпе (то есть на небольшой каменной площадке на вершине башни), при этом как минимум год он простоял там на одной ноге. Св. Рох (ок. 1295 – 1327) исцелял чумных молитвой и крестным знаменем, после чего заразился сам, однако вскоре чудесным образом поправился после того, как собака принесла ему хлеба. Св. Фина (1238 – 1253), смертельно заболев, пережила смерть обоих родителей. Когда ее мать упала с лестницы, возвращаясь домой из церкви, Фина поняла, что это

дело рук дьявола, однако не заплакала, а возблагодарила бога за то, что он дал матери умереть.

33 Имеется в виду, очевидно, следующий пассаж из «Увещевания к язычникам»: «Посмотрите на идолослужителей с грязными волосами, в оскорбительно испачканной и порванной одежде, не ведающих, что значит мыться, длиной ногтей уподобившихся зверям <...>. Мне кажется, что эти люди оплакивают богов, а не поклоняются им, испытывая по отношению к ним нечто подобное скорее жалости, чем почитанию» (пер. с древнегреч. А. Братухина).

181

34 Климент Александрийский. «Увещевание к язычникам». Пер. с древнегреч. А. Братухина.

35 Там же.

36 Ориген (185 – 254) восстал против секса не столько теоретически, сколько практически: решив воплотить в жизнь слова спасителя «Есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного» (Матфей, 19:12), он оскотил себя.

37 В 202 г. римский император Септимий Север начал гонения на христиан, Климент вынужден был покинуть Александрию и перебрался в Палестину.

38 Афанасий Великий (ок. 298 – 371) – архиепископ Александрийский в 326 – 336, 337 – 339, 346 – 356, 362, 364 – 365, с 366 г.

39 Александр (ум. 326) – епископ Александрийский с 313 г.

40 Аниан Александрийский (ум. ок. 82 – 86) – александрийский сапожник, починивший, по легенде, сандалию апостолу Марку и обратившийся после этого в христианство. Евангелист рукоположил его в епископы, а потом сделал своим преемником.

41 Феона (ум. 300) – епископ Александрийский с 282 г.

182

42 Арий (ок. 256 – 336) – александрийский священник, основоположник арианства, провозглашавшего сотворенную природу Иисуса.

43 Имя Мелетия (ум. после 325), епископа Ликополиса (как назывался тогда Ассиунт), связано с одной из раннехристианских схизм, теологический смысл которой сейчас не вполне ясен. Мелетий приобрел известность в период преследования христиан императором Диоклетианом. Он проявил беспрецедентную строгость к христианам, официально отказавшимся от веры, не допуская их до приобщения святых тайн. Позже Мелетий стал самостоятельно рукополагать в духовный сан (в том числе людей, не принадлежащих к его епархии), что вызвало особенное возмущение александрийского епископа. Примирение с Мелетием было достигнуто на Никейском соборе, однако позже его последователи присоединились к арианам. Форстер называет Мелетия иудействующим, вероятно, за его приверженность букве библейского закона и нежелание воспринимать официальное отречение от веры как чистую формальность.

44 Константин I Великий (272 – 337) – римский император с 306 г.

45 Первый Никейский собор – первый в истории христианства Вселенский собор, состоялся в Никее (ныне Изник в Турции) в июне 325 г. Определил основные догматы христианства.

46 Юлиан Отступник (331/332 – 363) – римский император с 361 г.

47 *Symbolum Quicumque*, который традиция приписывает Афанасию Великому, на самом деле был составлен в начале V в., то есть уже после смерти Афанасия, и к тому же не на греческом, а на латыни. Среди наиболее вероятных авторов этого символа чаще всего называют Амвросия Медиоланского и Августина. Содержит опровержение многих ересей, в том числе арианства. В его текст входит филиокве, поэтому в православном богослужении афанасьевский символ не используется.

183

48 Унитариянство – ветвь протестантизма, отрицающая догмат о Святой Троице, полностью отделяя Бога-отца от человека-Христа. Сформировалась в конце XVIII в. в Англии и Америке.

49 Протерий (убит 457) – патриарх Александрии с 451 г. (после Халкидонского собора).

50 Тимофей II Элур (ум. 477) – монофизит, патриарх Александрии в 457 – 460 и с 475 г. Низложенный императором Львом I, был сослан в Херсонес Таврический, позже восстановлен на патриаршем престоле императором Василиском. Император Зенон собирался вновь низложить Тимофея, но тот умер.

51 Мелькиты – сирийские и египетские христиане, принявшие постановления Халкидонского собора 451 г., осудившего ересь Евтихия – монофизитство.

52 Гностики, рано обособившиеся от христианства.

184 53 Последователи христологического учения Нестория, архиепископа Константинопольского, осужденного как ересь на Эфесском соборе в 431 г., которое признавало неслиянную соединенность во Христе природ – божественной и человеческой; осуждено после утверждения, что Деву Марию нельзя называть Богородицей, поскольку рождение от Марии имеет отношение только к человеческой ипостаси Иисуса.

54 Донатизм – религиозно-политическое движение, сформировавшееся под влиянием гонений на христиан в правление императора Диоклетиана, когда церковь переориентировалась на тесный контакт с государством и стала терпимее относиться к отступникам. Донатисты, получившие свое имя от епископа Нумидийского Доната, требовали от церкви абсолютной чистоты, исповедовали культ мучеников и не признавали многих запятнавших себя священников. В 348 г. Донат был низложен императором Константом, изгнан и умер в ссылке. Донатизм был осужден на специальном Соборе в Карфагене в 411 г., а в 415 г. полностью запрещен.

55 Манихейство – синкретическое религиозное учение о борьбе добра и зла, основателем которого был перс Мани (216 – 273).

56 Тимофей III Салофакиол (ум. 482) – патриарх Александрии в 460 – 475 и с 477 г., при императоре Василиске был низложен и сослан. Прозвище *Σαλοφακιολος* – эллинизированное латинское, не вполне ясной этимологии; предположительно означает «носитель белого головного убора» и представляет собой контаминацию из коптского и латинского слов.

57 Эллинистический бог, почитавшийся в Птолемеевском Египте.

185

58 Лев I Макелла (ок. 401 – 474) – византийский император с 457 г.

59 Василиск (ум. 476) – византийский император в 475 – 476 гг., брат императрицы Верины, жены Льва I. Низложил императора Зенона, но через полтора года потерпел от него поражение, был свергнут и умер в заключении.

60 Зенон (ок. 435 – 491) – византийский император в 474 – 475 и с 476 г., муж Ариадны, дочери Льва I. Первоначально (в 474 г.) – соправитель своего малолетнего сына Льва II, после его смерти правил единолично. Был свергнут Василиском, но затем одержал над ним верх.

61 Пер. Г. Шмакова под ред. И. Бродского. Ср. перевод С. Ильинской:

Когда внезапно в час глубокой ночи
услышишь за окном оркестр незримый
(божественную музыку и голоса) –
судьбу, которая к тебе переменилась,
дела, которые не удались, мечты,
которые обманом обернулись,

оплакивать не вздумай понапрасну.
Давно готовый ко всему, отважный,
прощайся с Александрией, она уходит.
И главное – не обманись, не убеди
себя, что это сон, ошибка слуха,
к пустым надеждам зря не снисходи.
Давно готовый ко всему, отважный,
ты, удостоившийся города такого,
к окну уверенно и твердо подойди
и вслушайся с волнением, однако
без жалоб и без мелочных обид
в волшебную мелодию оркестра,
внемли и наслаждайся каждым звуком,
прощаясь с Александрией, которую теряешь.

62 Фэй Элиза (1756 – 1816) – английская путешественница, чьи «Подлинные письма из Индии», опубликованные в Калькутте в 1817 г., Форстер переиздал в 1925 г.

63 Каллимах (310 – 240 до н. э.) – древнегреческий поэт и ученый, возглавлял Александрийскую библиотеку.

64 Септастадион – дамба, соединявшая Фарос с берегом; построена Александром Великим.

65 То есть не к I в. до н.э., а к III в.н.э.

66 Западный рукав дельты Нила, на котором стоит город Розетта.

67 Имеется в виду построенный в 1885 г. выставочный зал «Олимпия» в Западном Кенсингтоне, где первоначально располагалась Национальная сельскохозяйственная выставка.

68 Крик хлопка (фр.)

69 Форстер был в Лахоре (ныне на территории Пакистана) во время первого путешествия в Индию, в ноябре 1912 г. Его проводником (в том числе, и в опиумный притон) был миссионер Джордж Дуглас Тернер.

70 Жорж Эжен Осман (1809 – 1891) – французский чиновник, префект департамента Сена, усилиями которого средневековый Париж превратился в современную столицу с широкими бульварами.

187

71 Ахилл Татий жил в Александрии во II в. и написал любовный роман «Левкиппа и Клитофонт». Единственный источник сведений о нем – статья в словаре Суды, где его авторству приписывается еще несколько произведений и сообщается, что он стал впоследствии христианином и даже епископом.

72 Св. великомученик Мина Котуанский – египтянин, обезглавленный в наказание за упорство в вере около 300 г.

73 Главный герой романа Ж.-К. Гюисманса «Наоборот» (1884 г.), эксцентричный аристократ, который в определенный момент стал коллекционировать живые цветы, похожие на искусственные.

74 Алексей I Комнин (1056/1057 – 1118) – византийский император с 1081 г.

75 Джордж Элиот (настоящее имя – Мэри Энн Эванс, 1819 – 1880) – английская писательница.

76 «Новая жизнь» (греч.)

77 «Море утром». Пер. Ю. Мориц.

78 Начальная строка стихотворения английского поэта Эдварда Дайера (1543 – 1607).

79 Пер. Е. Смагиной.

80 Пер. Г. Шмакова под ред. И. Бродского.

188

81 Мануэль I Комнин (1118 – 1180) – византийский император с 1143 г.

82 Флавий Филострат Старший (170 – 247) – афинский писатель, автор романизированной биографии неопифагорейца Аполлония Тианского (I в. н. э.), в которой создан образ философа-чудотворца, неоднократно использованный позднейшими языческими авторами в борьбе с христианством. Кавафис позаимствовал у Филострата название стихотворения «Если вправду умер», герой которого, александрийский язычник VI в., надеется на воскресение Аполлония.

83 Лукиан из Самосаты (ок. 117 – ок. 190) – греческий писатель-сатирик. Из его диалога «Сновидение, или Жизнь Лукиана» Кавафис позаимствовал название стихотворения «Вот он», герой которого, неизвестный литератор, утешается надеждой на судьбу, которую описала Лукиану явившаяся к нему во сне Образованность: «Тебя будут чтить и хвалить, ты станешь знаменит среди лучших людей... каждый, кто увидит тебя, толкнет своего соседа и скажет «вот он», показывая на тебя пальцем».

84 Третье – на стр. 67 ПЕРЕД НАЧАЛОМ РАЗДЕЛА «ФАРИЛЛОН» (примечание автора)

85 Пер. С. Ильинской. Действие стихотворения разворачивается в 34 г. до н. э., когда правитель восточной части римской державы Марк Антоний раздает своей возлюбленной, египетской царице Клеопатре, и ее сыновьям огромные владения.

86 «В месяце атире». Пер. Е. Солоновича.

87 Элефтериос Венизелос (1864 – 1936) – лидер греческих либералов, в 1910 – 1933 гг. - неоднократно премьер-министр.

88 Протей сулит Менелая попасть на Острова блаженных, «ибо супруг ты Елены и затем приходишься Зевсу» (Одиссея, 569).

89 Перевод сделан по рукописям из архива Э. М. Форстера, хранящимся в Кингс Колледже, Кембридж, благодаря любезности ректора и сотрудников Кингс Колледжа. Перевод ранее был опубликован в журнале «Солнечное сплетение», Иерусалим, № 14-15, 2000, с. 152-176, и в книге «Константинос Кавафис. Проза», Москва, Итака, 2003, с. 283 – 345 (до этого публиковались только письма, отмеченные звездочками).

90 В тексте мы употребляем английский вариант фамилии поэта (С. Р. Cavafy); прочие греческие имена и названия также воспроизводятся в их английской версии. Пояснения в квадратных скобках принадлежат переводчику.

91 Йоргис Валасопулос (1890 – 1972) – александрийский юрист, получивший степень в Кингс Колледже, Кембридж; друг и переводчик Кавафиса.

92 В санаторий, в котором Форстер работал.

190 93 ‘The Poetry of C. P. Cavafy’, *The Athenaeum*, 25.04.1919, pp. 247-248. Там же было напечатано стихотворение «Бог покидает Антония» (р. 248), а тремя неделями раньше – «Город» (*The Athenaeum*, 5.04.1919, p. 246).

94 В публикации последние две строки стихотворения «Александрийские цари» были по ошибке помещены между двумя строфами стихотворения «Море утром».

95 Письмо Форстера и Валасопулоса с сообщением об опечатке, в котором приводится полный текст обоих переводов, опубликовано в «Атенеуме» 9 мая 1919 г., с. 311.

96 Сэр Роберт Алласон Фирнесс (1883 – 1954) был британским чиновником в Александрии с 1906 г.; друг Форстера и Кавафиса.

97 Аида Борхгревинк – друг Форстера, американка по происхождению, вдова норвежского судьи.

98 Филолог Бонами Добре (1891 – 1974) был профессором английской литературы Египетского университета в Каире в 1926 – 1929 гг.

99 Одно из них – *Che fece... il gran rifiuto*.

100 Эрнест Алтунян (1889 – 1962) – врач и поэт-любитель, участник Первой мировой войны на Ближнем Востоке.

101 Джордж Антониус (1891 – 1942) – арабский общественный деятель и ученый.

102 *Остров Юпитера – Крит – лежит
среди широкого моря (лат.)* (Вергилий, «Энеида», III, 104; перевод С. Ошерова).

191

103 С апреля 1921 г. по январь 1922 г. Форстер служил в Девасе в качестве секретаря махараджи Бахадура Сингха, с которым он познакомился в ходе своей первой поездки в Индию в 1912 – 1913 гг.

104 Речь идет о книге «Александрия: история и путеводитель» (*Alexandria: a History and a Guide*, Alexandria, 1922).

105 На улице Шариф Паши располагалось издательство, опубликовавшее книгу «Александрия: история и путеводитель».

106 Речь идет о книге «Фарос и Фариллон» (*Pharos and Pharillon*, London, 1923).

107 Жан де Менаш (1902 – 1975) – видный ученый-иранист; в начале 1920-х гг. – студент Оксфордского университета; позднее монах-иезуит.

108 Форстер виделся с Кавафисом во время своего визита в Александрию в конце января – начале февраля 1922 г., на обратном пути из Индии.

109 Феликс де Менаш (1865 – 1943) – глава каирской еврейской общины в 1926 – 1933 гг.

110 «Александрия: история и путеводитель».

111 См. John Middleton Murry 'A Vision of Alexandria', *Times Literary Supplement*, 31 May 1923, p. 369; G. Lowes Dickinson, 'Mr. Forster's New Book', *The Nation and The Athenaeum*, 33 (1923), p. 273; R. M., 'Things That Have Interested Mr. Forster', *The New Statesman*, 21 (1923), pp. 302, 304. В «Дэйли Телеграф» рецензии не было.

112 Упомянутое письмо английского поэта Зигфрида Сассуна (1886 – 1967) не сохранилось.

113 Эта же рецензия была напечатана в «Нью Репаблик» ('The Magic of E. M. Forster', *The New Republic*, 35 (1923), pp. 293-294).

114 Гонорары за английские публикации были единственными в жизни Кавафиса литературными заработками.

115 Во главе издательства Hogarth Press стояли журналист Леонард Вулф (1880 – 1969) и его жена, писательница Вирджиния Вулф (1882 – 1941), друзья Форстера со времен литературного кружка Блумсбери.

116 Жан де Менаш опубликовал 4 стихотворения Кавафиса («Ионикон», «Мартовские иды», «Мануил Комнин», «Вернись») в *Oxford Outlook*, 26 (1924), pp. 94-95. Фамилия автора в публикации была приведена с ошибками: 'Four poems by C. P. Caravy (Translated from the Greek by G. V.)'.

117 Опубликовано в *The Nation and the Athenaeum* 35 (1924).

118 Историк и классик Арнольд Джозеф Тойнби (1889 – 1975) в 1919 – 1924 гг. был профессором византийского и современного греческого языка, литературы и истории в Лондонском Университете. 12 июня 1924 года он писал Форстеру: «Стихотворения [Кавафиса] четко делятся на две группы – эротические и исторические, и, по моему, он может сказать, что именно сочетание этих двух мотивов и создает Александрию. Похоже, что Александрия действительно сидит глубоко в его костях, и я думаю, именно это рождает в нем истинную поэзию, а не те подделки, которыми оказывается большая часть исторических стихотворений других авторов. Он сторонник драматического диалога, но без того подчеркивания и усложнения, которое свойственно, например, Браунингу. Я преклоняюсь перед его способностью говорить главное с помощью нескольких тривиальных и одноцветных утверждений. Что же касается красоты звучания, то я никогда не встречал ничего столь прекрасного (по крайней мере, с точки зрения иностранца), как "Город"».

193

119 Английский писатель, археолог и воин, один из организаторов Арабского восстания 1916 – 1918 гг., Томас Эдвард Лоуренс (1888 – 1935) в 1920-х гг. был близким другом Форстера, помогавшего ему редактировать книгу «Семь столпов премудрости»; Лоуренс, в свою очередь, делился с Форстером критическими замечаниями по поводу «непечатных» рассказов последнего (см. прим. 135).

120 Роман Форстера «Поездка в Индию» (*Passage to India*) вышел в свет 4 июня 1924 г.

121 См. статью Форстера «Рождение империи» ('The Birth of an Empire', *The Nation and the Athenaeum*, 35 (1924), 110-11).

122 В своем письме Форстеру от 12 июня 1924 г. (см. прим. 118) А. Тойнби приводит список из 13 стихотворений Кавафиса, которые, по его мнению, больше всего подходят для англоязычной аудитории.

123 Жозе Мария де Эредиа (1842 – 1905) – французский поэт, один из лидеров парнасской школы.

124 Томас Харди (1840 – 1928) – английский писатель.

125 *The Criterion*, 2 (1923-24), pp. 431-432.

126 Валасопулос был в Париже в конце 1924 – начале 1925 г.

127 Периклис Анастасиадис – александрийский бизнесмен и меценат, художник-любитель; друг Кавафиса. Именно он весной 1916 г. познакомил Форстера с Кавафисом.

128 Посвященный Кавафису специальный номер журнала «Неа Техни (Новое искусство)» за июль - октябрь 1924 г. вышел в свет в декабре 1924 г.

129 Речь идет об английском писателе Роберте Грейвзе (1895 – 1985), профессоре английской литературы в Египетском университете в Каире в 1925 – 1926 гг.

130 Мигель де Унамуно (1864 – 1936) – испанский писатель и философ.

131 Андре Моруа (1885 – 1967) – французский писатель.

132 Кристофер Скайф совместно с Кавафисом перевел на английский язык стихотворение последнего «Мирис: Александрия, 340 г.»

133 С января по март 1927 г. Форстер прочитал восемь лекций, опубликованных вскоре в виде книги *Aspects of the Novel*.

134 Англо-американский поэт Томас Стернз Элиот (1888 – 1965) был в тот период редактором журнала *Criterion*.

135 Речь идет о произведениях Форстера, которые увидели свет лишь после его смерти: романе «Морис» (*Maurice*; написан в 1913 – 1914 гг., опубликован в 1971 г.), а также рассказах «Грядущая жизнь» (*The Life to Come*, 1924 г.), «Доктор Уоллакотт» (*Dr. Woolacott*, 1927 г.), «Артур Снэчфолд» (*Arthur Snatchfold*, 1928 г.), опубликованных в 1972 г. Причина полувековой задержки публикации – гомоэротические мотивы, открыто присутствующие во всех вышеперечисленных произведениях.

136 Алексос Сенгопулос – греческий литератор, ближайший друг и наследник Кавафиса.

137 Видимо, речь идет о Сайеде Россе Масуде (1889 – 1938), деятеле индийского просвещения, одном из ближайших друзей Форстера.

138 Сэр Уильям Ротенштейн (1872 – 1945) – английский художник.

139 Французский критик и переводчик Шарль Морон (1899 – 1966) перевел на французский язык роман Форстера «Поездка в Индию», а позднее – еще ряд романов Форстера и Вирджинии Вулф.

196

140 Эта идея осталась неосуществленной.

141 Английский писатель Уильям Пломмер (1903 – 1973) попросил Форстера переслать Кавафису свое стихотворение, посвященное последнему. 1 июня 1931 г. Кавафис писал Пломмеру: «Мне было чрезвычайно лестно узнать от мистера Форстера, что моя поэзия доставила Вам удовольствие. Я горячо благодарен за Ваши стихи, обращенные ко мне, которые мне очень понравились. Я был очень горд, прочитав их. Посылаю Вам через мистера Форстера сборник моих стихотворений 1905 – 1915 гг., а также сборник моих стихотворений 1916 – 1918 гг.»

142 Перевод сделан по рукописи из архива Э. М. Форстера, хранящейся в Кингс Колледже, Кембридж, благодаря любезности ректора и сотрудников Кингс Колледжа. Ранее был опубликован в журнале «Солнечное сплетение», Иерусалим, № 14-15, 2000, с. 177-182 (отдельные фрагменты письма публиковались до этого в различных биографиях писателя).

143 Мохаммед, как и Форстер, приехал в Александрию в конце 1915 г. (из Мансуры, где жила его семья).

144 Речь идет о рассказе «Грядущая жизнь» (*The Life to Come*) и о книге «Фарос и Фариллон», посвященной Гермесу Психопомпу (Гермесу душеводителю).

145 Последний раз Форстер виделся с Мохаммедом за три месяца до смерти последнего, в январе-феврале 1922 г., когда возвращался из Индии. Мохаммад был уже смертельно болен; Форстер возил его к врачу в Каир, затем они провели несколько дней на курорте в Хелуане.

197

146 С октября 1917 г. по июнь 1918 г. Мохаммад несколько месяцев проработал в британской военной администрации Суэцкого канала, куда ему помог устроиться Р. А. Фирнесс по просьбе Форстера. За это время они с Форстером виделись единожды, в мае 1918 г., когда Мохаммад приезжал в отпуск в Александрию.

147 Отец Мохаммада умер в июне 1918 г.; Форстер приезжал в Мансуру в десятых числах июля. Примерно в то же время утонул брат Мохаммеда, он унаследовал дом и немного денег и некоторое время пытался заниматься торговлей хлопком.

148 В марте 1921 г. Форстер виделся с Мохаммадом в Порт-Саиде по дороге в Индию. Это была их предпоследняя встреча.

149 Мохаммад женился на Джамиле в октябре 1918 г. Примерно к этому времени относятся первые признаки его болезни. Вскоре после свадьбы Форстер приезжал к нему попрощаться перед своим отъездом из Египта.

150 Флоренс Баргер (1879 – 1960) была одним из ближайших друзей Форстера. Они с Форстером были в Египте в сентябре 1929 г., возвращаясь из путешествия в Южную Африку.

151 Перед смертью Мохаммад завещал Форстеру кольцо, которое и было ему передано.

Ольга Серебряная, Артем Федорчук

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications»
можно приобрести в Москве:

«Фаланстер» Малый Гнездииковский переулок, д. 12/27
«Москва» ул. Тверская, д. 8
«Циолковский» Новая площадь д.3/4
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Индиго» ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Клуб 36, 6» Рязанский пер., д. 3

в Петербурге:

«Порядок слов» наб. Фонтанки, д. 15
«Борхес» наб. Обводного канала, 60

через Интернет:

«Ozon» ozon.ru
"Книга" kniga.ru
«Esterum» esterum.ru
«Petropol» petropol.com
«Болеро» bolero.ru
«Чакона» chaconne.ru
«Международная книга» mkniga.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на Украине:

«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж
обращаться в ооо «Берроунз», тел. (495) 971-47-92

**Все книги нашего издательства можно заказать
наложенным платежом в редакции
на сайте kolonna.org**

Э. М. Форстер

ФАРОС И ФАРИЛЛОН

Kolonna Publications.

Россия, Тверь, улица Брагина, 6, офис 301
Подписано в печать 01.08.2012 Тираж 500 экз. Заказ № 606
Формат 70 x 100/32. Объем 7,5 п. л. Гарнитура itc Charter
Отпечатано в типографии Муниципальное Унитарное
Предприятие «Рамзан! Спасибо за Всё!» города Грозного,
364014, Чеченская республика, г. Грозный, ул. Абульяна, 25